

Ф. Н. ФАТКУЛЛИН

ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ
ПРОЦЕССУАЛЬНОГО
ДОКАЗЫВАНИЯ

Второе, дополненное издание

ИЗДАТЕЛЬСТВО
КАЗАНСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
1976

*Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета*

Казанского университета

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>ПРЕДИСЛОВИЕ К ВТОРОМУ ИЗДАНИЮ</i>	3
<i>Глава первая – СУЩНОСТЬ, МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ И ЦЕЛЬ ДОКАЗЫВАНИЯ В СОВЕТСКОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ</i>	6
§ 1. Понятие, содержание и основные элементы процессуального доказывания по уголовному делу	6
§ 2. Гносеологическая природа и методологические основы процессуального доказывания	16
§ 3. Цель доказывания в советском уголовном процессе	25
§ 4. Роль логики, психологии и частных методов познания в процессуальном доказывании.....	34
<i>Глава вторая</i>	
<i>ПРЕДМЕТ, ПРЕДЕЛЫ И СУБЪЕКТЫ ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ДОКАЗЫВАНИЯ</i> ...	46
§ 1. Понятие, содержание и структура предмета процессуального доказывания	47
§ 2. Пределы процессуального доказывания	62
§ 3. Субъекты и обязанность доказывания	80
<i>Глава третья</i>	
<i>СРЕДСТВА ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ДОКАЗЫВАНИЯ</i>	87
§ 1. Понятие и виды средств процессуального доказывания	87
§ 2. Доказательства как фактические данные. Их относимость	100
§ 3. Источники судебных доказательств. Их допустимость	121
§ 4. Способы получения и использования судебных доказательств	151
§ 5. Классификация средств процессуального доказывания.....	156
<i>Глава четвертая</i>	169
<i>ОЦЕНКА СРЕДСТВ ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ДОКАЗЫВАНИЯ</i>	169
§ 1. Сущность и основные принципы оценки средств процессуального доказывания	171
§ 2. Особенности оценки отдельных видов средств процессуального доказывания.....	184

ПРЕДИСЛОВИЕ К ВТОРОМУ ИЗДАНИЮ

Второе издание предлагаемой вниманию читателя монографии посвящается тем же общим проблемам процессуального доказывания. Этой темой охватывается широкий круг сложных и важных вопросов, представляющих несомненный познавательный и практический интерес.

Общие проблемы процессуального доказывания уже неоднократно рассматривались в опубликованных и диссертационных исследованиях ряда советских юристов. В этих исследованиях содержится много ценного, обогащающего правовую науку значительными результатами. Но тем не менее большинство вопросов данной темы чаще всего трактуются противоречиво и продолжают оставаться дискуссионными.

Многолетние и острые споры, связанные с общими проблемами процессуального доказывания, и существенные расхождения в трактовке их отражали определенные ступени развития соответствующей отрасли юриспруденции и в этом плане были даже необходимы. Они сыграли в известной мере положительную роль, способствуя поступательному движению науки. Некоторые разногласия в понимании тех или иных вопросов процессуального доказывания вполне возможны и впредь: такова диалектика развития от явления к сущности, от менее глубокой сущности к более глубокой.

Однако в современных условиях, когда Коммунистическая партия требует строго научного подхода к изучению любых сторон социальной жизни и повышения эффективности теоретических разработок, назрела необходимость более тщательно разобраться, какие из указанных споров обусловлены объективными факторами,

а какие носят преимущественно субъективный характер.

В. И. Ленин учил, что «нельзя вполне уяснить себе никакой ошибки, ...если не доискаться теоретических корней ошибки у того, кто ее делает, исходя из определенных, сознательно принимаемых им, положений»¹. Применительно к предмету нашего исследования такие «корни» кроются, пожалуй, в первую очередь в слабости исходных положений, в попытке решить многие конкретные вопросы темы в отрыве друг от друга, без должной их систематизации и подведения прочной научной базы. Вместо того, чтобы сначала четко уяснить содержание, основные элементы и средства процессуального доказывания, а потом на этой основе анализировать понятие судебных доказательств и их источников, определить их подлинное соотношение, классифицировать эти средства доказывания с учетом их особенностей, наметить специфические методы (приемы) их оценки и в таком комплексе с единых позиций рассмотреть остальные вопросы темы, часто наблюдалось стремление трактовать существо судебных доказательств вне связи с общим понятием и видами средств доказывания, содержание доказывания — в отрыве от его основных структурных элементов, эти элементы — отдельно от цели доказывания, цель — без увязки с предметом и пределами доказывания, предмет доказывания — изолированно от его пределов и т. д. К тому же, нередко отдельное принималось за общее (например, доказательства — за средства доказывания в целом) или, наоборот, общее подменялось отдельным (скажем, все средства доказывания сводились к источникам фактических данных). Все это не могло не привести к противоречиям и разногласиям, которые не всегда были оправданными.

«Каждое понятие,— отмечал В. И. Ленин,— находится в известном **о т н о ш е н и и**, в известной связи со *в с е м и* остальными»². Вся совокупность понятий теории и практики процессуального доказывания должна составлять целостную систему, объединяющую их по необходимым содержательным и формальным критериям,

¹ В. И. Ленин. Поли. собр. соч., т. 42, стр. 286.

² В. И. Ленин. Поли. собр. соч., т. 29, стр. 179.

обеспечивающую их субстанциональное и организационное единство.

Основная цель настоящей работы — системное освещение общих проблем процессуального доказывания. Соответственно предпринимается попытка глубже раскрыть отправные понятия и положения процессуального доказывания, привести их в стройную систему и на таком фундаменте рассмотреть различные вопросы темы, сохраняя их внутреннюю согласованность и целостность. Именно этим обусловлены как круг и последовательность затрагиваемых автором проблем, так и подход к их решению.

В этом отношении данное, второе издание монографии не отличается от первого. Оно вызвано другой причиной — тем повышенным спросом, который не удалось удовлетворить первым изданием работы.

Поскольку монография стала широко использоваться в качестве одного из учебных пособий по спецкурсу, посвящаемому в высших учебных заведениях проблемам процессуального доказывания, во втором издании отдельные положения работы несколько конкретизированы и дополнены без изменения их принципиального существа. Это касается главным образом той части монографии, где рассматриваются источники судебных доказательств и их оценка.

В работе по-прежнему не все проблемы освещаются с достаточной полнотой. Некоторые из них излагаются почти в тезисном порядке. Отдельные вопросы темы ((роль советского суда в доказывании, соотношение доказывания и применения норм права, особенности и основные этапы доказывания в различных стадиях процесса и т. д.) оставляются, по существу, без рассмотрения. В очень сжатом виде используются материалы следственной и судебной практики. Все это не следует расценивать как упущение автора, поскольку ограниченность заранее установленного объема монографии вынуждала его думать над максимальным сужением материала.

Глава первая
СУЩНОСТЬ, МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ
И ЦЕЛЬ ДОКАЗЫВАНИЯ В СОВЕТСКОМ
УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

§ 1. Понятие, содержание и основные элементы
процессуального доказывания
по уголовному делу

Для успешного выполнения задач советского уголовного процесса в каждом конкретном случае необходимо точно выяснить наличие или отсутствие имеющих значение по делу фактов (обстоятельств), правильно раскрыть их социально-правовое содержание и принять по ним законное и обоснованное решение. Будучи явлениями прошлого, эти факты в своем подавляющем большинстве не предстают перед следователем, прокурором и судьями в материальном виде, не наблюдаются и не воспринимаются ими непосредственно. По уголовному делу они устанавливаются и осмысливаются на базе соответствующей информации, опосредствованным путем — путем процессуального *доказывания*.

Как путь воссоздания реальной картины событий прошлого, уяснения их сущности и выработки требуемых по ним решений, процессуальное доказывание представляет собой сложную и многогранную деятельность, которой охватываются *все* стороны доказывания в уголовном судопроизводстве. Нельзя признать удачной попытку некоторых авторов рассматривать его лишь в качестве *части* доказывания в уголовном процессе, имеющей своим предметом только «фактические обстоятельства дела, не включая сюда выводов о наличии в этих обстоятельствах состава преступления, о юридической квалификации

содержания и о мере наказания. Понятия «доказывание в уголовном процессе» и «процессуальное доказывание по уголовному делу» тождественны и по цели, и по предмету, и по содержанию. В нашем уголовном судопроизводстве любой факт или вывод, подлежащий доказыванию, устанавливается и обосновывается не иначе, как процессуальным доказыванием, а последнее, в свою очередь, происходит непременно в рамках уголовного процесса. Здесь нет почвы для разграничения упомянутых выше понятий, если не выводить доказывания тех или иных положений, имеющих юридическое значение по делу, вообще за пределы уголовно-процессуальной деятельности.

Во всем процессуальном доказывании по уголовному делу органически сочетаются две равноценные стороны — *мыслительная и практическая*, находящиеся в диалектическом взаимодействии. Не увенчалось успехом стремление отдельных советских ученых трактовать такое доказывание в качестве либо сугубо умственной, логической⁴, либо только практической работы⁵. Хотя в различных элементах доказывания возможно изменение соотношения отмеченных сторон этой деятельности, но в целом они всегда тесно переплетаются между, собой и выступают как единое целое. Любой конкретный практический шаг по доказыванию тех или иных обстоятельств может быть эффективным лишь при соответствующей мыслительной его обработке, а всякая умственная операция, если даже она касается оценки средств процессуального доказывания и логического обоснования тех или иных выводов по делу, приобретает юридическое значение только при проявлении во вне, когда она объективируется, отражается в надлежащем волевом акте. «Лишь постольку, поскольку я *проявляю* себя, поскольку я вступаю

³ См. В. Д. Арсеньев. Вопросы общей теории судебных доказательств. М., 1964, стр. 10—11.

⁴ См. М. А. Чельцов. Советский уголовный процесс. М., 1951, стр. 134; А. А. Старченко. Логика в судебном исследовании. М., 1958, стр. 17, 19—20.

⁵ См. И. И. Люблинский. О доказательствах в уголовном суде. М., 1924, стр. 5—7; С. В. Курьлев. Доказывание и его место в процессе судебного познания.— «Труды Иркутского государственного университета», т. XIII, 1955, стр. 57.

паю в область действительности,— подчеркивал К. Маркс,— я вступаю в сферу, подвластную законодателью»⁶.

Соответственно этому *все* доказывание в уголовном судопроизводстве считается *правовой* деятельностью, регламентируется процессуальным законом. В Основах уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик указаны цель и предмет доказывания (ст. ст. 3, 15), определено понятие доказательств и дан перечень их источников (ст. 16), сформулированы принципы оценки средств доказывания (ст. 17), перечислены лица, на которых лежит обязанность доказывания (ст. ст. 14, 23), предусмотрена недопустимость переложения этой обязанности на обвиняемого (ст. 14), а также названы другие субъекты доказывания по делу (ст. ст. 21, 24—26). В УПК союзных республик, кроме этих важнейших правил, включены многочисленные нормы, в которых детализированы отдельные источники доказательств, указаны конкретные способы их получения и проверки, оттенены специфические факторы доказывания в различных стадиях судопроизводства (например, ст. ст. 70, 72—88, 109—111, 123, 141—142, 150—152, 155—159 УПК РСФСР⁷ и др.). Совокупность этих юридических норм, относящихся целиком или преимущественно к доказыванию, обычно именуется доказательственным *правом*, которое, в свою очередь, является органической частью советского уголовно-процессуального права.

Нормы доказательственного права отнюдь не сводятся к формальным правилам, очерчивающим только внешний порядок обращения с судебными доказательствами и их источниками. Они определяют условия, основное направление и содержание доказывания в советском уголовном процессе, обеспечивая строгую его подзаконность и создавая гарантии, необходимые для достижения цели доказывания по каждому делу.

Конкретное содержание доказывания, как *правовой деятельности*, складывается из комплекса процессуальных *действий и отношений*, при помощи которых

⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2-е, т. 1, стр. 14.

⁷ Здесь и в дальнейшем при ссылках на те или иные статьи УПК РСФСР имеются в виду и соответствующие нормы уголовно-процессуального законодательства других союзных республик, если иное не оговорено особо.

достигается его цель. Все эти действия и отношения носят уголовно-процессуальный характер, их субъектами могут выступать лишь органы предварительного расследования, прокурор, суд и указанные в законе участники уголовного судопроизводства. Вне таких действий и отношений, равно как и со стороны каких-либо других лиц, процессуальное доказывание не допустимо.

Совокупность действий и отношений, составляющих содержание доказывания в уголовном судопроизводстве, характеризует его как многогранную деятельность по установлению искомых фактов и обстоятельств, по уяснению их социально-правового существа и по обоснованию соответствующих выводов по делу. Это — сложный процесс от незнания к знанию, от вероятного к достоверному, где каждый шаг подчинен мысли, а сама мысль рождается из действия и объективируется при его помощи. Составляющие такой процесс действия и отношения весьма разнообразны, и при всей своей взаимосвязи они могут быть сгруппированы в отдельные, относительно самостоятельные э л е м е н т ы , важные для аналитического изучения внутреннего содержания процессуального доказывания.

Эти элементы многими авторами именуется этапами доказывания. Такое обозначение, однако, является неверным⁸. Этапы и элементы доказывания — понятия разные. Первое из этих понятий связано с описанием внешнего пути и результатов доказывания, и необходимо оно для выделения наиболее значимых периодов (моментов) поиска объективной истины по различным делам и в отдельных стадиях судопроизводства. Различны этапы доказывания, скажем, на предварительном следствии и в судебном заседании, по делу о крупной недостаче товарно-материальных ценностей у определенного лица и по делу, возбужденному по факту обнаружения в лесу трупа человека с признаками насильственной смерти. Элементы же доказывания указывают на внутреннюю структуру этой процессуальной деятельности, складываются из той или иной суммы процессуальных действий и отношений.

⁸ Данное обстоятельство правильно подчеркивается в работах: Н. Я. Якубович. Понятие доказывания в советском уголовном процессе. — «Советское государство и право». 1965, № 7, стр. 114—115; «Теория доказательств в советском уголовном процессе». Часть общая. М., 1966, стр. 298—300.

Они едины для всех категорий уголовных дел, а в отдельных стадиях процесса могут быть специфичны лишь своей ролью и сочетанием.

К тому же, в одном и том же акте доказывания нередко встречаются признаки одновременно нескольких его элементов (например, собирания, проверки и обоснования доброкачественности доказательств и их источников). Ряд элементов доказывания могут многократно чередоваться в различных сочетаниях и т. д. Благодаря такому взаимодействию все элементы доказывания выступают в неразрывном единстве и только вместе взятые дают необходимое представление о содержании этого сложного понятия.

Некоторые советские юристы сводят процессуальное доказывание по существу к одному элементу — к исследованию «фактов для познания истины»⁹. Но наиболее распространенным в нашей юридической литературе является взгляд, сторонники которого с теми или иными расхождениями в деталях выделяют в доказывании по уголовному делу три элемента — собирание, проверку (исследование) и оценку доказательств¹⁰. На наш взгляд, даже этими тремя элементами структура доказывания в уголовном судопроизводстве раскрывается недостаточно полно.

Известно, что для полноты, объективности и всесторонности выяснение любого обстоятельства дела начинается с выдвижения всех возможных в данном случае *версий*, под которыми подразумеваются вероятные (предположительные) объяснения имеющихся сведений о данном обстоятельстве. Проверка этих версий обязательна не только на первоначальных этапах судопроизводства, когда еще доказывание опирается на

⁹ См. А. М. Ларин. Доказывание на предварительном расследовании в советском уголовном процессе. Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. М., 1961, стр. 9.

¹⁰ См. Э. С. Зеликсон. Процесс доказывания при расследовании и рассмотрении уголовных дел.— «Труды Казахского госуниверситета», серия юридическая, т. 2. Алма-Ата, 1956, стр. 136; Р. С. Белкин. Собирание, исследование и оценка доказательств. М., 1961, стр. 8; В. Д. Арсеньев. Вопросы общей теории судебных доказательств. М., 1964, стр. 15—16; П. А. Луи н с к а я. Доказывание в советском уголовном процессе. М., 1966, стр. 33—39; «Советский уголовный процесс». Под ред. Д. С. Карева. М., 1968, стр. 113—117.

доказательно небольшой объем фактических данных, но и на его других, более поздних этапах. По своему характеру и значению следственные версии не сводятся к сугубо логическим или тактическим операциям. Они находят объективное выражение в конкретных действиях субъектов уголовно-процессуальной деятельности и материалах дела (планы расследования, ходатайства обвиняемого, речь защитника и т. д.), а необходимость использования их в доказывании вытекает из закона (например, ст. ст. 20, 243, 342—344 УПК РСФСР).

Поэтому заслуживает положительного к себе отношения предложение о включении следственных версий в учение о судебных доказательствах¹¹. Но для этого нужно, прежде всего, найти естественное место работы с версиями в структуре процессуального доказывания. Нельзя признавать следственные версии «инструментом», «ядром» доказывания в уголовном процессе и в то же время оставлять их за рамками элементов доказывания, как это делают некоторые авторы¹². Все то, что остается вне элементов доказывания, находится за пределами его содержания и структуры. Если работа со следственными версиями составляет органическую часть процессуального доказывания, она не может не считаться одним из его структурных элементов.

Отсюда следует вывод, что *построение и динамическое развитие следственных версий по делу есть первый элемент доказывания* в советском уголовном процессе.

Второй элемент рассматриваемого понятия — *сборение доказательств и их источников*. Сюда следует отнести выявление, получение и процессуальное закрепление доказательств и их источников по каждой из следственных версий по делу¹³. В этом отношении законодатель

¹¹ См. А. А. Пионтковский. За дальнейшую разработку советской теории доказательств в уголовном процессе.— «Социалистическая законность», 1955, № 7, стр. 34—35.

¹² См. «Теория доказательств в советском уголовном процессе». Часть общая. М., 1966, стр. 300—330.

¹³ В некоторых работах сборение доказательств расчленяется на два элемента — на их обнаружение и закрепление (см. Н. А. Якубович. Понятие доказывания в советском уголовном процессе.— «Советское государство и право», 1965, № 7, стр. 114—120) или выявление, сборение и закрепление доказательств расцениваются как параллельные явления (см. Д. А. Постовой. Основные положения оценки доказательств, в советском уголовном

предусматривает целый арсенал специфических процессуальных средств, в частности: а) совершение различных следственных действий; б) производство ревизий; в) истребование органами суда, прокуратуры и предварительного расследования необходимых по делу документов и предметов; г) получение ими соответствующих объяснений; д) представление доказательственных материалов участниками процесса или другими лицами (ст. ст. 70, 109, 337 УПК РСФСР). Все эти средства в совокупности обеспечивают полное выявление, получение и процессуальное закрепление фактических данных и их источников, имеющих значение по уголовному делу.

Закон указывает, что все «собранные по делу доказательства подлежат тщательной, всесторонней и объективной проверке» (ст. 70 УПК РСФСР). В этой связи появляется третий элемент доказывания в уголовном процессе — *проверка собранных доказательств и их источников*. Она заключается в детальном исследовании свойств (признаков) каждого отдельного доказательства и его источников, в подкреплении или, напротив, в опровержении их путем получения новых материалов, а также в сопоставлении всех имеющихся по делу доказательств и их источников друг с другом в целях определения их доброкачественности. Такая проверка обязательна в отношении любого доказательства и источника, производится она неоднократно, на всем протяжении уголовного судопроизводства. Отдельным этапам последнего могут быть присущи некоторые особенности в проверке доказательств и их источников (скажем, при предании суду эта проверка не сопровождается отысканием новых доказательств и источников), однако в советском уголовном процессе нет какой-либо стадии, где бы то или иное доказательство и его источник могли бы приниматься на веру, без тщательной проверки.

С л е д у ю щ и й элемент процессуального доказывания — *оценка имеющихся средств доказывания по делу*, заключающаяся в определении доброкачественности, полноты, достаточности и других ценностных свойств этих средств, их подлинного значения для признания

процессе.—«Научная конференция по работам, выполненным в 1965 г. Харьков, 1966, стр. 109), что представляется неоправданным.

наличия или отсутствия искомых фактов (обстоятельств) и уяснения их социально-правового существа, для успешного достижения цели доказывания по делу.

Являясь логическим продолжением предыдущего элемента доказывания, оценка эта тоже пронизывает все этапы уголовного судопроизводства и касается всех без исключения средств процессуального доказывания, причем как каждого в отдельности, так и всех их в совокупности (ст. 71 УПК РСФСР).

Наконец, для доказывания в советском уголовном процессе характерно подробное *обоснование* выводов, к которым приходят его субъекты. Обосновываются выводы и о доброкачественности или недоброкачественности доказательств и их источников, и об их относимости и допустимости, и о наличии или отсутствии искомых фактов, и об их юридически значимых свойствах, и о характере требуемых по делу решений. Поскольку все такие выводы формулируются на официальных началах и должны быть убедительными для всех лиц, от органов суда, прокуратуры и предварительного расследования требуется удостоверить их так, чтобы ни у кого не осталось сомнений в их правильности. Поэтому надо признать, что пятым, завершающим элементом процессуального доказывания является *обоснование соответствующих выводов по делу*.

Нельзя согласиться с мнением, что обоснование выводов — это уже другой смысл, иное значение понятия доказывания¹⁴. Вытекающий отсюда тезис о том, что в уголовном судопроизводстве принято двойное понимание доказывания (как действия по исследованию и как логического обоснования вывода)¹⁵, тоже не имеет достаточного оправдания. В советском уголовном процессе доказывание тех или иных обстоятельств и обоснование соответствующих выводов по ним относятся друг к другу как общее к отдельному, целое к части, структура к элементу. Иная трактовка данного вопроса неизбежно обедняет содержание процессуального доказывания, оставляя в тени некоторые из его структурных элементов.

¹⁴ См. М. С. Строгович. Курс советского уголовного процесса. М., 1968, стр. 299; В. М. Савицкий. Государственное обвинение в суде. М., 1971, стр. 156—158.

¹⁵ См. И. Л. Петрухин. Доказывание невиновности и позиция адвоката.— «Советская юстиция», 1972, № 10, стр. 22.

Все названные выше элементы процессуального доказывания тесно переплетаются между собой. В одном и том же акте доказывания нередко встречаются одновременно признаки нескольких его элементов (например, собирания, проверки, оценки доказательств и их источников, а также обоснования их доброкачественности). Ряд элементов доказывания может многократно чередоваться в различных сочетаниях и т. д. Благодаря такому взаимодействию все элементы процессуального доказывания выступают в неразрывном единстве и только вместе взятые дают необходимое представление о содержании и структуре этого сложного понятия.

По этим соображениям можно признать, что *доказывание в советском уголовном судопроизводстве — это процессуальная деятельность указанных в законе органов и лиц, заключающаяся в определении возможных следственных версий, в собирании, проверке и оценке доказательств и их источников по этим версиям, а равно в обосновании достоверных выводов для установления объективной истины по делу.*

Доказывание в таком понимании выступает в качестве единого правового явления, пронизывающего всю уголовнопроцессуальную деятельность. Оно полностью подчинено общим задачам и принципам этой деятельности. Иначе говоря, доказывание направлено на выполнение тех же задач, что и советский уголовный процесс в целом (ст. 2 Основ уголовного судопроизводства). В его основе лежат те же самые подлинно демократические начала, которые органически свойственны всему советскому уголовному судопроизводству. Если известны определенные особенности доказывания на некоторых этапах движения дела, то они вызваны специфическими их условиями. В нашем уголовном процессе нет ни одной стадии, где бы вообще отсутствовало доказывание. В отрыве от последнего невозможно выполнение ни одной из задач судопроизводства, указанных в законе. Подавляющее большинство тех действий и отношений, из которых складывается вся уголовно-процессуальная деятельность, в конечном счете замыкается на доказывании. Но тем не менее ни уголовный процесс в целом, ни отдельные его стадии не могут быть сведены только к доказыванию. Лишено достаточного основания утверждение, что «уголовное судопроизводство — это производство по

доказыванию наличия или отсутствия события преступления, виновности определенных лиц в его совершении и всех других обстоятельств», что «до предъявления обвинения доказывание... ведется в форме поиска; применительно к данному этапу процесса оно тождественно понятию «расследование»¹⁶. Процессуальное доказывание полностью подчинено задачам уголовного судопроизводства, однако не исчерпывает его ни по содержанию, ни по целям. В любой стадии процесса есть действия и отношения, которые не укладываются в понятие «доказывание» (например, оформление принятых решений). Содержанием этого понятия не охватывается также часть предпринимаемых органами прокуратуры, следствия и суда мер по защите прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства (скажем, указанные в ст. 98 УПК РСФСР меры попечения о детях и охраны имущества заключенного под стражу лица). Многие правила определения подсудности и подсудности, часть процессуальных сроков, а равно некоторые из мер процессуального принуждения предусмотренных ст. ст. 89, 122, 147, 175, 263, 311 УПК РСФСР, связаны тоже не столько с доказыванием, сколько с предупреждением и пресечением преступления, с созданием необходимых условий для нормального ведения дела, с обеспечением исполнения судебного приговора и т. д. Все это представляется вполне естественным. Если доказывание, составляя преимущественно познавательно-удостоверительную сторону уголовно-процессуальной деятельности, нацелено на обеспечение достоверности и истинности требуемых по уголовному делу выводов и решений, то это для советского уголовного процесса в целом служит только одним из средств достижения других, более широких социальных и правовых целей — целей защиты советского государственного и общественного строя, социалистической системы народного хозяйства, социалистической собственности, а также прав и охраняемых законом интересов граждан, государственных учреждений, предприятий и общественных организаций от преступных посягательств.

¹⁶ В. М. С а в и ц к и й . Государственное обвинение в суде. М, 1971, стр. 149, 159.

§ 2. Гносеологическая природа и методологические основы процессуального доказывания

В гносеологическом плане доказывание представляет собой *познание* и удостоверение тех явлений внешнего мира, которые имеют значение для правильного разрешения дела. В советском уголовном судопроизводстве органы предварительного расследования, прокуратуры и суда могут получить необходимое *знание* об этих явлениях и обосновать свои выводы по ним *не иначе*, как путем процессуального доказывания.

Следует признать односторонним утверждение, будто с «гносеологической точки зрения доказывание есть выяснение связей между данным явлением, фактом и обосновывающими его другими фактами, явлениями»¹⁷. В уголовном процессе не может быть ни априори данных фактов, ни заранее известных явлений, обосновывающих такие факты. Установление и самих юридически значимых обстоятельств дела, и доказательственных фактов, и объективных связей между ними, и всех их существенных признаков полностью охватывается гносеологией процессуального доказывания.

При доказывании знания об обстоятельствах и фактах, подлежащих установлению по делу, и об их существовании всегда приобретаются только при помощи определенных средств, облеченных в предусмотренную законом процессуальную форму. Вне таких средств нет и процессуального доказывания. Поэтому последнее есть полностью *опосредствованный* путь познания. Такое его понимание вполне соответствует ленинскому положению о том, что «доказывание есть вообще опосредствованное познание»¹⁸.

В нашей юридической литературе нередко встречается мнение, что в судопроизводстве наряду с доказыванием существует другой, непосредственный путь познания тех или иных явлений объективной действительности. Причем круг таких явлений очерчивается по-разному. В. Я. Лившиц, В. Я. Дорохов и ряд других криминалистов допускают возможность непосредственного познания

¹⁷ Р. С. Белкин, А. И. Винберг. Криминалистика и доказывание. М., 1969, стр. 6—7.

¹⁸ В. И. Ленин. Поли. собр. соч., т. 29, стр. 133.

сохранившихся последствий содеянного, оставшихся продуктов противоправной деятельности, обнаруженных предметов преступного посягательства, места совершения деяния и некоторых иных побочных обстоятельств, имеющих значение по делу¹⁹. Р. С. Белкин и А. И. Винберг распространяют такую возможность на «последствия преступления; признаки совершения преступления данным лицом; орудия и средства, при помощи которых было совершено преступление; обстоятельства, способствовавшие совершению преступления; обстоятельства, относящиеся к личности субъекта преступления»²⁰. А. А. Пионтковский идет еще дальше, полагая, что «в простейших случаях этот процесс чувственного восприятия может дать... и установление объективной истины по делу, вины определенного лица в совершении расследуемого преступления»²¹. И. М. Лузгин предлагает даже различать в уголовном судопроизводстве два уровня «познания — непосредственное познание фактов и опосредствованное познание», считая, что «непосредственно следователь устанавливает такие обстоятельства преступления, которые объективизируются в чувственно воспринимаемых предметах и явлениях»²².

Между тем все подобные суждения вряд ли могут считаться состоятельными. Нельзя свести познание в уголовном процессе к чувственному восприятию, являющемуся лишь его *первой* ступенью. Чувственное восприятие так или иначе наличествует при выявлении любых обстоятельств внешнего мира (в том числе при помощи сведений о них), однако оно никогда не достаточно для надлежащего познания их существа. Уже по этой причине неверно утверждать, будто если тот или иной факт

¹⁹ См. В. Я. Лившиц. Принцип непосредственности в советском уголовном процессе. М.—Л., 1947, стр. 18—19; В. Я. Дорохов, В. С. Николаев, Обоснованность приговора. М., 1959, стр. 37—38; А. Р. Ратинов Вопросы познания в судебном доказывании.— «Советское государство и право», 1964, № 8, стр. ПО и др.

²⁰ Р. С. Белкин, А. И. Винберг. Криминалистика и доказывание. М., 1969, стр. 13.

²¹ А. А. Пионтковский. К вопросу о теоретических основах советской криминалистики.— «Советская криминалистика на службе следствия», вып. 6. М., 1955, стр. 25.

²² См. И. М. Лузгин. Расследование как процесс познания. Автореферат докторской диссертации. М., 1968, стр. 12—13.

(явление), имеющий значение для судопроизводства, доступен чувственному восприятию следователя, прокурора и судей, то он познается ими непосредственно, без всякого доказывания. По любому делу такой факт исследуется и оценивается наряду с остальными обстоятельствами, и только в ходе этой деятельности узнается его сущность, отношение к искомым фактам и значение по делу. К тому же, самое чувственное восприятие судьями (следователем, прокурором) сохранившихся «следов» содеянного происходит при следственном осмотре и приобретает процессуальное значение лишь при условии, если предметы, на которых сохранились такие материальные следы, приобщаются к делу в качестве вещественных источников доказательств или, по крайней мере, подробные сведения о них фиксируются в протоколе. Непосредственное чувственное восприятие, имевшее место вне процессуального действия, не есть средство познания каких-либо обстоятельств, входящих в предмет доказывания по делу. Все это не оставляет сомнения в том, что в уголовном судопроизводстве чувственное восприятие тех или иных явлений происходит не вне доказывания, а, напротив, при совершении тех- самых процессуальных действий, которые составляют элементы доказывания, что расценивать такое непосредственное восприятие как самостоятельный путь познания, существующий независимо от доказывания, нет достаточного основания.

Отдельные авторы иногда указывают на возможность еще одного пути познания в уголовном судопроизводстве— на «не процессуальные действия». В. Д. Арсеньев, в частности, утверждает, что такая часть предмета доказывания, как способствовавшие совершению преступления обстоятельства, может устанавливаться без доказывания, при помощи бесед и других не процессуальных действий²³. Однако такое мнение является беспочвенным. При помощи расспросов, бесед и тому подобных действий могут быть обнаружены сведения не только об обстоятельствах, способствовавших совершению преступления, но и о других фактах предмета доказывания (скажем, о личности виновного), однако выявленные таким образом

²³ См. В. Д. Арсеньев. Вопросы общей теории судебных доказательств. М., 1964, стр. 34.

данные имеют значение по делу только при том непременном условии, что они закреплены, исследованы и оценены в порядке, который предусмотрен процессуальным законом. Если же эти сведения даже не представлены следователю (судьям) в соответствии со ст. 70 УПК РСФСР, они остаются субъективным достоянием получившего их лица, и основанные на них знания процессуального значения не имеют и не могут рассматриваться как познание обстоятельств, подлежащих выяснению по делу. Значит, никакого «непроцессуального» пути установления тех или иных обстоятельств дела, который протекал бы вне процессуальных форм, был бы равноценен доказыванию и мог бы заменить его в каком-то отношении, в советском уголовном судопроизводстве быть не может.

Процессуальное доказывание является собой *единственный* полноценный путь познания любых фактов и обстоятельств, подлежащих установлению по уголовному делу. Но оно по сравнению с познанием, осуществляемым в других сферах социальной жизни, характеризуется некоторыми специфическими признаками. В связи с этим в юридической литературе возник вопрос о характере познания в области судопроизводства. И он тоже оказался дискуссионным.

В юридической литературе познание по судебным делам расценивается либо как «звено процесса научного познания», либо как обыденное познание, применяемое в повседневной практической деятельности людей, либо как специальное познание, занимающее промежуточное положение между научным и обыденным познанием²⁴. Разногласия эти, способные отрицательно сказаться на трактовке гносеологической природы процессуального доказывания, происходят главным образом из-за того, что пока отсутствуют научно разработанные критерии деления познания на виды.

В основу такого деления следовало бы положить характер задач, средств, предмета и условий познания тех или иных сторон (явлений) реального мира. С этой точки

²⁴ По этому поводу подробнее см.: Л. А. Ванеева. Характер судебного познания.— «Материалы XIV научной конференции профессорско-преподавательского состава ДВГУ». Владивосток, 1969, стр. 71—74.

зрения процессуальное доказывание отличается как от научного, так и от обыденного познания. Оно осуществляется: а) ради выполнения специфических задач, указанных процессуальным законодательством (ст. 2 Основ уголовного судопроизводства); б) при помощи специфических средств, именуемых судебными доказательствами, их источниками и способами их получения и проверки; в) для установления наличия или отсутствия фактов и обстоятельств, имеющих значение для правильного разрешения уголовного или гражданского дела; г) в пределах и условиях, характерных только для судопроизводства. Эти особенности позволяют видеть в процессуальном доказывании самостоятельную разновидность познания внешнего мира, которая условно могла бы называться следственно-судебным познанием.

Однако выделение процессуального доказывания в качестве отдельного вида познания отнюдь не дает права отрицать за ним общие закономерности процесса познания. Был не прав С. В. Курьлев, когда пытался использовать особенности познания по судебным делам для вывода, будто такое познание не может развиваться «от явления к сущности, от сущности первого порядка к сущности второго порядка и т. д.»²⁵. В процессуальном доказывании могут одинаково выражаться как развитие мысли от чувственно-конкретного к абстрактному, так и восхождение ее от абстрактного к теоретически конкретному. Органическое единство этих методов характерно для доказывания ничуть не меньше, чем для любого другого вида познания объективной действительности²⁶.

Методологическую основу доказывания в советском уголовном судопроизводстве составляет марксистско-ленинское учение, его материалистическое понимание действительности, признание способности человеческого сознания правильно отражать эту действительность и диалектический метод. Вся гносеология процессуального

²⁵ С. В. Курьлев. Доказывание и его место в процессе судебного познания.— «Труды Иркутского университета», т. XIII, 1955, стр. 55—56.

²⁶ Указанный момент правильно подчеркивается в работе: М. Н. Размадзе. Методологические основы доказывания в советском уголовном процессе. Автореферат докторской диссертации. М., 1972, стр. 9.

доказывания целиком и полностью основывается на марксистско-ленинской теории отражения.

В трудах основоположников марксизма-ленинизма содержится глубокое научное обоснование отправных положений и требований, которым должно подчиняться доказывание в любой сфере социальной жизни, в том числе в области уголовного и гражданского судопроизводства.

Марксистско-ленинская теория исходит из того, что материальный мир первичен и познаваем, что познание его любой стороны происходит по единым законам: «От живого созерцания к абстрактному мышлению и от него к практике — таков диалектический путь познания истины, познания объективной реальности»²⁷. Это в полной мере относится и к процессуальному доказыванию.

Начальная ступень познания в доказывании — живое созерцание тех следов на предметах реального мира, которые являются непосредственным отражением обстоятельств, интересующих органы предварительного расследования, суда и прокуратуры, а также чувственно-наглядные представления об этих обстоятельствах, складывающиеся у субъектов доказывания при восприятии любой фактической информации по делу, облеченной в требуемую процессуальную форму. Она связана с отысканием, закреплением и проверкой всякого судебного доказательства и его источника. Как при обнаружении и изучении материальных, следов содеянного либо иных явлений внешнего мира, имеющих отношение к делу, так и при получении показаний допрашиваемых лиц, при изучении заключения экспертов или при осмотре документов имеет место прежде всего чувственное познание: при помощи различных органов чувств следователь, судьи, прокурор и другие субъекты доказывания воспринимают явления (отдельные свойства фактов, сведения о них), получают на основе имеющихся материалов наглядные представления об искомых обстоятельствах. Без чувственной ступени познания, на которой появляются соответствующие ощущения, восприятия и представления, невозможно никакое доказывание в уголовном судопроизводстве.

²⁷ В. И. Ленин. Поли. собр. соч., т. 29, стр. 152—153.

Чувственно-предметное восприятие и возникшие при этом представления дают исходный материал для следующей ступени познания в доказывании — для логического мышления. Здесь на первый план вместо эмпирического выступает рациональное, на базе ощущений и представлений мысленно воссоздаются исследуемые события (обстоятельства), раскрывается их сущность. Благодаря замечательным свойствам мышления субъекты доказывания получают возможность не только воспроизвести то, что воспринимают они чувственно, но и абстрагироваться, сопоставить результаты чувственнопредметного восприятия с известными им признаками соответствующих правовых категорий.

Представляется неточным высказанное в нашей юридической литературе мнение, что применительно к условиям судебного познания второй этап познания — абстрактное мышление состоит в оценке доказательств²⁸. Во-первых, на этом гносеологическом этапе оцениваются не только доказательства, но и их источники и способы получения (оперирования). Во-вторых, даже совокупной оценкой всех средств доказывания логическое мышление, как этап познания объективной действительности, не исчерпывается. Оно находит свое выражение также в проверке собранных по делу доказательств и их источников, ибо детальное исследование свойств каждого отдельного доказательства и его источника, подкрепление или, напротив, опровержение его путем получения новых материалов и сопоставление всех имеющихся по делу доказательств и их источников невозможны без логического мышления.

Причем в доказывании чувственно-предметное восприятие и логическое мышление, как неизбежные этапы познания, не отделены друг от друга непроницаемой стеной. Они находятся в диалектическом единстве и одинаково опираются на живую человеческую практику, которая «врывается в самое теорию познания, давая *объективный критерий истины*»²⁹.

Эта общественная и личная практика является и основой всего процесса познания и критерием истинности

²⁸ См. О. В. Иванов. Марксистско-ленинская теория познания и советское судопроизводство.— «Ленинские идеи и проблемы государства и права». Иркутск, 1970, стр. 58.

²⁹ В. И. Ленин. Поли. собр. соч., т. 18, стр. 198.

его результата. Проявляется она в первую очередь в тех конкретных процессуальных действиях и отношениях, которые составляют содержание самого процессуального доказывания. Каждый шаг по построению следственных версий, по собиранию доказательств и их источников, по проверке и оценке их, а равно по обоснованию определенных выводов по делу представляет собой конкретное практическое средство познания объективных обстоятельств дела. Общественная практика преломляется в доказывании также через закон и социалистическое правосознание, в которых сконцентрированы многократно проверенные опытом требования и представления о правовой действительности. Эта практика находит свое отражение и в виде многочисленных тактических, методических и иных опытных положений, выработанных на базе многолетней практики в различных отраслях науки и техники (в криминалистике, психологии, почерковедении, баллистике и т. д.). Важную роль в познании обстоятельств уголовного дела играет также повседневная личная практика следователя, прокурора и судей, основанная на расследовании и судебном рассмотрении других конкретных дел, а равно на обобщении следственной и судебной практики. Все это непременно дополняется постоянным применением законов и форм логического мышления, подтвержденных тоже многовековой человеческой практикой. На этой ступени познания в уголовном судопроизводстве вступают в действие и многие другие аспекты накопленных обществом практических знаний и навыков, поскольку *вся «практика человека и человечества есть проверка, критерий объективности познания»* и вся она «должна войти в полное «определение» предмета и как критерий истины и как практический определитель связи предмета с тем, что нужно человеку»³⁰.

Таким образом, с гносеологической точки зрения процессуальное доказывание есть разновидность познания объективной действительности и осуществляется в полном соответствии с теорией отражения материалистической диалектики.

Говоря о материалистической диалектике, как о методологической основе доказывания, необходимо иметь

³⁰ В. И. Ленин. Поли. собр. соч., т. 29, стр. 193; т. 42, стр. 290.

в виду все ее законы, сформулированные на основе опыта всей истории и всех отраслей науки. Законы единства и борьбы противоположностей, перехода количественных изменений в качественные и отрицания отрицания дают ключ к раскрытию глубокой сущности явлений, исследуемых в уголовном судопроизводстве. В то же время они предостерегают от релятивистских заблуждений, возможных при субъективно-идеалистическом понимании объективной относительности конкретных знаний о фактах и обстоятельствах, устанавливаемых по делу.

Конкретный механизм действия материалистической диалектики, как методологической основы доказывания, выражается также через все ее категории, имеющие важнейшее значение для правильного решения любого вопроса судопроизводства. Категории общего и единичного, необходимого и случайного, возможного и действительного, содержания и формы, сущности и явления, причины и следствия настолько значимы для следователя, прокурора, судей и остальных участников процесса, что без надлежащего их понимания и применения невозможно точно определить ни цель, ни предмет, ни пределы, ни средства доказывания по делу.

Материалистическая диалектика, как учение о всеобщей связи и развитии, требует всестороннего подхода к любым исследуемым обстоятельствам с учетом их возможных изменений. В. И. Ленин подчеркивал, что для того, чтобы действительно знать предмет, надо брать его в развитии, «самодвижении», изменении, охватить, изучить все его стороны, все связи и «опосредствования». «Мы никогда не достигнем этого полностью, но требование всесторонности предостережет нас от ошибок и от омертвения»³¹. Данное положение материалистической диалектики, ставшее для уголовного судопроизводства важнейшим правовым принципом (ст. 20 УПК РСФСР), в доказывании является тоже основополагающим. Оно обязывает органы суда, прокуратуры и предварительного расследования глубоко и полно исследовать *все* обстоятельства дела, выявляя их внутреннее, взаимные и внешние отношения (связи), а также учитывая возможные их изменения и переходы. Малейшее отступление от

³¹ В. И. Ленин. Поли. собр. соч., т. 42, стр. 290.

этого требования может привести к грубым искажениям и ошибкам в процессуальном доказывании. Но к таким же извращениям может толкнуть и абстрактная абсолютизация требования всесторонности, трактовка его как долга выяснять буквально все бесконечные стороны, связи и опосредствования каждого из обстоятельств, подлежащих доказыванию по делу. Такой подход был бы нереальным, поскольку эти обстоятельства, как и остальные явления внешнего мира, обладают бесчисленным множеством связей, все богатство которых не может быть отражено в одном конечном акте познания.

В соответствии с принципами марксистско-ленинской теории отражения к изучению любых социальных явлений надо подходить с партийных, классовых позиций. Ленинское указание, что «нам надо всеми силами добиваться того и строжайше следить за тем, чтобы партийность была *не словом только, а делом*»³², в полной мере относится и к процессуальному доказыванию. В уголовном судопроизводстве исследуются не некие «голые» факты, лишённые классового значения. Каждое обстоятельство, устанавливаемое органами следствия и суда, имеет определенный социальный смысл, затрагивающий интересы того или иного класса. Это верно в отношении и самого противоправного деяния, и степени общественной его опасности, и характера вины совершившего деяние лица, и его личности, и причиненного им вреда, и смягчающих и отягчающих вину обстоятельств и т. д. Поэтому совершенно необходимо, чтобы в ходе доказывания каждое обстоятельство исследовалось и оценивалось с партийных позиций, с полным учетом его социально-классового содержания. Иначе нельзя правильно уяснить и разрешить существо дела.

§ 3. Цель доказывания в советском уголовном процессе

Теория познания марксистско-ленинской философии дает ключ к единственно верному решению и вопроса о цели процессуального доказывания. Решительно отвергая неверие в способность человеческого сознания достоверно отражать реальную действительность, она в качестве цели познания во всех сферах социальной жизни

³² В. И. Ленин. Поли. собр. соч., т. 19, стр. 110.

признает только *объективную истину*. Эта методологическая установка касается любой разновидности познания, в том числе процессуального доказывания.

В советском уголовном процессе *целью доказывания всегда является именно объективная истина*. Пока знания органов суда, предварительного расследования и прокуратуры об обстоятельствах дела не истинны (а лишь предположительны), эта цель не может считаться достигнутой.

Для буржуазных юристов было и остается традиционным отрицание доступности объективной истины по делу. Если даже некоторые из них позволяют себе говорить об истине в суде, то трактуют ее субъективистски, с позиций прагматизма, неопозитивизма, конвенционализма и иных подобных «школ». Все это далеко не случайно, ибо за таким объяснением цели доказывания в суде скрывается попытка оправдать произвол, который стал постоянным спутником буржуазного уголовного судопроизводства³³.

Являлись глубоко ошибочными высказывания и отдельных советских криминалистов, создававшие почву для судебных решений по вероятным фактам и выводам. Эти суждения в гносеологическом плане несколько отличались друг от друга. Если, например, М. А. Чельцов исходил из невозможности достижения объективной истины по некоторым делам³⁴, то А. Я. Вышинский, С. А. Голунский и В. С. Тадевосян приходили к ошибочным заключениям из-за противопоставления истины относительной истине абсолютной и смешения первой из них с вероятными суждениями³⁵. Но так или иначе эти взгляды

³³ Подробное изложение отмеченных концепций и их критику см.: «Теория доказательств в советском уголовном процессе». Часть общая. М., 1966, стр. 46—58; И. И. Мухомин. Объективная истина и некоторые вопросы оценки судебных доказательств при осуществлении правосудия. Л., 1971, стр. 6—12.

³⁴ См. М. А. Чельцов. Советский уголовный процесс. Харьков, 1952, стр. 100.

³⁵ См. А. Я. Вышинский. Проблема оценки доказательств в советском уголовном процессе.— «Социалистическая законность», 1936, № 7, стр. 33—36; С. А. Голунский. О вероятности и достоверности в уголовном суде.— «Проблемы уголовной политики», кн. IV. М., 1937, стр. 61—62; В. С. Тадевосян. К вопросу об установлении материальной истины в уголовном процессе.— «Советское государство и право», 1948, № 6, стр. 66—68 и др.

противоречили марксистско-ленинской теории отражения и задачам советского суда. В научном плане они были несостоятельны, а практически давали возможность для принятия неправосудных решений по делу.

В настоящее время советская юридическая наука единодушно исходит из того, что органы следствия и суда *могут и должны* установить по делу объективную истину, придти к единственно правильному, достоверному выводу об обстоятельствах, подлежащих доказыванию.

Под объективной истиной в уголовном процессе понимается такое содержание знаний (выводов) об обстоятельствах дела, которое верно отражает существующую вне нашего сознания реальность. Эти выводы истинны, если они соответствуют тому, что было и есть в объективной действительности.

Марксистско-ленинское положение об исторической условности пределов приближения наших знаний к абсолютной истине, об исторической условности контуров рисуемых нами картин реальной действительности не дает никакого основания ни для подмены относительной истины вероятными суждениями, ни для противопоставления относительной истины абсолютной.

Всякая истина конкретна, и она является объективной лишь тогда, когда абсолютно достоверно (хотя и неполно) отражает реальную действительность. Нельзя проводить принципиальное различие между относительной истиной и достоверностью фактов, устанавливаемых в уголовном судопроизводстве, и пытаться таким образом обосновать вероятный, условный характер обстоятельств, устанавливаемых органами следствия и суда. Объективная истина в уголовном судопроизводстве достигается только тогда, когда знания об искомых фактах и их признаках *абсолютно достоверны*, когда эти факты из «истины в себе» стали «истиной для нас». Никогда нельзя утверждать об истинности выводов, носящих вероятный характер. Любая, даже самая высокая степень вероятности не может заменить собой достоверное, истинное знание предмета. Она не исключает того, что выводы об обстоятельствах дела не соответствуют объективной действительности. Поэтому ограничение цели процессуального доказывания вероятными суждениями может привести к судебным ошибкам и, стало быть, к грубому нарушению социалистической законности.

Конечно, достижение подлинной цели доказывания, т. е. установление объективной истины по делу, нередко сопряжено с большими трудностями. Хотя по подавляющему большинству дел наши следователи и судьи успешно достигают этой цели, однако в отдельных случаях из-за определенных объективных и субъективных причин путь к истине непомерно осложняется, максимальные усилия найти ее не дают ожидаемого результата. Такие примеры, в частности, описывались на страницах печати С. В. Курылевым, В. Д. Арсеньевым и некоторыми другими авторами³⁶. Удельный вес этих случаев незначителен, к тому же по мере дальнейшего усиления научно-технических возможностей и повышения профессионального мастерства следственных и судебных работников он неуклонно уменьшается. Тем не менее пока встречаются дела, по которым вопрос о наличии (отсутствии) преступного деяния или о совершившем его лице не получает однозначного ответа. Но это происходит не потому, что целью доказывания по делу не ставится объективная истина, а по той причине, что данная цель остается не достигнутой, возможное не превращается в действительное. Поэтому подобные дела не дают основания для какого-то другого решения вопроса о цели доказывания. В советском уголовном процессе такой целью *всегда* является установление объективной истины, и эта цель ставится перед следователем и судьями во *всех* без исключения случаях.

Понятием объективной истины в уголовном процессе охватываются, в первую очередь, достоверные выводы органов предварительного расследования, суда и прокуратуры о наличии или отсутствии тех конкретных фактов и обстоятельств, которые исследуются по делу. Но этим содержание данного понятия не исчерпывается. В уголовном судопроизводстве не менее важно познание степени общественной опасности и других свойств установленных фактов, характеризующих их социально-правовое существо. Имевшиеся в действительности факты и их свойства — внешняя и внутренняя стороны содеянного — одинаково значимы для правильного разрешения дела. Пока не познаны и сами искомые факты, и все их существенные свойства, нельзя признать истину по делу

³⁶ См. «Известия», 1967, № 289; 1968, № 5 и др.

достигнутой, поскольку истина всегда «есть *узнанная сущность*»³⁷.

Представляется неубедительным бытующее в нашей юридической литературе мнение о том, что социально-правовая сущность содеянного не является категорией объективной действительности и не может включаться в понятие истины по делу³⁸. Любые черты, свойства и отношения деяния, в том числе учитываемые в качестве конструктивных признаков состава преступления, существуют объективно, независимо от сознания следователя, прокурора и судей. Выявление, исследование и оценка их есть познание реальной действительности, проникновение в социально-правовую природу искомых фактов. Выводы по этому поводу, формулируемые в правовой квалификации, должны быть тоже истинными, т. е. отражать правильно объективно существующие свойства содеянного и их реальную опасность для общества. Только тогда достигается цель процессуального доказывания. Поэтому нельзя оторвать отыскание истины по делу от применения судьями (следователем, прокурором) норм социалистического права; это — две стороны единого процесса, тесно переплетающиеся, взаимопроникающие аспекты объективного познания объективной реальности. Иное решение вопроса противоречит ленинскому указанию, что для познания предмета нужно вникнуть в его сущность, охватить и изучить все его стороны, связи и опосредствования, что «*совокупность всех* сторон явления, действительности и их *взаимотношения* — вот из чего складывается истина»³⁹.

Некоторые из тех советских процессуалистов, кто справедливо включает в содержание объективной

³⁷ А. И. Герцен. Избранные философские сочинения, т. 1. М., 1948, стр. 165.

³⁸ См. М. М. Гродзинский. Улики в советском уголовном процессе.— «Ученые записки ВИЮН», вып. VII. М., 1944, стр. 2—6; М. Л. Ш и ф м а н. Основные вопросы теории советского доказательственного права. М., 1956, стр. 27; М. С. С т р о г о в и ч. Курс советского уголовного процесса. М., 1958, стр. 172; А. А. С т а р ч е н к о. Проблема объективной истины в теории уголовного процесса.— «Вопросы философии», 1956, № 2, стр. ПО; И. М. Г а л ь п е р и н. Рецензия на книгу Н. Н. Полянского «Вопросы теории советского уголовного процесса». — «Советское государство и право», 1957, № 4, стр. 141 и др.

³⁹ В. И. Л е н и н. Поли. собр. соч., т. 42, стр. 290; т. 29, стр. 178.

стороны по делу знания судей (следователя) и о самих фактах и об их правовом существе, оставляют за пределами этой истины выводы суда о мере наказания. Они считают, что эти выводы производны от познания, носят характер приказа и скорее связаны с понятием справедливости, нежели с истинностью судебного приговора⁴⁰. Эта точка зрения нашла отражение и в нашей работе «Обвинение и судебный приговор» (Казань, 1965, стр. 308). Но все же следует признать, что она недостаточно последовательна. Мера уголовной ответственности лица, виновного в совершении преступления, тоже характеризуется известными объективными факторами. Как отмечал К. Маркс, «если понятие преступления предполагает наказание, то действительное преступление предполагает определенную меру наказания», пределом наказания виновного «должен быть предел его деяния»⁴¹. Суд в каждом конкретном случае обязан найти такую меру наказания, которая правильно отражает характер содеянного и служит единственно верным средством для исправления и перевоспитания виновного. Если такая мера найдена, она соответствует объективной реальности, и соответствующие выводы суда являются, стало быть, истинными.

Но при таком подходе логично заключить, что понятием объективной истины по делу должна охватываться не только мера уголовного наказания, но и любая другая мера юридической ответственности, определяемая судом в отношении виновного. К сожалению, в работах тех авторов, которые включают меру наказания в содержание истины, этот момент не указывается⁴². Между тем мера гражданско-правовой ответственности за материальный ущерб, причиненный преступлением, характеризуется такими же объективными факторами, как и мера наказания. Она тоже должна точно соответствовать реальному положению вещей, т. е. быть истинной.

⁴⁰ См. Н. Н. Полянск и й. Вопросы теории советского уголовного процесса. М., 1956, стр. 115—118; Я. Д о р о х о в, В. С. Н и к о л а е в. Обоснованность приговора. М., 1959, стр. 63 и др.

⁴¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2-е, т. 1, стр. 124.

⁴² См. А. Л. Р и в л и н. Законность и истинность судебного приговора. «Советское государство и право», 1957, № 7, стр. 116; И. Д. Перлов. Приговор в советском уголовном процессе. М., 1960, стр. 234—237; П. Ф. Пашкевич. Объективная истина в уголовном судопроизводстве. М., 1957, стр. И—23 и др.

Таким образом, под объективной истиной в уголовном судопроизводстве подразумевается соответствие реальной действительности выводов по делу и о наличии (отсутствии) искомых фактов, и об их юридически значимых свойствах, и о мере юридической ответственности виновного. Цель процессуального доказывания может считаться достигнутой только в том случае, когда все эти выводы правильно отражают объективную реальность, являющиеся истинными.

Поскольку содержание истины в уголовном процессе не сводится к констатации отдельного факта, нельзя отнести ее к числу «банальных» истин (вроде тех, что Наполеон умер 21 мая 1821 года, Лондон находится в Англии и т. д.). Неубедительно мнение Н. Н. Полянского о том, что «истина судебного приговора» носит именно такой характер⁴³. Связанное с ним утверждение, будто для уголовного судопроизводства неприемлемы философские понятия абсолютной и относительной истины, хотя и имеет ряд сторонников⁴⁴, однако содержит в себе методологические изъяны. Нет серьезного основания исключать из сферы процессуального доказывания те или иные философские категории истины. В ходе такого доказывания, как известно, исследуется большой комплекс сложных социальных явлений с их бесчисленными признаками и опосредствованиями, и очень важно правильно решить, как результат их познания конкретизировать посредством категорий абсолютной и относительной истины. Вопрос этот имеет не только познавательное, но и практическое значение, ибо от него в значительной степени зависит определение предмета и пределов доказывания по делу.

При рассмотрении данного вопроса в литературе нередко относительная и абсолютная истина изображаются как взаимоисключающие. Одни авторы стремятся обосновать мнение, что целью доказывания в уголовном процессе является установление относительной и

⁴³ См. Н. Н. Полянский. Вопросы теории советского уголовного процесса. М., 1956, стр. 116.

⁴⁴ См. А. Л. Р и в л и н. Понятие материальной истины в советском уголовном процессе.— «Социалистическая законность», 1951, № 11, стр. 42—51; О В. И в а н о в. Принцип объективной истины в советском гражданском процессе. М., 1964, стр. 35; «Советский уголовный процесс». Под ред. Д. С. Карева. М., 1968, стр. 99 и др.

только относительной истины, что последняя никак не может расцениваться как то или иное проявление истины абсолютной⁴⁵. Другие же, наоборот, единственно правильным считают признание целью доказывания достижения абсолютной истины, всячески отмежевывая ее от истины относительной⁴⁶. Однако такое «или-или» не может быть оправдано.

В. И. Ленин неоднократно указывал, что «для диалектического материализма не существует непреходимой грани между относительной и абсолютной истиной», что «абсолютное и относительное, конечное и бесконечное части, ступени одного и того же мира»⁴⁷. Суть вопроса о соотношении абсолютной и относительной истины, по словам Ленина, состоит в решении того, «могут ли человеческие представления, выражающие объективную истину, выражать ее сразу, целиком, безусловно, абсолютно или же только приблизительно, относительно»⁴⁸. Далее В. И. Ленин подчеркивал, что «признавать объективную, т. е. не зависящую от человека и от человечества истину, значит так или иначе признавать абсолютную истину», что «человеческое мышление по природе своей способно давать и дает нам абсолютную истину, которая складывается из суммы относительных истин»⁴⁹. Из этих ленинских положений явствует, что в любой сфере социальной жизни, в том числе в процессуальном доказывании, при уяснении соотношения относительной и абсолютной истины нельзя исходить из «либо-либо».

Одна и та же объективная истина относительна по отношению к конкретному предмету в целом, как носителю неисчерпаемого множества связей, сторон и отношений,

⁴⁵ См. А. Н. К у к а р о в. Понятие материальной истины в советском уголовном процессе.— «Социалистическая законность», 1952, № 2, стр. 10—11; Л. Т. У л ь я н о в а. Оценка доказательств судом первой инстанции. М., 1959, стр. 60—61; «Вопросы философии», 1963, № 2, стр. 167 и др.

⁴⁶ См. М. С. С т р о г о в и ч. Курс советского уголовного процесса. М., 1958, стр. 169—175; И. Д. П е р л о в. Приговор в советском уголовном процессе. М., 1960, стр. 223; А. А. С т а р ч е н к о. Методологические проблемы судопроизводства.— «Вестник Московского университета», серия VIII, 1963, № 4, стр. 38—50 и т. д.

⁴⁷ В. И. Л е н и н. Поли. собр. соч., т. 18, стр. 138; т. 29, стр. 95.

⁴⁸ В. И. Л е н и н, Поли. собр. соч., т. 18, стр. 123.

⁴⁹ В. И. Л е н и н. Поли. собр. соч., т. 18, стр. 134—135, 137.

но она абсолютна по отношению к тем свойствам предмета, которые уже установлены и отображаются адекватно. Относительная истина всегда включает в себя частицы абсолютной истины, а последняя проявляется в относительных истинах, складывается из них. Эти истины отличаются друг от друга не по степени достоверности отражаемых ими фактов и закономерностей; они обе одинаково — виды объективной истины, служат объективным познанием реальной жизни и несовместимы с субъективизмом, с недостоверными выводами. Отличие между абсолютной и относительной истиной заключается только в степени полноты отображения исследуемого предмета. Первая из них предполагает исчерпывающее познание конкретного предмета в целом, во всех его связях и многообразии. Вторая охватывает лишь определенные свойства (пусть даже очень важные) этого предмета, хотя она отражает их тоже достоверно, абсолютно правильно.

Объективная истина, устанавливаемая в уголовном судопроизводстве, относительна в том смысле, что она ограничена рамками предмета и пределов доказывания, не исчерпывает исследуемых по делу обстоятельств во всех их деталях, связях и проявлениях. В то же время она содержит «частицы», «зерна» абсолютной истины, поскольку все те свойства искомых фактов, которые имеют значение для правильного разрешения дела, устанавливаются исчерпывающим образом.

Исходя из этого, многие советские криминалисты справедливо считают, что в уголовном процессе, как и в других сферах познавательной деятельности, достигаемая по делу *истина*, отражающая объективную реальность достоверно, но в определенных границах, может рассматриваться и как относительная и как абсолютная истина⁶⁰. Однако некоторые авторы упрекают их во введении «несуществующей двойственности истины».

⁶⁰ См. В. Я. Дорохов, В. С. Николаев. Обоснованность приговора. М., 1959, стр. 70—72; А. И. Трусов. Основы теории судебных доказательств. М., 1960, стр. 118—119; В. Н. Кудрявцев. Теоретические основы квалификации преступлений. М., 1963, стр. 65—70; Ф. Н. Фаткуллин. Обвинение и судебный приговор. Казань, 1965, стр. 304—306; А. А. Эisman. Заключение экспертов в системе судебных доказательств. Автореферат докторской диссертации. М., 1965, стр. 25.; «Теория доказательств в советском уголовном процессе» Часть общая. М., 1966, стр. 101—111 и др.

в «механическом перенесении» в область судопроизводства диалектики абсолютного и относительного, в смещении их и т. д.⁵¹. Между тем в действительности ничего подобного не происходит.

В уголовном процессе истина относительна, поскольку доказывание по делу не выясняет некоторых подробностей искомых фактов и их связей с остальными явлениями внешнего мира, лишенных какого-либо юридического и доказательственного значения. В то же время эта истина абсолютна в том отношении, что ее содержание полно отображает те стороны (свойства, связи) исследуемых обстоятельств, которые подлежат установлению по делу.

В сказанном нет ничего противоречивого. Даже самая простая истина всегда неполна, и она представляет собой процесс, в каждом шаге которого сочетаются относительность полученного знания и абсолютность содержания⁵². Ввиду своей конкретности и неполноты любая истина может характеризоваться и как относительная и как абсолютная.

Но при всех условиях это — *объективная истина*, которая абсолютно *достоверно* (хотя и неполно) отражает реальную действительность. Цель процессуального доказывания может считаться достигнутой только в случае, когда знания органов предварительного расследования, прокуратуры и суда об обстоятельствах дела и об их юридически значимых свойствах полностью достоверны и соответствуют безусловно тому, что было и есть в реальной жизни.

§ 4. Роль логики, психологии и частных методов познания в процессуальном доказывании

В достижении объективной истины по делу велика также роль логики, психологии и частных методов познания внешнего мира, широко применяемых в процессуальном доказывании.

⁵¹ См. И. Д. Перлов. Приговор в советском уголовном процессе. М, 1960, стр. 226; И. И. Мухомин. Объективная истина и некоторые вопросы оценки судебных доказательств при осуществлении правосудия. Л., 1971, стр. 31—34.

⁵² См. В. И. Ленин. Поли. собр. соч., т. 29, стр. 162, 183.

Логика, как известно, представляет собой науку о законах и формах мышления. Эти законы и формы «суть отражения объективного в субъективном сознании человека», подтверждены миллиарды раз в повседневной практической деятельности людей и получили значение аксиом⁵³. Они сами не нуждаются в специальном доказывании, однако любое лицо, занимающееся процессуальным доказыванием, пользуется ими неизбежно и не может игнорировать их роль в познании⁵⁴.

Логические законы и формы мышления находят свое применение в каждом из элементов процессуального доказывания, т. е. и в построении следственных версий, и в собирании доказательств и их источников, и в их проверке и оценке, и в обосновании выводов по делу.

Логические законы тождества, противоречия, исключенного третьего и достаточного основания устраняют противоречивость, сбивчивость и бездоказательность мысли, возможные в тех или иных элементах доказывания по делу. Они выполняют функцию своего рода «специального фильтра или сита», отсеивающего все то, что Неприемлемо для естественного человеческого мышления⁵⁵.

Присущие логике индуктивные и дедуктивные формы умозаключений лежат в основе построения выводов о наличии (отсутствии) исследуемых обстоятельств дела и об их социально-правовом существе, а связанные с дедукцией силлогизмы служат средством проверки обоснованности соответствующих выводов.

Логические умозаключения по аналогии нужны в процессуальном доказывании для суждения о возможности совпадения пока неизвестных свойств тех обстоятельств дела, в отношении которых следователем (судом) уже установлено сходство их некоторых важных признаков.

Правила пользования гипотезой, выработанные в логике, облегчают работу субъектов доказывания с общими и частными следственными версиями по уголовному

⁵³ См. В. И. Ленин. Поли. собр. соч., т. 29, стр. 165, 172.

⁵⁴ Критику пренебрежения фигурами «книжной логики», встречающегося в работах А. Я. Вышинского, подробно см.: А. А. Старченко. Логика в судебном исследовании. М., 1958, стр. 226—229.

⁵⁵ См. Б. М. Кедров. Диалектика и логика. Законы мышления. М., 1962, стр. 182—184.

делу, помогают им найти наиболее эффективные пути их проверки.

Такие логические приемы, как анализ доказательств, сравнение их между собой, сопоставление доказательств с теми или иными фактами, синтез имеющихся доказательств и фактов, многократно применяются в доказывании любых обстоятельств, входящих в предмет доказывания по делу.

Строгое соблюдение субъектами доказывания этих логических законов и форм мышления является одним из обязательных условий достижения объективной истины по делу. Необходимо только помнить, что все упомянутые выше логические категории рассчитаны на элементарно непротиворечивые отношения, на стабильные, неизменные стороны действительности, и в этом — их ограниченность. Для преодоления такой ограниченности нужна диалектическая, содержательная логика, опирающаяся на знание общих законов всех материальных и духовных явлений.

Поскольку в ходе процессуального доказывания происходит сложное взаимодействие различных субъектов между собой и с внешним миром, осваивается многочисленная чувственная и словесная информация и на ее основе формируется внутреннее убеждение, велика здесь и роль психологических факторов.

В этом плане следует, прежде всего, учесть, что доказывание имеет свою психологическую *структуру* с определенными компонентами, имеющими безусловное значение в достижении его цели. Социально-профессиональный компонент этой структуры предполагает наличие у следователя, прокурора и судей таких личных качеств, как высокая партийность, преданность служебному долгу, убежденность в важности и реальности выполняемой задачи, принципиальность, идейно-теоретическая подготовленность, высокая нравственность и непримиримость к нарушениям советского закона. Профессионально-поисковый компонент в доказывании складывается из умения следователя (судей) выявлять информацию об обстоятельствах дела, их глубокой внимательности, наблюдательности и проницательности, а равно из пытливости и настойчивости в достижении цели. Коммуникативный компонент этой деятельности выражается в навыках

быстро войти в контакт с носителями информации и получить ее в наиболее полном и точном виде. Конструктивный компонент в психологической структуре процессуального доказывания — это способность воссоздать картину исследуемых обстоятельств дела, намечать возможные пути раскрытия преступления и изобличения виновных. Организационный компонент состоит из личной дисциплинированности, исполнительности и инициативности субъектов доказывания, из их умения планировать и налаживать работу. Наконец, удостоверительный компонент характеризуется качеством процессуального оформления конкретных актов доказывания, обнаруженных при этом доказательств и их источников и вытекающих из них выводов по делу. Отсутствие хотя бы одного из этих компонентов обедняет психологическую структуру процессуального доказывания, снижает его результативность.

Несомненно важная роль психологических методов и в исследовании тех обстоятельств дела, которые связаны с субъективной стороной состава преступления и с личностью виновного. Установление конкретной формы вины, как проявления психического отношения лица к содеянному и к его последствиям, цели и мотивов совершения преступного деяния, а равно духовного и нравственного облика виновного возможно лишь при строго индивидуально-психологическом подходе к анализу и оценке соответствующих обстоятельств дела, при умелом применении судебно-психологических методов изучения личности и проверки ее психических свойств⁵⁶.

Данные психологии являются отправным моментом также при исследовании многих судебных доказательств и их источников. Для правильной оценки, скажем, показаний свидетеля, потерпевшего, подозреваемого или обвиняемого нужно хорошо знать психологические закономерности восприятия, запоминания и воспроизведения наблюдавшихся явлений внешнего мира, а также психологическую

⁵⁶ Об этом подробно см.: Н. Ф. Федотов. Психологический анализ характеристики личности обвиняемого.— «Человек и общество». Л., 1969, стр. 95—104; А. В. Дулов. Судебная психология. Минск, 1970, стр. 107—128, 152—157; Я. С. А в р а х. Психологическая характеристика личности преступника.— «Личность преступника». Казань, 1972, стр. 29—47 и др.

характеристику самих лот, которые дали эти показания⁵⁷.

Во всех элементах процессуального доказывания находит свое выражение и такой психологический фактор, который называется эмоциональным состоянием. Положительные эмоции содействуют достижению цели доказывания, отрицательные — осложняют доказывание. Следовательно, прокурору и судьям надлежит не только стремиться быть самим в надлежащем эмоциональном состоянии, но и изучать и учитывать эмоционально-волевой момент в поведении окружающих их лиц, оказывая противодействие отрицательным эмоциям и поддерживая положительные эмоции. В некоторых случаях полезным может оказаться эмоциональный эксперимент, рассчитанный на выявление изменений в эмоциональном состоянии тех или иных участников процесса с тем, чтобы использовать эти изменения для более глубокого исследования соответствующих обстоятельств дела⁵⁸. Но при любых условиях эмоциональный фактор должен широко использоваться в доказывании, имея в виду, что без человеческих эмоций «никогда не бывало, нет и быть не может человеческого *искания истины*»⁵⁹.

В процессуальном доказывании первостепенное значение имеет и такое психологическое свойство личности, как способность отделять свое внутреннее от внешнего и соотносить их. Благодаря этому субъекты доказывания приобретают возможность оценивать собственные чувства, действия и суждения, регулировать их, отделять от них полученные по делу знания и соотносить свои выводы с конкретными фактами.

По существу, сюда же примыкает способность субъектов доказывания избирательно реагировать на собираемую информацию и выделять из нее то, что имеет отношение к делу. Без этого глубоко психологического свойства личности не представлялось бы возможным определить относимость доказательств и правильно наметить предмет и пределы процессуального доказывания.

⁵⁷ Об этом см.: Р. Д. Р а х у н о в. Свидетельские показания в советском уголовном процессе. М., 1955, стр. 135—162; М. Л. Я куб. Показания свидетелей и потерпевших. М., 1968, стр. 57—80 и др.

⁵⁸ См. А. В. Ду л о в. Судебная психология. Минск, 1970, стр. 236, 237. ⁶³ В. И. Ленин. Поли. собр. соч., т. 25, стр. 112.

Отбор, исследование и оценка фактической информации завершаются формированием у следователя (прокурора, судей) внутреннего убеждения в доказанности или недоказанности определенных обстоятельств дела. Это — тоже важный психологический процесс, без знания которого трудно судить об истинности выводов, которые обосновываются в ходе доказывания.

Формирование внутреннего убеждения связано, в свою очередь, с мысленным моделированием, которое состоит в создании идеального образа (картины) тех событий, которые подлежат исследованию по делу. По мере накопления фактической информации такая модель проверяется, уточняется, пока не вырисовывается подлинная картина предмета. В основе этой работы тоже лежат определенные психологические методы познания внешнего мира.

Поскольку внешняя среда и внутреннее состояние личности отражаются в сознании субъекта доказывания не непосредственно, а сквозь призму опыта прошлого, в процессуальном доказывании может быть и такая психологическая категория, как интуиция. Нельзя согласиться с отрицанием созидательной роли интуиции в познании, встречающимся в работах отдельных советских юристов⁶⁰. Такое отрицание происходит из-за недопонимания материалистической природы интуиции и смешения ее с неким необъяснимым инстинктом. Однако интуиция не имеет ничего общего с мистическим угадыванием. Она подчинена определенным психологическим закономерностям и появляется благодаря длительному творческому опыту человека как непосредственное отражение новой обстановки на запасе прежних знаний, хранящихся в его сознании. «Бессознательность» интуиции состоит лишь в том, что здесь быстрое решение находится человеком без сознательного анализа и синтеза новой информации, непосредственно при скрещивании этой информации с накопленным запасом его знаний. Как уже отмечалось в нашей литературе, такое «бессознательное» включается в самые разнообразные формы даже осознаваемого реагирования на события, причем действует как автомат,

⁶⁰ См. М. С. Строгович. О рациональном и эмоциональном в судебном исследовании. — «Советское государство и право», 1959, № 5, стр. 89—95.

срабатывающий без дополнительной аналитико-синтетической деятельности человеческого сознания⁶¹. Однако сама интуиция никогда не служит доказательством или аргументом. Она представляет собой лишь сокращенное вероятное умозаключение, нуждающееся во всестороннем исследовании субъектами доказывания. Интуитивное знание приобретает доказательственное значение только при условии, если оно стало достоверным, истинным.

Наряду с сугубо логическими и психологическими категориями, значительное место в процессуальном доказывании занимают частные методы познания, представляющие собой конкретные приемы выявления, закрепления, исследования и уяснения отдельных фактов и обстоятельств, имеющих значение по делу.

В отличие от материалистической диалектики, являющейся всеобщим методом познания одинаково во всех сферах жизни, частные методы связаны с особенностями предмета познания, как конкретные приемы мыслительных и физических операций, меняются вместе с этим предметом, обеспечивая надлежащий уровень изучения тех его деталей, которые представляют специальный интерес. На такую связь частных методов с объектом познания обращал внимание К. Маркс, подчеркивая, что характер предмета неизбежно оказывает влияние на его исследование и вместе с предметом изменяются и методы его исследования⁶².

В советском уголовном судопроизводстве могут применяться различные частные методы познания. Но среди наших криминалистов есть разногласия в их обозначении и описании. Некоторые авторы сводят эти частные методы к наблюдениям, описаниям, измерениям, сравнениям и экспериментам⁶³. И. М. Лузгин дополняет эти приемы, называя их общими методами познания,

⁶¹ См. И. Ф. Покровский. Формирование правосознания личности. Автореферат докторской диссертации. Л., 1971, стр. 18—19. Интересные соображения о роли интуиции в доказывании изложены также в работе: «Теория доказательств в советском уголовном процессе». Часть общая. М., 1966, стр. 165—170.

⁶² См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2-е, т. 1, стр. 7, 8.

⁶³ См. «Теория доказательств в советском уголовном процессе». Часть общая. М., 1966, стр. 171.

регулированием и реконструкцией⁶⁴. Р. С. Белкин и А. И. Винберг выделяют, кроме частных, еще специальные методы исследования, относя к ним технико-криминалистические, структурно-криминалистические, математические, социологические, физические, химические, антропологические и антропометрические методы⁶⁵.

Не усматривая серьезного основания для конструирования системы специальных методов, отличных от частных методов познания в судопроизводстве, мы склонны считать, что все конкретные приемы выявления, закрепления, исследования и уяснения отдельных обстоятельств уголовного дела могут быть условно объединены в семь групп частных методов познания, а именно в такие, как:

— *Эмпирические методы наблюдения и описания*, рассчитанные главным образом на выявление внешних признаков познаваемого предмета и их закрепление;

— *научно-технические методы обнаружения и фиксации материальных следов и внешней обстановки совершения преступного деяния*, связанные с использованием специальных химико-технических средств, с фотографированием, киносъемкой и т. д.;

— *математические методы измерения и вычисления*, применяемые при помощи или без специальных устройств для получения количественных характеристик объекта исследования;

— *логические методы обработки информации* (анализ, синтез, сравнение), предпринимаемые для определения качества и значения доказательственного материала по делу;

— *методы моделирования, реставрации и реконструкции*, осуществляемые при помощи судебно-медицинских, кибернетических, графических, психологических и иных научных средств;

— *методы криминалистической идентификации*, производимой для разрешения вопроса о тождестве определенных материальных объектов и их отображений;

— *экспериментальные методы*, позволяющие опытным путем получать данные о том или ином обстоятельстве уголовного дела.

⁶⁴ См. И. М. Лузгин. Расследование как процесс познания. Автореферат докторской диссертации. М., 1968, стр. 12, 27.

⁶⁵ См. Р. С. Белкин, А. И. Винберг. Криминалистика и доказывание. М., 1969, стр. 20—21, 30—43.

Указанные выше частные методы познания находят свое выражение в доказывании по уголовному делу не как отдельные процессуальные категории. Лишено достаточного основания встречающееся в юридической литературе утверждение о том, что эти методы предусмотрены процессуальными нормами, закреплены законом⁶⁹. Частные методы познания не регламентируются процессуальным законодательством. Они используются не наряду с теми или другими процессуальными действиями, а в ходе производства этих действий. Лишь один из частных методов познания — эксперимент может составлять самостоятельное следственное действие, если он проводится в порядке ст. 183 УПК РСФСР. Во всех остальных случаях как эксперимент, так и другие частные методы познания выступают в качестве конкретных приемов, применяемых при производстве определенного процессуального действия.

Некоторые авторы считают, что процессуальные действия служат не более чем формой применения частных методов познания, что следственный осмотр являет собой форму наблюдения, предъявление для опознания — форму сравнения и т. д.⁷⁰ Такой взгляд, однако, представляется неприемлемым. Любое следственное действие складывается из комплекса совершаемых в соответствии с процессуальным законом операций, которые никогда не сводятся к наблюдениям, сравнениям или иным частным методам познания. Последние всегда относятся к следственному действию как часть к целому, где и часть и целое одинаково облакаются в указанную законом процессуальную форму.

Соответственно этому свойствами отдельного судебного доказательства обладают только фактические

Б е р г, А. А. Э и с м а н. Криминалистическая идентификация в теории судебных доказательств. — «Советское государство и право», 1966, № 2, стр. 108; В. Я. К о л д и н. Идентификация и ее роль в установлении истины по уголовному делу. М., 1969, стр. 6—14, 30—39; М. Я. С е г а и. Методология судебной идентификации. Киев—Л970, стр. 27—32 и др.
/ ⁷⁰ См. А. М. Л а р и н. Доказывание на предварительном расследовании в советском уголовном процессе. Кандидатская диссертация. М., 1961, стр. 3; А. В. Д у л о в. Процессуальные проблемы судебной экспертизы. Докторская диссертация. Минск, 1963, стр. 5.
См. Р. С. Б е л к и н, А. И. В и н б е р г. Криминалистика и доказывание. М., 1969, стр. 23.

данные, полученные в результате следственного эксперимента, который произведен и процессуально оформлен согласно ст. 183 УПК РСФСР. Фактическая информация, выявленная при помощи остальных частных методов познания, самостоятельно доказательственного значения по делу не имеет; она должна быть отражена в протоколе соответствующего следственного действия и тогда становится частью доказательственных данных, содержащихся в процессуальном источнике.

В юридической литературе порою доказательственное значение придается результатам *наблюдения* за поведением лиц, допрашиваемых по делу. «Конечно,— писал еще в сороковые годы С. Познышев,— производя оценку рассматриваемого события, судья основывается на впечатлениях от фактов»⁷¹. Видный польский ученый профессор Стефан Калиновский тоже считает, что наряду с содержанием показаний свидетеля значение имеют способы дачи показания, реакция на заданные вопросы, задержки в ответах, изменения в голосе и иные психологические факторы, проявившиеся в поведении допрашиваемого⁷². Это же мнение разделяет польский процессуалист Лео Гохберг, полагающий, что «интонация голоса, мимика, быстрота или медлительность рассказа могут повлиять на оценку показания как правдивого или ложного» и поэтому нельзя умалять доказательственное значение поведения лица во время допроса⁷³. Однако с таким подходом к вопросу вряд ли можно согласиться. Внешние проявления поведения того или иного человека, замеченные при *визуальном* наблюдении, могут быть весьма обманчивы. С одной стороны, возможны спокойствие, уравновешенность и уверенность в поведении лица, сообщаемого органам следствия и суда заведомо ложные сведения, а с другой — могут быть внешне подозрительные симптомы (волнение, нерешительность и т. д.) в поведении человека совершенно добросовестного, излагающего сведения именно о тех фактах, которые имели место

⁷¹ См. С. Познышев. Косвенные улики и их значение при расследовании преступлений.— «Ученые записки ВИНУН», вып. 2. М., 1941, стр. 243.

⁷² См. S. K a l i n o w s k i. Postępowanie karne. Laryscresci ogolnej. Warszawa, 1966, s. 102.

⁷³ См. L. Hochberg. Wyjasnienia dowodowa. Warszawa, 1962, s. 35.

в реальной действительности⁷⁴. Кроме того, сугубо психологические факторы в поведении лица, которые могут наблюдаться субъектами доказывания во время допроса, в процессуальном документе не фиксируются, что исключает всякую возможность ссылаться на эти факторы при обосновании тех или иных выводов по делу.

Следует признать, что те или другие психологические проявления в поведении лица, наблюдаемые следователем (прокурором, судьями) во время допроса, очной ставки, опознания или иных следственных действий, сами по себе доказательственного значения по делу не имеют. Они могут вызвать определенные сомнения, которые должны быть рассеяны путем тщательного выяснения их причин. Но нельзя рассматривать их в качестве фактических данных, дополняющих содержание показаний со ответствующего человека и имеющих наряду с ними доказательственное значение⁷⁵.

В уголовном судопроизводстве непосредственное наблюдение, как и остальные частные методы познания, является одним из приемов, применяемых при процессуальных действиях, и его результаты доказательственны лишь постольку, поскольку они отражены в источниках доказательств, полученных при помощи этих действий.

И. М. Лузгин наделяет доказательственной силой все возможные макеты, муляжи, предметы аналоги и иные материальные изображения, связанные с применением методов моделирования, реконструкции и реставрации, и предлагает дополнить существующую классификацию доказательств новой «категорией объектов, которая может быть названа «модели и их разновидности, используемые для установления и исследования обстоятельств преступления»⁷⁶. Это тоже не может не вызвать возражения. Если такие модели и изображения создаются вне процессуальных действий, они вообще не имеют значения

⁷⁴ В. О. Ключевский говорил: «Нет сомнения, что для половины своих настроений и душевного состояния мы не могли бы указать ясно и полно причин, их вызвавших, и даже точно представить процесс их образования» (В. О. К л ю ч е в с к и й . Письма, дневники, афоризмы и мысли об истории. М., 1968, стр. 229).

⁷⁵ Аналогичный взгляд высказывается в работе: Я. О. Мотовиловкер. Вопросы теории уголовного процесса Польской Народной Республики. Томск, 1970, стр. 26—27.

⁷⁶ И. М. Луз г и н. Расследование как процесс познания. Автореферат докторской диссертации. М., 1968, стр. 26—27.

судебных доказательств и носят характер сугубо ориентировочного материала. Когда же моделирование, реконструкция или реставрация осуществляется в ходе следственного осмотра, производства судебной экспертизы, следственного эксперимента или другого процессуального действия, полученные модели и их разновидности становятся органической частью хода и результата соответствующего процессуального действия. Данные о модели, реконструкции или реставрации фиксируются в этом случае в протоколе следственного действия или в заключении экспертов и рассматриваются как часть содержащихся в таком источнике доказательств. Поэтому нет основания ни для признания подобных физических изображений самостоятельными судебными доказательствами, ни для выделения их в качестве «особой категории объектов» при классификации доказательств и их источников.

Глава вторая

ПРЕДМЕТ, ПРЕДЕЛЫ И СУБЪЕКТЫ ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ДОКАЗЫВАНИЯ

Чтобы процессуальное доказывание непременно достигло своей цели, очень важно определить правильно его предмет, пределы и субъекты. Ошибка в этом отношении — неоправданное расширение или, напротив, сужение предмета, пределов и круга субъектов доказывания— может нанести непоправимый урон интересам достижения объективной истины в судопроизводстве.

Поскольку противоправные действия или бездействие, совершающие их лица и оставляемые ими «следы» всегда строго индивидуальны, реальное содержание предмета и пределов доказывания по различным делам не бывает одинаковым, ему в каждом конкретном случае присущи специфические формы выражения во вне. Однако отсюда вовсе не следует, что невозможно законодательное и научное установление предмета и пределов процессуального доказывания.

Нельзя смешивать единичное и общее. Безусловно индивидуально *единичное* — реальное содержание предмета и пределов доказывания по каждому отдельному делу, так как конкретные формы проявления любого из обстоятельств (фактов), имеющих значение по тому или иному делу, действительно неповторимы. Но несомненно типично *общее* — принципиальное понятие и структура предмета и пределов доказывания в уголовном судопроизводстве, ибо ввиду общности целей и задач процесса по всем делам одинаково исследуется один и тот же круг обстоятельств (фактов).

Был глубоко неправ А. Я. Вышинский, когда исключал проблему предмета и пределов доказывания из общего учения о судебных доказательствах, оставляя ее целиком на усмотрение органов предварительного расследования

и суда ⁷⁷. Эти органы, исследуя по конкретному делу те или другие факты (обстоятельства), выявляют живую ткань предмета и пределов процессуального доказывания, наполняют их структуру конкретным фактическим содержанием. Однако общие, принципиальные очертания этих правовых категорий, их юридически значимые признаки и структура зависят не от индивидуальных особенностей отдельного дела и не от личного усмотрения следователя, прокурора или судей. Они находятся в зависимости от природы, целей, задач и формы построения судопроизводства, обуславливаются требованиями действующего в стране материального и процессуального законодательства. Типические свойства предмета и пределов процессуального доказывания не только могут, но и должны быть *едиными* для всех уголовных и гражданских дел. Выявить эти свойства и, опираясь на них, раскрыть существо предмета и пределов доказывания должна прежде всего юридическая наука.

§ 1. Понятие, содержание и структура предмета процессуального доказывания

При исследовании предмета процессуального доказывания необходимо исходить из того, что этим понятием охватываются все обстоятельства и факты, познание и удостоверение которых требуется для достижения объективной истины по делу лишено всякого основания утверждение, будто надо различать предмет познания и предмет доказывания по делу, якобы первое из этих понятий шире второго ⁷⁸. В действительности любое обстоятельство (факт), подлежащее познанию в уголовном или гражданском судопроизводстве, входит в предмет доказывания по делу и, наоборот, всякое обстоятельство (факт), относящееся к предмету процессуального доказывания, должно быть познано и удостоверено органами следствия и суда в предусмотренном законом порядке. Это вполне понятно, так как с гносеологической точки зрения доказывание есть разновидность опосредствованного

⁷⁷ См. А. Я. Вышинский. Теория судебных доказательств в советском праве. М., 1950, стр. 232—237.

⁷⁸ См. И. М. Лузгин. Расследование как процесс познания. Автореферат докторской диссертации. М., 1968, стр. 9.

познания и не может иметь предмет, отличный от предмета такого познания.

Отправной характер носит и положение о том, что понятием предмета процессуального доказывания всегда обозначается совокупность явлений материального мира, подлежащих установлению и удостоверению по каждому делу. Такой тезис в настоящее время можно считать бесспорным. Встречавшееся раньше в советской юридической литературе мнение о том, что под этим понятием «понимается круг тех вопросов, которые должны быть разъяснены в ходе судебного исследования»⁷⁹, было неточным. По уголовному или гражданскому делу доказыванию подлежат не правовые вопросы, разрешаемые органами следствия и суда. Такие вопросы прямо указаны в законе (например, ст. 303 УПК РСФСР), и процессуальное доказывание направлено не на установление их, а на разрешение. Поэтому предмет доказывания складывается не из этих вопросов, а из тех *явлений объективной действительности*, выяснение которых требуется для правильного их разрешения.

Что же это за явления? По данному поводу в нашей юридической литературе нет достаточной ясности. Одни авторы предметом доказывания считают соответствующие факты⁸⁰, другие — фактические обстоятельства⁸¹, третьи — и факты и обстоятельства дела⁸². Причем подчас особо отмечается неидентичность этих положений. «Закон, — подчеркивает, в частности, О. В. Иванов, — не случайно говорит о необходимости установления имеющих значение для дела *обстоятельств* (а не фактов). Термин «обстоятельство» шире термина «факт»; он означает как события и действия, так и отдельные стороны, черты, детали, подробности этих фактов»⁸³.

⁷⁹ М. А. Чельцов. Советский уголовный процесс. М., 1951, стр. 147.

⁸⁰ См. А. И. Трусов. Основы теории судебных доказательств. М., 1960, стр. 69; «Уголовный процесс». М., 1972, стр. 153 и др.

⁸¹ См. «Теория доказательств в советском уголовном процессе». Часть общая. М., 1966, стр. 185; «Советский уголовный процесс». М., 1968, стр. 105.

⁸² См. В. Д. Арсеньев. Вопросы общей теории судебных доказательств. М., 1964, стр. 20; М. С. Строгович. Курс советского уголовного процесса, т. I. М., 1968, стр. 361 и др.

⁸³ О. В. Иванов. Объективная истина в советском гражданском процессе. Автореферат кандидатской диссертации. М., 1964, стр. 8.

Довод, приведенный О. В. Ивановым в пользу своего тезиса, представляется сомнительным. По меткому выражению Ф. Энгельса, «существуют не качества, а только вещи, *обладающие* качествами»⁸⁴. В предмет процессуального доказывания входят не отдельные свойства, черты и детали искоемых фактов, а сами факты, как носители неповторимой совокупности свойств и качеств.

Но тем не менее нельзя отрицать наличие некоторой разницы между названными выше терминами. В этимологическом плане «факт» означает «действительное, вполне реальное событие, явление; то, что действительно произошло», а «обстоятельство — явление, . сопутствующее какому-нибудь другому явлению; условия, определяющие положение, существование кого-чего-либо»⁸⁵. С этой точки зрения было бы неверно свести предмет доказывания по уголовному или гражданскому делу только к самим фактам, поскольку им должны охватываться и некоторые другие явления, относящиеся к категории «обстоятельства».

Советский законодатель при указании на предмет процессуального доказывания пользуется выражением «обстоятельства», но придает ему более широкое смысловое значение. В *Основах уголовного судопроизводства*, например, этим термином обозначены: противоправное деяние; время, место, способ и иные условия его совершения; виновность определенного лица; данные, влияющие на степень ответственности; характер и размер причиненного материального ущерба, а равно другие факторы, имеющие значение для правильного разрешения дела (ст. ст. 15—16). Здесь, как видим, по существу речь идет о совокупности явлений, из которых одни подходят больше под этимологию слова «факты», другие — термина «обстоятельства».

Поэтому представляется, что при научном определении предмета процессуального доказывания следует иметь в виду *и соответствующие факты, и связанные с ними обстоятельства*, имеющие значение по делу. Если же употребляется лишь один из упомянутых терминов, то необходимо сделать оговорку, что под фактами или

⁸⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2-е, т. 20, стр. 547.

⁸⁵ См.: С.И. Ожегов. Словарь русского языка. Изд. 4-е, М., 1960, стр. 425, 834.

обстоятельствами подразумеваются любые явления внешнего мира, имеющие значение для успешного выполнения задач судопроизводства.

Не оправдано также ограничение предмета процессуального доказывания теми обстоятельствами (фактами) дела, которые полностью относятся к прошлому. Представляется неточным общее утверждение, что в ходе такого доказывания «познается не наличное явление, а явление прошлого»⁸⁶. Наряду с фактами, уже совершившимися, в предмет доказывания по делу входят и определенные «явления наличные», продолжающие существовать или даже наступившие после совершения противоправного деяния. Это — обстоятельства, характеризующие личность виновного к данному моменту, его семейное положение, трудоспособность, только что наступающие последствия содеянного и т. д. Умалять значение подобных обстоятельств нельзя, на необходимость тщательного исследования их по делу в нашей судебной практике обращается серьезное внимание⁸⁷.

Спорным в юридической литературе оказался вопрос, состоит ли предмет процессуального доказывания лишь из юридически значимых обстоятельств или не исчерпывается ими, охватывает также побочные доказательственные факты по делу.

В гражданско-процессуальной литературе распространено мнение, что таким предметом служат только юридические факты, от установления которых зависит разрешение дела по существу⁸⁸.

Многие представители науки советского уголовного процесса, напротив, считают, что предмет доказывания складывается из совокупности юридически значимых обстоятельств и доказательственных фактов по делу⁸⁹. Однако такой подход тоже не является общепринятым.

⁸⁶ О. Т. С и з я к и н. Сущность и явление в уголовном процессе.— «Советское государство и право», 1968, № 6, стр. 119.

⁸⁷ См. «Социалистическая законность», 1972, стр. 69, 74, 75 и др.

⁸⁸ См. А. Ф. К л е и н а н. Основные вопросы теории доказательств в советском гражданском процессе. М.—Л., 1950, стр. 47; «Советский гражданский процесс». Под ред. М. А. Гурвича. М., 1967, стр. 157 и др.

⁸⁹ См. «Научно-практический комментарий к уголовно-процессуальному кодексу РСФСР». Под ред. В. А. Болдырева. М., 1963, стр. 152; М. С. С т р о г о в и ч. Курс советского уголовного процесса, т. I. М., 1968, стр. 361—368; «Уголовный процесс». М., 1972, стр. 157—158 и др.

Известна точка зрения, сторонники которой ограничивают предмет доказывания теми материально-правовыми обстоятельствами, общий перечень которых дан в ст. 68 УПК РСФСР. Эти авторы оставляют в стороне процессуально правовые обстоятельства и, помимо того, прямо высказываются против включения в предмет доказывания по делу доказательственных фактов, мотивируя это главным образом тем, что доказывание таких фактов носит лишь «подсобный» характер, что они подпадают под более широкое понятие — под понятие «обстоятельства, имеющие значение по делу»⁹⁰. Но как сам подобный взгляд, так и лежащие в его основе доводы представляются ошибочными.

Доказывание в уголовном процессе не может подразделяться на «основное» и «подсобное», оно всегда складывается из одних и тех же элементов, подчинено одним и тем же гносеологическим законам, преследует одну и ту же цель. Хотя в юридической литературе доказательственные факты иногда именуется «побочными», но это делается не для признания их доказывания подсобным, а лишь для того, чтобы оттенить их зависимость от юридически значимых обстоятельств дела. Если, допустим, совершение лицом преступного деяния подтверждается показаниями очевидцев, то собрание, проверка и оценка доказательственных фактов, подкрепляющих и дополняющих такие показания, не могут считаться доказыванием «подсобным». Это тем более не логично в тех случаях, когда выводы органов следствия и суда основываются исключительно на доказательственных фактах: иначе пришлось бы признать «подсобным» все доказывание по делу.

Мы не можем согласиться и с попыткой некоторых криминалистов вывести доказательственные факты за рамки предмета доказывания по тем соображениям, что

⁹⁰ См. В. Г. Т а н а с е в и ч. Пределы и предмет доказывания по уголовному делу.— «Практика применения нового уголовно-процессуального законодательства». М., 1962, стр. 37; В. Д. А р с е н ь е в. Вопросы общей теории судебных доказательств. М., 1964, стр. 21 — 23; «Теория доказательств в советском уголовном процессе». Часть общая. М., 1966, стр. 189—193; «Уголовный процесс». М., 1969, стр. 101 и др.

исследование этих фактов составляет не «конечную», а лишь «промежуточную» цель доказывания. Эти соображения «подкрепляются» более чем странным доводом о том, будто «четкое отграничение обстоятельств, подлежащих доказыванию по делу, от всех других фактов необходимо для того, чтобы следователь и судья не теряли перспективы дела, не забывали, что по каждому делу должны быть достоверно установлены *определенные существенные* обстоятельства»⁹¹. Между тем если уж предполагать о каких-то отрицательных последствиях, то надо признать, что они могут быть скорее результатом стремления исключить доказательственные факты из предмета доказывания. Из приведенного утверждения логично заключить, что по уголовному делу «определенные существенные обстоятельства» должны быть установлены достоверно, а «другие факты» находятся за рамками предмета процессуального доказывания и потому могут быть положены в основу принимаемых по делу решений независимо от достоверности, если только о них имеются сведения в каких-либо источниках доказательств. Однако в советском уголовном процессе любой факт, в том числе доказательственный, должен быть доказан, т. е. установлен достоверно, в соответствии с объективной действительностью. Вся разница здесь заключается в том, что одни факты представляют собой непосредственно те обстоятельства, которые имеют прямое правовое значение. Их принципиальная схема, перечень могут определяться заранее, и потому об этих обстоятельствах (фактах) говорится в самом законе, прежде всего в ст. 68 УПК РСФСР. Остальные же факты таким свойством не обладают, по отношению к этим обстоятельствам дела являются побочными. Хотя они тоже совершенно необходимы для нормального осуществления задач уголовного судопроизводства, их круг заранее никем определяться не может ввиду бесконечного их многообразия. Но по существу как те, так и другие факты (обстоятельства) в одинаковой степени подлежат доказыванию. Пока он не признан существующим в объективной действительности, ни один из этих

⁹¹ В. Г. Т а н а с е в и ч. Пределы и предмет доказывания по уголовному делу.— «Практика применения нового уголовно-процессуального законодательства». М., 1962, стр. 39.

фактов (к какой бы группе он ни относился) не может быть положен в основу решения по делу, какие бы сведения о нем ни содержались в соответствующих источниках доказательств. Отнесение того или иного факта к предмету доказывания определяется не тем, составляет он «последнюю ступень» в процессе доказывания или не составляет. Интересы достижения истины требуют включения в предмет доказывания *каждого* факта (в том числе доказательственного), без достоверного установления которого нельзя правильно разрешить дело.

Неудачна и попытка отличать предмет доказывания от обстоятельств, имеющих значение по делу. Всякий факт, значимый в уголовном или гражданском процессе, должен быть предметом доказывания. С другой стороны, любое обстоятельство, входящее в предмет процессуального доказывания, не может не иметь значение по делу. Да и сам законодатель в ряде случаев именуется доказательственные факты обстоятельствами, подлежащими доказыванию. Это видно хотя бы из ст. ст. 74—75 УПК РСФСР, где данные о личности потерпевшего, о его взаимоотношениях с обвиняемым и т. д., являющиеся доказательственными фактами, названы обстоятельствами, которые подлежат доказыванию по делу. Иначе и быть не может, поскольку доказательственный факт, как и любое другое обстоятельство дела, должен быть сам доказан, что неизбежно связано с включением его в предмет доказывания в уголовном (гражданском) процессе.

Факты, имеющие доказательственное значение, могут использоваться для установления любых юридически значимых обстоятельств дела. Представляется неоправданным сведение доказательственных фактов к обстоятельствам, способным подтверждать наличие или отсутствие состава преступления⁹². В равной степени являются доказательственными и факты, требуемые для выяснения всех остальных юридически значимых обстоятельств дела.

Что же касается процессуально-правовых обстоятельств, имеющих значение для ведения судопроизводства

⁹² См., например, М. Н о к е р б е к о в. Предмет доказывания в советском уголовном процессе. Автореферат кандидатской диссертации. Алма-Ата, 1964, стр. 16.

то вообще нет оснований оставлять их за рамками предмета доказывания по делу. Эти обстоятельства предусмотрены непосредственно в законе (п.п. 6—9 ст. 5 Основ уголовного судопроизводства), установление наличия или отсутствия каждого из них обязательно по всякому делу, где это необходимо.

Стало быть, *предметом процессуального доказывания должны признаваться все* — происшедшие и наличные, юридические и доказательственные — *факты и обстоятельства, имеющие значение для правильного разрешения дела.* В советском уголовном процессе сюда, прежде всего, относятся обстоятельства, перечисленные в ст. ст. 68, 392 УПК РСФСР. Они дополняются фактами, которые названы в ст. ст. 5—9 УПК РСФСР. Обстоятельства, подлежащие доказыванию, указаны также в ряде других норм закона (например, ст. ст. 74, 75, 131 УПК РСФСР). Только все такие факты и обстоятельства в совокупности раскрывают содержание предмета процессуального доказывания.

Поскольку эти факты и обстоятельства многочисленны и по своему характеру разнообразны, важно правильно их систематизировать. То простое перечисление их, которое встречается в работах некоторых юристов⁹³, не может считаться достаточным. Наука должна выявить общие и отличительные свойства (признаки) изучаемых явлений, строго определить их взаимоотношения и расположить их в той последовательности, в какой они имеют наибольшую познавательную ценность.

В нашей литературе рекомендовано несколько вариантов построения системы обстоятельств (фактов), образующих предмет доказывания. Наиболее общим и типичным для них является деление этих обстоятельств на главный факт и на доказательственные факты⁹⁴. Отдельные

⁹³ См. «Теория доказательств в советском уголовном процессе». Часть общая. М., 1966, стр. 198—218; «Советский уголовный процесс». Под ред. Д. С. Карева. М., 1968, стр. 105—109; «Уголовный процесс». Под ред. М. А. Чельцова. М., 1969, стр. 97—102.

⁹⁴ См. М. Л. Ш и ф м а н. Основные вопросы теории советского доказательственного права. М., 1956, стр. 7; И. Б. Михайловская. Предмет доказывания в советском уголовном процессе.— «Ученые записки ВИЮН», вып. 8, 1958, стр. 134—138; М. Нокербек ов. Предмет доказывания в советском уголовном процессе. Автореферат кандидатской диссертации. Алма-Ата, 1964, стр. 7—9 и др.

ученые добавляют сюда некоторые другие структурные подразделения. М. С. Строгович, например, в предмете доказывания различает: главный факт, доказательственные факты, последствия содеянного и обстоятельства, способствовавшие совершению преступления⁸⁵.

Однако такое построение предмета процессуального доказывания страдает существенными недостатками. Оно, во-первых, основывается на критерии, лишенном требуемой определенности. Под тем же самым главным фактом одни авторы подразумевают все обстоятельства, перечисленные в ст. 15 Основ уголовного судопроизводства, другие — только обстоятельства в рамках конструктивных признаков состава преступления⁹⁷, третьи — «состав преступления и все обстоятельства, которые устанавливают степень ответственности обвиняемого»⁹⁸, четвертые — лишь часть обстоятельств из состава преступления и т. д. Такая разноречивость в трактовке понятия главного факта неизбежно вносит путаницу, в определение структуры предмета доказывания.

Во-вторых, в процессуальной теории термин «главный факт» выполняет еще одно служебное назначение — используется в качестве ориентира при классификации доказательств на прямые и косвенные. Для этого тот смысл, который придается ему при обрисовке предмета доказывания, оказывается слишком широким и по существу непригодным. Выход остается один — изменение трактовки содержания данного понятия, значительное сужение его по сравнению с тем, что подразумевается под ним в другом разделе учения о судебных доказательствах. Многие авторы именно так и поступают, понимая под главным фактом одну сумму обстоятельств при рассмотрении предмета доказывания, другую — при

⁸⁵ См. М. С. Строгович. Курс советского уголовного процесса, т. 1, М., 1968, стр. 369.

⁹⁶ См. Р. Д. Рахунов. О понятии доказательства и главном факте доказывания. — «Советское государство и право», 1965, № 12, стр. 97.

⁹⁷ См. «Уголовный процесс». М., 1972, стр. 155.

⁹⁸ См. М. Л. Шифман. Основные вопросы теории советского доказательственного права. М., 1956, стр. 7.

⁹⁹ См. М. С. Строгович. Курс советского уголовного процесса. М., 1958, стр. 192—197.

классификации доказательств¹⁰⁰. Между тем такой подход не может признаваться нормальным. Раз то или иное понятие без изменения его содержания не годится для разных целей, надо применять его только там, где оно наиболее приемлемо. Термин «главный факт» более естественен при классификации судебных доказательств и, на наш взгляд, целесообразнее сохранить его именно там, четче определив смысловое значение.

Наконец, отмеченные выше схемы структуры предмета доказывания не обеспечивают охвата и расположения систематизируемых явлений согласно внутренне присущей им последовательности. Те обстоятельства дела, которые не подпадают под понятия «главный факт» и «доказательственные факты», либо остаются вовсе вне этих схем, либо объединяются под общей рубрикой с явлениями, имеющими другую природу. В одной группе оказываются обстоятельства, как охватываемые конструктивными признаками соответствующего состава преступления, так и с совершенно иным юридическим значением по делу. В то же время вредные последствия содеянного, важные для конкретизации основания уголовной ответственности, искусственно выделяются в самостоятельное структурное подразделение и т. д. Все это вряд ли согласуется с научными требованиями систематизации изучаемых явлений действительности.

Представляется, что с учетом объективных различий обстоятельств (фактов), составляющих предмет процессуального доказывания, следует делить их на три основные группы, располагая их в следующей последовательности.

Первую группу в структуре предмета доказывания по уголовному делу должны образовать факты *и обстоятельства, находящиеся в рамках конструктивных признаков того или иного состава преступления*. Общее для всех этих обстоятельств (фактов) состоит в том, что при решении вопроса о наличии или отсутствии определенного состава преступления все они имеют непосредственное уголовно-правовое значение. Таковыми являются:

¹⁰⁰ См. М. Л. Ш и ф м а н. Основные вопросы теории советского доказательственного права. М., 1956, стр. 7, 36; А. И. Трусов. Основы теории судебных доказательств. М., 1960, стр. 61, 70; М. С. Строгович. Курс советского уголовного процесса, т. I. М., 1968, стр. 369, 376 и т. д.

— противоправное и общественно опасное деяние, степень его осуществления, время, место, способ и иные обстоятельства совершения;

— факт учинения деяния или участия в нем определенных лиц, достижение ими возраста, с которого возможно признание их субъектами преступления;

— факт наличия или отсутствия вины этих лиц в совершении деяния, форма их вины, мотив и цель;

— вредные последствия содеянного, их характер, объем и причинная связь с действиями или бездействием виновных;

— отягчающие и смягчающие вину обстоятельства, в том числе характеризующие личность правонарушителей, когда они рассматриваются в качестве конструктивных признаков состава преступления (скажем, состояние внезапно возникшего сильного душевного волнения, вызванного со стороны потерпевшего; прежняя судимость виновного; признание его в прошлом особо опасным рецидивистом и др.).

Все перечисленные обстоятельства имеют непосредственное уголовноправовое значение для вывода о виновности лица в совершении преступного деяния, для определения степени опасности содеянного и его юридической квалификации. Будучи доказанными, они становятся фактическим содержанием формулируемого по делу обвинения, а затем — вывода суда о признании подсудимого виновным в совершении конкретного преступления. Необходимость первоочередного включения их в предмет доказывания по делу прямо вытекает из смысла ст. ст. 5, 15 Основ уголовного судопроизводства (ст. ст. 5, 68 УПК РСФСР).

В т о р у ю группу составляют *обстоятельства, имеющие иное юридическое значение по делу*. Общее для них заключается в том, что все они хотя и находятся за рамками состава преступления, но тем не менее обладают такими юридически значимыми свойствами, которые непосредственно влияют на решение вопроса о наличии необходимых предпосылок для ведения судопроизводства, об уголовной ответственности и наказании виновного, о взыскании с него причиненного материального ущерба, о мерах профилактического порядка и т. д. К этой группе должны быть отнесены:

— обстоятельства, которые по действующему законодательству могут освободить виновного от уголовной ответственности и наказания (ст. ст. 50—52 УК и ст. ст. 6—10 УПК РСФСР);

— обстоятельства, учитываемые при назначении наказания как смягчающие или отягчающие степень ответственности виновного (ст. ст. 38, 39 УК РСФСР);

— иные обстоятельства, характеризующие личность совершившего преступление лица (его семейное положение, трудоспособность, характер связей и знакомств, устойчивость индивидуалистических привычек и др.);

— обстоятельства, способствовавшие совершению преступления, содействовавшие формированию у виновного антиобщественных намерений, превращению этих намерений в преступный умысел и реализации такого умысла;

— характер и размеры причиненного по делу материального ущерба, если даже последний не учитывается конструктивными признаками состава данного преступления;

— процессуальные обстоятельства, исключающие производство по делу (наличие вступившего в законную силу приговора по тому же обвинению, отсутствие жалобы потерпевшего по определенной категории дел и т. д.).

Необходимость включения в предмет процессуального доказывания всех перечисленных выше юридически значимых обстоятельств совершенно бесспорна, она непосредственно вытекает из требований ст. ст. 5—10, 68, 392 УПК РСФСР.

Третью группу составляют *обстоятельства, установление которых имеет доказательственное значение по делу*. Эти обстоятельства бывают весьма разнообразны. В одних случаях доказательственное значение имеет нахождение на месте происшествия документа, следов или вещей определенного лица, в других — принадлежность данному лицу орудия совершения преступления, в третьих — обнаружение в хозяйстве подозреваемого или обвиняемого предмета со следами содеянного, в четвертых — факт неприязни между ним и потерпевшим и т. п. Тем не менее все они, будучи выявленными (установленными) по делу, приобретают одинаковую природу — становятся *доказательственными фактами*, необходимыми

для выяснения юридически значимых обстоятельств в уголовном или гражданском судопроизводстве.

Отнесение тех или иных доказательственных фактов к предмету доказывания по делу не зависит от того, для подтверждения каких из юридически значимых обстоятельств они могут использоваться. Представляется односторонним ограничением круга побочных фактов, входящих в предмет доказывания, теми обстоятельствами, которые уличают или оправдывают обвиняемого¹⁰¹. При всей важности этих обстоятельств надо признать, что доказыванию, наряду с ними, подлежат *все* другие побочные факты, имеющие доказательственное значение для дела. Всякий доказательственный факт должен устанавливаться точно и бесспорно, а это возможно только в случае включения его в предмет доказывания по делу.

Советский закон, возлагая на органы суда, прокуратуры и предварительного расследования обязанность полно, всесторонне и объективно исследовать обстоятельства дела (ст. 14 Основ уголовного судопроизводства), имеет в виду доказывание *любых* относящихся к делу фактов, имеющих как юридическое, так и доказательственное значение. Иначе и быть не может, ибо для создания действительно прочного фундамента для тех или иных выводов «необходимо брать не отдельные факты, а *всю совокупность* относящихся к рассматриваемому вопросу фактов, *без единого исключения*»¹⁰².

Намеченное нами построение структуры предмета процессуального доказывания позволяет не только оттенить объективные различия обстоятельств (фактов), относящихся к каждой из указанных выше трех групп, но и обнаружить их взаимосвязь и функциональное единство. Из простой совокупности этих обстоятельств предмет доказывания превращается в стройную *систему* взаимосвязанных фактов и обстоятельств, располагаемых согласно внутренне присущей им последовательности. Это помогает созданию более целостного представления об одном из

¹⁰¹ См. М. Нокербек. Предмет доказывания в советском уголовном процессе. Автореферат кандидатской диссертации. Алма-Ата, 1964, стр. 9; М. С. Строгович. Курс советского уголовного процесса, т. I, М., 1968, стр. 369.

¹⁰² В. И. Ленин. Поли. собр. соч., т. 30, стр. 351.

важнейших понятий теории и практики уголовного судопроизводства.

Каждое из обстоятельств, входящих в предмет доказывания по делу, может иметь как *положительное*, так и *отрицательное* выражение. В ходе доказывания подтверждается наличие преступного деяния (положительный факт) или его отсутствие (отрицательный факт), виновность определенного лица в совершении исследуемого деяния (положительный факт) либо его невиновность (отрицательный факт) и т. д. В ряде случаев доказывание значимого по делу отрицательного факта осуществляется путем установления другого, положительного факта, полностью его исключающего. Типичным примером такого рода служит «алиби», т. е. отсутствие лица в определенном месте в точно известное время, что доказывается чаще всего путем установления положительного факта нахождения данного лица в другом месте в то же самое время.

Анализ содержания предмета процессуального доказывания остался бы незавершенным без выяснения того, *един* ли такой предмет во всех стадиях судопроизводства и для всех уголовных дел или же он *различен* на разных этапах процесса и для отдельных категорий дел. Рассмотрение этого принципиального вопроса необходимо тем более, что в юридической литературе он пока еще не нашел однозначного ответа. Существует мнение, что предмет доказывания по делу не является неизменным, что «по ходу предварительного расследования и судебного разбирательства дела круг обстоятельств, подлежащих доказыванию, может изменяться как в сторону расширения, так и, наоборот, в сторону ограничения его»¹⁰³. Встречается также утверждение о том, что «совокупность фактов и обстоятельств, подлежащих исследованию по делу, ...зависит от особенностей дела, личности преступника и т. п.»¹⁰⁴. Все это показывает, что некоторые советские криминалисты допускают возможность существования различий в структуре предмета доказывания по уголовным делам в зависимости от специфики последних и

¹⁰³ «Советский уголовный процесс». Под ред. Д. С. Карева. М., 1968, стр. 109.

¹⁰⁴ М. Л. Ш и ф м а и. Основные вопросы теории советского доказательственного права. М., 1956, стр. 4.

стадий судопроизводства. Между тем подобное решение вопроса представляется несостоятельным.

Прежде всего следует учесть, что в структуре предмета процессуального доказывания каждое обстоятельство (факт) обозначено не как единичная, а как *общая* категория, способная охватить любые проявления соответствующего отдельного явления. Так, частные формы выражения всякого уголовно наказуемого действия или бездействия могут быть самые различные, однако все они одинаково подпадают под понятие «преступное деяние». Каждое из лиц, виновных в совершении преступления, имеет строго индивидуальные данные, но все такие данные полностью включаются в термин «обстоятельства, характеризующие личность совершившего преступление лица». То же самое можно сказать в отношении всех остальных фактов и обстоятельств, относящихся к предмету доказывания. Поэтому неверно ставить структуру предмета доказывания в зависимость от особенностей преступления и совершивших его лиц, если не упускать из виду диалектики общего и единичного.

В пользу отмеченного выше взгляда не говорит и то, что для выяснения одного и того же обстоятельства предмета доказывания по различным делам нередко приходится исследовать далеко не одинаковый объем данных и материалов. Действительно, в одних случаях, скажем, факт убийства из хулиганских побуждений оказывается ясным с самого начала следствия, а в других — после тщательной проверки многочисленных версий. По одним делам лицо, совершившее преступное деяние, фигурирует еще в стадии возбуждения уголовного дела, а по другим — выявляется после длительного и сложного расследования и т. д. Однако от этого содержание предмета процессуального доказывания не меняется, поскольку все такие материалы и версии исследуются ради установления наличия или отсутствия тех же самых обстоятельств (преступное деяние, совершившие его лица и др.), доказывание которых обязательно по каждому делу.

Таким образом, особенности конкретных дел и отдельных стадий судопроизводства не дают достаточного основания для того, чтобы можно было ставить в зависимость от них предмет процессуального доказывания. Содержание и структура этого предмета *едины* для всех уголовных дел и для всех стадий, их движения. Именно

благодаря этому понятие предмета процессуального названия является общим для всего уголовного гражданского судопроизводства.

§ 2. Пределы процессуального доказывания

Факты и обстоятельства, подлежащие установлению по делу, всегда много качественны, имеют огромное множество свойств (черт, признаков, сторон), неисчислимыми нитями связаны со многими другими явления, реальной действительности. Чтобы исследование этих фактов и обстоятельств не было ни поверхностным, ни бесконечным, в теории и практике уголовного судопроизводства требуется еще одно понятие — *понятие предела процессуального доказывания*.

Данное понятие относится к числу принципиально важных категорий доказательственного права, так как для успешного достижения цели доказывания необходимо правильное понимание не только его предмета, но и пределов.

Тем не менее до недавнего времени вопрос о пределе процессуального доказывания в нашей юридической литературе специально не изучался. Основной причиной такого положения являлось отождествление его с вопросом о предмете доказывания, встречающееся в ряде специальных работ¹⁰⁵.

Смещение предмета и пределов процессуального доказывания не могло признаваться оправданным. При всей своей близости эти понятия не равнозначны друг другу. Если предмет доказывания отвечает на вопрос: *что* подлежит познанию, то пределы доказывания указывают *глубину*, оптимальные границы познания и обоснования этого предмета.

В настоящее время большинство советских юристов подчеркивают самостоятельность понятия «пределы для доказывания». Однако среди них тоже пока нет единства его трактовке. Одни полагают, что здесь имеется в виду «необходимая глубина исследования существенных обстоятельств, обеспечивающая достоверное постижение

¹⁰⁵ См. Г. м. М и н ь к о в с к и и. Пределы доказывания в советском уголовном процессе. М., 1956, стр. 4; М С. Строговин Курс советского уголовного процесса, т. 1. М., 1968, стр. 361.

следователем и судом»¹⁰⁶. Другие под этим понятием подразумевают круг (совокупность) доказательств, которые необходимы и достаточны для установления входящих в предмет доказывания обстоятельств¹⁰⁷. По мнению третьих «пределы доказывания характеризуются совокупностью обстоятельств, исследование которых может иметь значение для правильного разрешения дела, и всех тех источников доказательств, посредством которых выясняются эти обстоятельства»¹⁰⁸ и т. д. Такой разноречивой затрудняет нахождение естественного места данного понятия в теории и практике процессуального доказывания.

При критическом разборе приведенных выше суждений надо в первую очередь отметить сомнительность стремления видеть в пределах доказывания «совокупность обстоятельств, исследование которых может иметь значение для правильного разрешения дела». Эти обстоятельства составляют предмет доказывания и никак не могут расцениваться как полное или частичное выражение понятия пределов доказывания, если предмет доказывания не подчиняется этому понятию и не растворяется в нем. А поступать так, очевидно, нельзя, поскольку эти категории связаны с разными аспектами процессуального доказывания и не относятся друг к другу как часть к целому.

Что же касается остальных из упомянутых выше факторов, в частности таких, как глубина исследования обстоятельств дела, круг подтверждающих эти обстоятельства доказательств и требуемая совокупность их источников, то они действительно так или иначе характеризуют пределы доказывания по делу. Но каждый из них представляется лишь отдельным признаком данного понятия, недостаточным для надлежащего раскрытия его сущности.

Как уже нами однажды отмечалось, понятие «пределы процессуального доказывания» имеет несколько

¹⁰⁶ В. Г. Т а н а с е в и ч. Пределы и предмет доказывания по уголовному делу.— «Практика применения нового уголовно-процессуального законодательства». М., 1962, стр. 37.

¹⁰⁷ См. «Теория доказательств в советском уголовном процессе». Часть общая. М., 1966, стр. 218; «Уголовный процесс». Под ред. М. А. Чельцова. М., 1969, стр. 102; «Уголовный процесс». М., 1972, стр. 159 и др.

¹⁰⁸ «Советский уголовный процесс». Под ред. Д. С. Карева. М., 1968 стр. ПО.

взаимосвязанных граней, одинаково важных при уяснении его смыслового содержания¹⁰⁹.

Прежде всего, оно означает *определенную степень конкретизации и детализации* каждого обстоятельства предмета доказывания, *обеспечивающую необходимую глубину его исследования по делу*. Поясним это на одном примере.

В следственной и судебной практике не может быть ни одного уголовного дела, по которому событие преступления не рассматривалось бы как обстоятельство, входящее в предмет доказывания. Тем не менее нередко вышестоящие суды в качестве основания к отмене приговора указывают на то, что «обвинение в халатности возможно лишь в случае, если должностное лицо не выполнило обязанностей, которые на него были возложены», «участие в драке, повлекшей убийство, еще не означает, что все ее участники несут ответственность за убийство», «обвинение в понуждении женщины к вступлению в половую связь может быть правильным только при доказанности того, что на потерпевшую оказывалось воздействие с использованием ее материальной или служебной зависимости», «для правильной квалификации преступлений, совершенных несколькими лицами, должен быть выяснен характер преступных действий каждого из виновных»¹¹⁰ и т. д. Происходит это в первую очередь потому, что органами следствия и судом первой инстанции поверхностно исследуется обстоятельство (преступное деяние), включенное в предмет доказывания по делу. Деяние недостаточно конкретизируется, остаются неуточненными его многие детали, характер и обстановка совершения или другие существенные моменты, вследствие чего не достигается та глубина исследования, которая необходима для достижения объективной истины.

С другой стороны, установление предела доказывания свидетельствует и о том, что обстоятельства, входящие в предмет доказывания по делу, исследуются не во всех без исключения деталях (частностях, связях), а в той мере,

¹⁰⁹ См. Н. В. Ж о г и и, Ф. Н. Ф а т к у л л и н. Предварительное следствие. М., 1965, стр. 105—107.

¹¹⁰ См. «Бюллетень Верховного Суда СССР», 1968, № 1, стр. 19; 1968, № 2, стр. 26; 1968, № 4, стр. 30; 1970, № 3, стр. 45; 1971, № 5, стр. 16 и др.

в какой те или иные детали нужны для успешного осуществления задач судопроизводства. Если, допустим, доказывается факт изнасилования, то нет надобности с фотографической точностью воспроизвести имевшую место между обвиняемым и потерпевшей борьбу, а достаточно доказать вступление в половую связь насильственным путем и существенные моменты этого насилия. Когда устанавливается факт злого хулиганства, не обязательно детализировать все без исключения нецензурные выражения и циничные действия виновного; можно ограничиться выявлением наиболее существенных, дерзких и циничных действий, грубо нарушающих общественный порядок и выражающих явное неуважение к обществу и т. д.

При некоторых сложных преступлениях пределы доказывания помогают решить, в какой мере надо устанавливать конкретные, единичные противоправные действия, хотя и совершенные на протяжении длительного периода времени, однако все же составляющие единое преступное деяние. Если, скажем, лицо в течение многих лет систематически занималось спекуляцией и за это время сотни раз скупало и перепродавало с целью наживы различные товары, то, естественно, возникает вопрос: требуется ли доказать все эти отдельные факты спекуляции без исключения или достаточно установить начало преступной деятельности и такое количество ее конкретных проявлений, которое не оставляет никакого сомнения в наличии спекуляции в виде промысла и дает полное представление о характере и границах этого преступления. Для правильного решения такого вопроса надо учесть, что по некоторым продолжаемым и собирательным преступлениям, которые образуются из множества отдельных (единичных) общественно опасных действий, не всегда требуется исследование всех этих действий без единого исключения, доказывание можно ограничить рамками, указывающими на начало, конец и основное содержание преступной деятельности. Эти рамки вполне способны создать необходимую глубину и полноту исследования подобных преступлений. Они позволяют точно выявить характер, границы, тяжесть и вредные последствия содеянного и в то же время освобождают следствие от ненужного труда по дальнейшему доказыванию фактов и их деталей, которые не меняют существа содеянного.

Разумеется, что речь в данном случае отнюдь не идет о возможности неоправданного сужения пределов процессуального доказывания по каждому сложному преступлению. Распространенной ошибкой, особенно по делам получения взяток, о присвоении, о служебных подлогах и хищениях, является то, что следователи порою ограничиваются расследованием только фактов и эпизодов, которые были известны при возбуждении уголовного дела, и не проявляют должной настойчивости для обнаружения других аналогичных действий виновного. Это ведет к тому, что преступление отчасти остается нераскрытым.

Необходимая глубина исследования должна обеспечиваться в отношении не только самого преступного деяния, но и всех остальных обстоятельств, входящих в предмет доказывания по делу. Каждое из этих обстоятельств нужно конкретизировать и детализировать, с учетом признаков диспозиций соответствующих норм материального и процессуального права, в той степени, в какой это *существенно* для достижения объективной истины.

Понятие пределов процессуального доказывания, далее, отвечает и на вопрос: в каком объеме должны быть собраны, исследованы и оценены доказательства и их источники для того, чтобы можно было признать наличие или отсутствие каждого из обстоятельств, подлежащих установлению по делу? Иначе говоря, *оно определяет и совокупность тех доказательств и их источников, которые необходимы и достаточны для признания доказанными как всей системы обстоятельств (фактов), составляющих предмет доказывания по делу, так и каждого из них в отдельности.*

Представляется неоправданным утверждение о том, что количественная сторона доказательства образует самостоятельное понятие «объем доказательств», существующее наряду с пределами доказывания¹¹¹. Надобности в таком понятии в действительности нет. Такие факторы, как круг, объем, и количество доказательств и их источников, требуемых по делу, полностью охватываются понятием «пределы процессуального доказывания».

¹¹¹ См. «Уголовный процесс». - М.,... 19.72, стр. 159.

Этот аспект данного понятия имеет важное значение. Если, например, хулиганские действия совершены в присутствии большого числа людей, надо правильно решить, сколько свидетелей следует допросить, чтобы действия виновного считать доказанными с должной полнотой. Когда проверяются обстоятельства, характеризующие личность обвиняемого, необходимо решить, кого из граждан, которым приходилось часто сталкиваться с ним по работе и в быту, приглашать свидетелями по делу и т. д. Во всех подобных случаях очень важно уметь наметить оптимальный объем (круг) доказательств и их источников, чтобы, с одной стороны, обеспечить тщательность исследования соответствующих обстоятельств и выявление объективной истины, с другой — предотвратить бесцельную трату сил и средств органов следствия (суда) и неоправданный отрыв граждан, вызываемых в качестве свидетелей, от их основных занятий.

Не менее ценно правильное определение требуемых фактических данных и их источников по делам, где уже известные обстоятельства содеянного противоречивы и для устранения этих противоречий нужно по крупицам собирать разрозненные, на первый взгляд, доказательственные факты. Так, некий Минигун был привлечен к уголовной ответственности и осужден по ч. 1 ст. 108 У К РСФСР по обвинению в том, что он 4 декабря 1970 года ударом в правый глаз причинил тяжкие телесные повреждения своей знакомой Максютовой, лишив ее зрения на этот глаз. Вывод о виновности осужденного основывался главным образом на заключении судебно-медицинской экспертизы о том, что «имеющееся у Максютовой телесное повреждение (потеря зрения на правый глаз) относится к разряду тяжких», и на показаниях самой потерпевшей, что вечером 4 декабря она в своей квартире вместе с обвиняемым и тринадцатилетним сыном выпила бутылку водки, потом сын удалился, после чего Минигун стал обнимать ее и, встретив сопротивление, сильно ударил кулаком в правый глаз, что именно это и повлекло потерю зрения. Обвиняемый Минигун категорически отрицал вину в причинении тяжких телесных повреждений Максютовой, поясняя, что хотя в указанный вечер после совместной выпивки он действительно оставался на некоторое время наедине с Максютовой в ее квартире, однако никаких насильственных

действий там не предпринимал, а Максютова давно жаловалась на боли в области правого глаза, в медицинские учреждения обратилась лишь спустя 6 дней и пытается использовать факт потери зрения против него, мстя за отказ жениться на ней. При таких противоречивых данных надлежало собрать по делу дополнительные доказательства и источники, чтобы выяснить: в каком состоянии был правый глаз потерпевшей до 4 декабря; на что конкретно и кому она жаловалась непосредственно после происшедшего в этот вечер; почему она к врачам обратилась по данному поводу только 11 декабря; в каком состоянии Максютова пришла в больницу и чем объясняла факт несвоевременной явки за медицинской помощью и имеющиеся в области правого глаза ссадины; какова была давность этих ссадин; возможно ли получение их при ударе кулаком или при столкновении с предметами домашнего обихода; какова непосредственная причина потери потерпевшей зрения; не было ли у нее каких-либо сопутствующих болезней и т. д. Без тщательного исследования всех этих «деталей» нельзя было признать доказанным или недоказанным преступное деяние, инкриминируемое обвиняемому. Соответственно тому все фактические данные, существенные для выяснения таких обстоятельств, должны были обязательно вовлекаться в пределы доказывания по делу. Тем не менее органами предварительного расследования и суда они собраны не были, и эта ошибка в определении объема (круга) требуемых доказательств и их источников привела к отмене приговора вышестоящим судом в кассационном порядке.

Помимо всего сказанного, понятие пределов процессуального доказывания имеет еще один важный аспект — *выражает собой также степень достаточности исследуемых версий и полноты обоснования выводов по делу.* В советском уголовном процессе в пределы доказывания входит проверка всех возможных версий и анализ всех данных, необходимых для всестороннего обоснования каждого вывода по делу. Оставление вне поля зрения следователя (судей) части версий, вытекающих из конкретных условий дела, или слабое обоснование доказанности либо не доказанности искомых фактов означает неправомерное сужение, а нагромождение следствия

надуманными версиями и доводами — несостоятельное расширение пределов процессуального доказывания.

В практике чаще приходится сталкиваться со случаями неоправданного сужения пределов доказывания в этом плане. По делу Сафина, например, осужденного по ст. ст. 206 ч. 3 и 108 ч. 1 УК РСФСР, следователем и судом первой инстанции исследовалась одна версия, суть которой состояла в предположении о том, что обвиняемый в ходе драки, учиненной им по хулиганским побуждениям, пнул в живот потерпевшему Синееву, причинив тем самым повреждение тонкого кишечника, подпадающее под категорию тяжких. Между тем обстоятельства дела допускали и другие версии. Драка происходила на перроне железнодорожной станции, в ней участвовало более десяти лиц, потерпевший был обнаружен в бессознательном состоянии в непосредственной близости от рельса через два-три часа после драки, а эксперты утверждали, что потерпевший мог получить такое повреждение как от удара тупым предметом, так и при падении на рельсы. При таких данных не исключалась возможность того, что потерпевший получил тяжкое телесное повреждение при падении на рельсы (тем более, что он был в нетрезвом состоянии) или удар тупым предметом нанес ему кто-либо из других лиц, принимавших участие в драке. Однако эти версии по делу не проверялись, пределы доказывания были неправильно сужены, что и привело к отмене судебного приговора ввиду неполноты проведенных предварительного и судебного следствий.

Все отмеченные выше стороны понятия пределов процессуального доказывания одинаково важны и только в своей совокупности могут дать необходимое представление о существе данного понятия. И поэтому следует признать, что *под пределами доказывания в советском уголовном процессе понимаются такие границы этой деятельности, которые выражают полноту проверяемых следственных версий, глубину исследования подлежащих установлению фактов (обстоятельств), объем доказательств и их источников, обязательных для признания наличия или отсутствия этих фактов, и достаточность обоснования выводов по делу.*

Едины ли эти границы для всех стадий судопроизводства, для различных категорий дел и для всех тех обстоятельств, которые входят в предмет доказывания?

не дает основания для конструирования разных пределов доказывания для различных этапов движения уголовного дела. Требование о полноте исследования всех обстоятельств дела, об обеспечении достоверного установления наличия или отсутствия каждого из них и о достаточном обосновании выводов по делу является *общим* для всех стадий советского уголовного процесса, и оно свидетельствует о том, что для всех этих стадий пределы доказывания в принципе *едины*.

Положение несколько меняется, когда речь идет о влиянии на пределы доказывания тех объективных особенностей, которые могут быть характерны для отдельных категорий уголовных дел. Как глубина исследования определенных обстоятельств, входящих в предмет доказывания, так и круг материалов, добываемых для их установления, подчас зависят и от специфики дела. Так, по делам несовершеннолетних подлежат особо тщательной проверке число, месяц и год рождения правонарушителя, условия его воспитания и степень умственного развития (ст. 392 УПК РСФСР), тогда как по делам о преступлениях, совершенных взрослыми лицами, эти детали могут и не иметь столь существенного значения. Способность обвиняемого отдавать отчет своим действиям и руководить ими проверяется специально, экспертным путем лишь в тех случаях, когда есть какие-либо данные, ставящие под сомнение его психическую полноценность; по остальным делам данное обстоятельство предмета доказывания может и не нуждаться в такой же степени глубоком исследовании. По делам о преступлениях, учиненных в состоянии опьянения, требуется особое выяснение того, не является ли обвиняемый алкоголиком, подлежащим принудительному лечению¹¹³, в то время как по другим делам эти данные, характеризующие личность виновного, могут и не потребоваться и т. д. Все это позволяет заключить, что особенности тех или иных дел оказывают известное влияние на пределы процессуального доказывания.

¹¹³ См. Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 11 июля 1972 г. «О задачах судов по выполнению постановления ЦК КПСС, Совета Министров СССР и Указов Президиумов Верховных Советов союзных республик о мерах по усилению борьбы против пьянства и алкоголизма» («Бюллетень Верховного Суда СССР», 1972, № 4, стр. 6).

Но здесь имеются в виду именно *объективные* особенности, свойственные отдельным категориям уголовных дел. Вряд ли есть почва для поддержания тех авторов, которые в недалеком прошлом ставили пределы доказывания в зависимость от позиции обвиняемого, утверждая, будто полное признание им своей вины может повлечь сокращение судебного следствия¹¹⁴. Такая точка зрения подвергнута в нашей литературе справедливой критике¹¹⁵. По действующему советскому законодательству «признание обвиняемым своей вины может быть положено в основу обвинения лишь при подтверждении признания совокупностью имеющихся доказательств по делу (ст. 77 УПК РСФСР). По всякому делу пределы доказывания должны очерчиваться таким образом, чтобы вывод органов суда, прокуратуры и предварительного расследования о наличии или отсутствии обстоятельств, подлежащих установлению, не зависел от позиции обвиняемого.

Нам остается рассмотреть последнюю часть поставленного выше вопроса, касающуюся возможности какой-либо дифференциации пределов процессуального доказывания в отношении отдельных фактов (обстоятельств), имеющих значение по делу. Речь здесь идет, конечно, не об обсуждении *тоге*, нет ли разных степеней' установления достоверности этих фактов. Тут двух мнений быть не может; любое из обстоятельств, подлежащих установлению, должно быть доказано достоверно. Указанный вопрос имеет научный и практический интерес лишь в плане тех обстоятельств, которые могут расцениваться как *общеизвестные, преюдициально установленные или презумируемые законом*.

В советском гражданском процессе считается бесспорным, что общеизвестные и преюдициально установленные факты в предмет доказывания не входят и кладутся в основу судебного решения без доказывания по делу. Такая точка зрения находит свое подтверждение в ст. 55 ГПК РСФСР, где эти факты названы

¹¹⁴ См. С. А. Г о л у н с к и и. Судебное следствие.— «Советская юстиция», 1937, № 5, стр. 32; М. А. Ч е л ь ц о в. Обвиняемый и его показания в советском уголовном процессе. М., 1947, стр. 43 и др.

¹¹⁵ См., например, И. Д. П е р л о в. Судебное следствие в советском уголовном процессе. М., 1955, стр. 65—70.

обстоятельствами, не подлежащими доказыванию. Так называемые законные презумпции в законодательстве ряда союзных республик тоже отнесены к числу фактов, не подлежащих доказыванию (например, ст. 32 ГПК УССР, ст. 35 ГПК Туркмен. ССР), в теории же они рассматриваются чаще как средство распределения обязанности доказывания в гражданском судопроизводстве¹¹⁶.

В нашей уголовно-процессуальной литературе вопрос решается по-разному. Одни авторы молчаливо обходят его¹¹⁷, другие — признают и общеизвестные, и преюдициально установленные, и законом презумируемые обстоятельства фактами, не подлежащими доказыванию¹¹⁸, третьи — такое значение придают только общеизвестным и преюдициально установленным фактам¹¹⁹, четвертые — по существу отрицают возможность какой-либо специфики в доказывании подобных фактов¹²⁰.

На наш взгляд, не только в гражданском, но и в уголовном судопроизводстве обстоятельствами, имеющими значение по делу, могут являться и общеизвестные, и преюдициально установленные, и законом презумируемые факты.

Общеизвестными могут быть факты засухи, наводнения или другого стихийного бедствия, нахождения такого-то заведения в таком-то месте, точное расстояние между двумя пунктами, абсолютная невозможность пройти это расстояние на машине, принадлежность опия

¹¹⁶ См. Т. А. Лилуашвили. О доказывании предполагаемых фактов в советском гражданском процессе.— «Советское государство и право», 1962, № 12, стр. 145—147; «Советский гражданский процесс». Под ред. М. А. Гурвича. М., 1967, стр. 159—162, 165—166; «Гражданский процесс». Под ред. Н. А. Чечиной и Д. М. Чечота. М., 1968, стр. 170—172, 179—180 и др.

¹¹⁷ См. «Советский уголовный процесс». Под ред. Д. С. Карева. М., 1968, стр. 105—118; «Уголовный процесс». Под ред. Н. С. Алексеева, В. З. Лукашевича и П. С. Элькинд. М., 1972, стр. 153—167 и др.

¹¹⁸ См. М. А. Чельцов. Советский уголовный процесс. М., 1951, стр. 152—153.

¹¹⁹ См. В. Д. Арсеньев. О фактах, не подлежащих доказыванию в процессе уголовного судопроизводства.— «Правоведение», 1965, № 1, стр. 95—104.

¹²⁰ См. М. С. Строгович. Материальная истина и судебные доказательства в советском уголовном процессе. М., 1955, стр. 232—234.

к наркотикам, а водки — к спиртным напиткам и т. д. По уголовному делу такие факты, хорошо известные следователю, судьям, участникам процесса и остальным гражданам, могут оказаться главным образом в качестве обстоятельств, имеющих доказательственное значение.

Преюдициальный характер носят факты, которые уже установлены вступившим в силу и никем не отмененным приговором, решением, определением или постановлением суда (судьи), а также постановлением прокурора и органа предварительного расследования о прекращении дела (ст. ст. 5, 28, 255, 256 УПК РСФСР). Они могут фигурировать по уголовному делу в роли обстоятельств, имеющих как юридическое, так и доказательственное значение.

Законными презумпциями можно считать такие обстоятельства, как рождение лица в тот день и от тех родителей, которые указаны в свидетельстве о его рождении; недопустимость поручения определенной работы человеку, который не прошел требуемой подготовки; способность лица, имеющего документ о специальном образовании, справляться с соответствующими обязанностями и т. д. Подобные предположения, из которых исходит законодатель при правовом регулировании общественных отношений в той или иной сфере социальной жизни, тоже могут иметь по уголовному делу юридическое или доказательственное значение.

Полностью приравнять такие общеизвестные, преюдициально установленные и законом презумируемые обстоятельства ко всем другим фактам, имеющим значение по делу, и вообще отрицать специфику в их доказывании было бы неверно. Но вместе с тем следует признать, что эта специфика находится скорее в плоскости не предмета, а пределов процессуального доказывания.

Исключение указанных обстоятельств из предмета доказывания означает, что по делу они вовсе не исследуются и остаются вне всякой оценки, что даже не требуются какие-либо источники, в которых бы содержались о них сведения. Между тем в действительности положение выглядит несколько иначе.

В любом деле, где общеизвестные преюдициально установленные или законом презумируемые обстоятельства имеют значение, обязательно бывают о них сведения; как эти сведения, так и сами названные обстоятельства

в известных рамках исследуются и оцениваются, поскольку иначе невозможно определить даже их относимость и пригодность для определенного вывода.

Следовательно, упомянутые обстоятельства неизбежно оказываются в числе фактов, устанавливаемых по делу, однако с той разницей, что глубина их исследования несколько иная, отличителен круг сведений и их источников, указывающих на эти обстоятельства, а равно проще их обоснование. Иначе говоря, особенности в пользовании общеизвестными, преюдициально установленными или законом презумируемыми фактами по уголовному делу касаются как раз *пределов* их доказывания.

Эти пределы, в свою очередь, тоже не одинаковы. Доказывание общеизвестного факта выражается, очевидно, в процессуальной фиксации имеющихся о нем сведений и исследовании его связи с действиями (бездействием) уголовно-ответственного лица, в оценке значения этого факта по делу и в обосновании вытекающих из него выводов. Проверка доброкачественности сведения о факте, в истинности которого никто не сомневается, и определение их достаточности для признания доказанным такого факта представляются излишними.

Констатирование следователем и судьями достоверности обстоятельства, презумируемого в законе, предполагает выяснение того, нет ли по делу данных, которые могли бы свидетельствовать о неприемлемости этой законной презумпции для данного конкретного случая. Если такие сведения есть, то тщательно исследуется, могут ли они опровергнуть презумируемое законом обстоятельство, и только после этого делается вывод. Кроме того, проверяется также отношение презумируемого законом факта к делу, выясняется его значение для правильного разрешения дела.

Для уяснения пределов доказывания в советском уголовном процессе факта, установленного преюдициально, исходным моментом служат законоположения о недопустимости ведения судопроизводства по поводу того же обвинения, о котором есть неотмененный приговор или определение (постановление) о прекращении дела (п. п. 9—10 ст. 5 УПК РСФСР), и об обязательности вывода, сделанного судом по гражданскому делу относительно того или иного события, действия и бездействия (ст. 28 УПК РСФСР). Эти нормы закона вводят

определенное ограничение в доказывание по тем уголовным делам, где фигурируют названные в них обстоятельства. Но для того, чтобы яснее представить себе влияние такого ограничения на пределы процессуального доказывания, необходимо учесть следующее.

Если применительно к судебным решениям по гражданскому делу законодатель прямо называет в качестве преюдиции лишь один конкретный факт (событие, действие или бездействие), то в отношении приговора, определений и постановлений по уголовным делам он поступает иначе: границы преюдиции определяет не просто теми фактами, которые непосредственно отражены в этих процессуальных актах, а содержанием *обвинения*, в части которого такие акты вынесены. И вовсе не случайно то, что законодатель в ст. 5 УПК РСФСР 1960 года отказался от прежней формулировки «по обвинению в том же преступлении», которая содержалась в ст. 3 УПК РСФСР 1923 года, заменив ее выражением «по тому же обвинению». Этим подчеркивается, что преюдициальным свойством наделяются все те факты и обстоятельства, которые должны рассматриваться частями однажды разрешенного обвинения. Пока обвинение остается *тем же самым*, исключается возбуждение и ведение нового уголовного дела. «Тем же самым» оно считается не только при полном тождестве всех его признаков, но и в случаях, когда новые данные позволяют изменять фабулу, юридическую формулировку или правовую квалификацию содеянного. При этом не имеет решающего значения, что именно — сужение, расширение или видоизменение — происходит с прежним обвинением. Последнее остается тем же самым даже при условии, если ставится вопрос: а) о тех же действиях (бездействии), но с другой правовой квалификацией; б) о наличии в действиях осужденного другого состава преступления, который вместе с составом, указанным в судебном приговоре, может образовать идеальную совокупность преступлений; в) о противоправных фактах, хотя и непосредственно не отраженных в приговоре (постановлении, определении), но являющихся частью того сложного преступления, по которому было сформулировано прежнее обвинение; г) о противоправном действии, которое хотя и характеризуется некоторой самостоятельностью, но дополняет указанное в судебном

приговоре деяние и составляет с ним одно целое, т. е. единое преступление. Во всех подобных случаях по существу речь идет о повторении того же самого обвинения в измененном виде, а потому соответствующие факты подпадают под его преюдицию¹²¹.

В нашей юридической литературе существует и мнение, что указанные выше преюдиции не всегда сказываются на пределах доказывания по уголовному делу. М. С. Строгович, например, полагает, что «по любому делу вполне допустимо доказывать, что установленный ранее состоявшимся приговором или решением факт в действительности места не имел». Он исходит из того, что при рассмотрении другого дела «приговор первого суда является для второго не актом, имеющим силу закона, а официальным документом, удостоверяющим определенные факты, принимаемые судом как истинные без дальнейших доказательств только в том случае, когда они представляются бесспорными и не вызывающими сомнений в своей истинности. При сомнении же в том или ином факте, установленном вступившим в законную силу приговором, при возражении против этого факта обвиняемого или иного участника процесса суд обязан данный факт исследовать по существу»¹²². Эту точку зрения частично разделяет Ю. М. Грошевой, полагающий, что преюдиция приговора неопровержима только при решении вопроса о признании лица особо опасным рецидивистом по другому делу, а в остальных случаях «суд, придя к иным выводам при рассмотрении уголовного дела, постановляет приговор по своему убеждению»¹²³.

Между тем ни сам такой поход, ни приводимые в его обоснование соображения не могут считаться приемлемыми.

Было бы, разумеется, неправильно утверждать, что любые фактические данные, указанные во вступившем в силу приговоре или определении (постановлении), ни при каких условиях не могут быть использованы и оценены

¹²¹ Об этом см. подробнее: Ф. Н. Фаткуллин. Обвинение и судебный приговор. Казань, 1965, стр. 502—507.

¹²² М. С. Строгович. Учение о материальной истине в уголовном процессе. М., 1947, стр. 214, 219.

¹²³ Ю. М. Грошевой. Проблема формирования судейского убеждения в уголовном судопроизводстве. Харьков, 1975, стр. 102.

при расследовании или судебном рассмотрении другого дела. Подобная предпосылка противоречила бы закону и интересам достижения объективной истины. В необходимых случаях советские судьи не только вправе, но и обязаны исследовать фактические данные, однажды отраженные в приговоре по другому делу, оценить их и привести в подтверждение обстоятельств, установленных преюдициально, дополнительные аргументы, вытекающие из всей совокупности материалов вновь рассматриваемого дела. Однако отсюда не следует, что законная сила судебного приговора не касается содержащихся в нем фактических констатации¹²⁴. Суд может использовать материалы, отраженные в приговоре (определении, постановлении) по другому делу, но он не вправе делать по ним выводы, противоречащие этому приговору. Судьи оценивают исследуемые снова фактические данные и их источники, однако они должны воздержаться от дачи им оценки, противоположной по сравнению с первым приговором. Нельзя отрицать за судом права приводить дополнительные мотивы в подкрепление уже известного по другому судебному решению факта, но вместе с тем нельзя уполномочить судей указывать во втором приговоре такие аргументы, которые исключают (отвергают) мотивы и доводы, содержащиеся в сохраняющем законную силу приговоре по другому делу. В противном случае неизбежны существенные противоречия между различными актами социалистического правосудия, ставящие под сомнение правосудность одного из этих актов.

Как же следует поступать, если по новому делу не подтверждается факт (обстоятельство), установленный преюдициально? На этот вопрос в литературе встречаются разные ответы. Одни авторы считают, что в таком случае суд выносит приговор по своему убеждению, однако

¹²⁴ Заметим, что отрицание законной силы за фактическими констатациями приговора является традиционным среди буржуазных юристов. Но они «объясняют» это отсутствием «гарантий правильности таких констатации», невозможностью требовать от судей установления по делу объективной истины, принципом так называемой формальной истины. (См. С. Будзинский. О силе судебных решений в гражданском и уголовном процессах и о взаимном влиянии этих процессов. СПб, 1861, стр. 46—48, 72, 88; V a g l e r T h. Die Rechtskraft des Strafbefehls. Band II. Karlsruhe, 1959, 8. 85—88).

этот приговор, поскольку им отвергнута преюдиция, не вступает в законную силу до тех пор, пока вышестоящий суд не проверит оба приговора (или приговор и решение по гражданскому делу) и не решит, какой из них правосуден¹²⁵. По мнению других, в указанной ситуации необходимо приостановить производство по делу и внести представление об опротестовании ранее вынесенного приговора (решения)¹²⁶. Более приемлемой представляется последняя точка зрения.

Дело здесь не в степени правомерности той или иной позиции. Действующий советский закон не предусматривает ни приостановления производства по делу при наличии сомнения в доказанности преюдициально установленного факта (обстоятельства), ни постановления такого приговора, который не вступал бы в силу до тех пор, пока вышестоящий суд не проверит его законность и обоснованность. По существу речь идет о вопросе, который прямо не регламентирован в законодательстве.

В принципе же было бы более правильным исходить из того, что при необходимости изменения выводов о тех или иных фактах (обстоятельствах), их оценки и приведенных в их пользу мотивов, содержащихся в неотменном решении, приговоре, постановлении или определении, следует возбудить вопрос об отмене этого акта с тем, чтобы все такие «фактические констатации» были тщательно проверены с учетом обстоятельств и прежнего и данного дела, чтобы по каждому из них была достигнута объективная истина. Такой подход обеспечивает исправление когда-то допущенной судебной ошибки (если она действительно имела место), а равно гарантирует судей от новой ошибки, возможной при поспешном отрицании по второму делу тех данных, которые уже однажды встесторонне проверялись.

Что же касается фактов (обстоятельств), которые признаны установленными в актах административных учреждений или общественных организаций, то они в уголовном процессе преюдициальным свойством не обладают. Органы следствия и суда вправе в необходимых

¹²⁵ См. «Теория судебных доказательств в советском уголовном процессе. М., 1973, стр. 735.

¹²⁶ См. Г. М. Резник. Внутреннее судебное убеждение и преюдиция.— «Советская юстиция», 1971, № 7, стр. 10—11.

пределах проверить достоверность таких фактов и сделать по ним выводы по своему внутреннему убеждению, в соответствии с исследованными по делу доказательствами и их источниками. На это ориентирует и Верховный Суд СССР. В постановлении Пленума Верховного Суда СССР, например, от 16 октября 1972 г. «О судебной практике по делам о хулиганстве» прямо подчеркнуто, что при привлечении к уголовной ответственности за повторное мелкое хищение надлежит всесторонне, полно и объективно исследовать все материалы дела, в том числе и обстоятельства, относящиеся к первому правонарушению, за которое лицо привлекалось к мерам общественного воздействия¹²⁷.

Таким образом, в советском уголовном процессе ограничение в доказывании преюдициально установленных фактов безусловно есть, и отрицать его неправомерно. Однако оно означает только то, что при исследовании таких фактов органы следствия и суда не могут входить в обсуждение доброкачественности процессуального акта, в котором они констатированы, и делать новые выводы, противоречащие этому акту, пока последний не отменен в установленном законом порядке. Кроме того, по обстоятельствам, указанным в п. п. 9—10 ст. 5 УПК РСФСР, эти органы лишены также права повторно вменить их в вину тем же лицам, в отношении которых они уже однажды фигурировали в другом обвинении. В остальном преюдициально установленные факты исследуются наряду с остальными обстоятельствами предмета доказывания по делу. Получение и приобщение к делу процессуального документа, в котором зафиксированы данные о таком факте, анализ содержания этого документа, сопоставление его с другими материалами дела, проверка и оценка дополнительных сведений по поводу того же факта — все это укладывается в пределы доказывания преюдициально установленных фактов в уголовном судопроизводстве.

В советском уголовном процессе по любому делу пределы доказывания определяются так, чтобы достаточно полно исследовалось каждое обстоятельство, входящее в предмет доказывания, и собранными материалами

¹²⁷ См. «Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР». М., 1974, стр. 760.

достоверно устанавливались все его свойства, которые имеют значение для правильного его разрешения¹²⁸.

По многим уголовным делам, особенно на первоначальных этапах предварительного расследования, приходится «ощупью» прокладывать путь к фактам реальной действительности, проверять множество версий, чтобы убедиться в наличии или отсутствии, в существенности или несущественности каких-либо обстоятельств. Но закон, опыт, умение и знания следователя (судей) вполне могут обеспечить надлежащую ориентировку в сложных ситуациях дела, правильно наметить предмет и пределы доказывания, достичь объективную истину. В этом — залог успешного выполнения тех задач, которые возложены законом на советское уголовное судопроизводство.

§ 3. Субъекты и обязанность доказывания

В сферу доказывания по уголовному делу вовлекается большой круг органов и лиц, занимающих различное положение в процессе. Поэтому важно решить, кто из них является субъектом и на кого возлагается обязанность процессуального доказывания.

В общетеоретическом плане понятие субъекта доказывания разработано недостаточно. Встречающееся в юридической литературе мнение, что такими субъектами «являются участники процесса, осуществляющие процессуальные функции»¹²⁹, не может считаться удовлетворительным, поскольку оно не облегчает, а, напротив, осложняет решение вопроса.

При перечислении конкретных субъектов доказывания по уголовному делу разные авторы занимают тоже неодинаковые позиции. Одни из них такими субъектами признают все государственные органы, которые ответственны за расследование и разрешение уголовного дела¹³⁰, другие — исключают отсюда суд¹³¹, третьи, наоборот,

¹²⁸ По этому поводу см. «Бюллетень Верховного Суда СССР», 1968, № 6, стр. 35; 1969, № 6, стр. 25; 1970, № 2, стр. 43 и др.

¹²⁹ ц до. К а з. Субъекты доказывания в советском уголовном процессе. Саратов, 1968, стр. 32.

¹³⁰ См. Л. Т. Ульянова. Оценка доказательств судом первой инстанции. М., 1959, стр. 47.

¹³¹ См. Р. Д. Рахунов. Участники уголовно-процессуальной деятельности. М., 1962, стр. 46; В. П. Резелов. Субъекты доказывания в советском уголовном процессе.— «Вопросы государства и права». М., 1958, стр. 112.

дополняют эти государственные органы отдельными лицами, участвующими в уголовном судопроизводстве «для защиты своих или представляемых законных интересов»¹³².

Думается, что для правильного определения понятия и круга субъектов доказывания надо исходить из того, в действиях каких органов и лиц содержатся элементы, из которых складывается доказывание в нашем уголовном процессе. Это вполне естественно, ибо субъектом любой деятельности является именно тот, кто совершает действия и вступает в отношения, составляющие ее содержание.

С этих позиций субъектами процессуального доказывания должны признаваться лица, которые уполномочены в установленном законом порядке высказывать свое мнение (версии, утверждения) об искомых фактах, собирать или представлять доказательства и их источники, самостоятельно участвовать в их проверке и оценке, а также официально обосновывать свои выводы по делу. Сюда относятся органы дознания, следователь, прокурор, суд, защитник, подозреваемый, обвиняемый (подсудимый), потерпевший, гражданский истец, гражданский ответчик, их представители, общественный обвинитель и общественный защитник. В действиях как раз этих органов и лиц по советскому законодательству возможны все необходимые элементы процессуального доказывания, хотя их объем, соотношение и конкретные формы выражения весьма различны. В то же время данным понятием субъекта доказывания не охватываются свидетели, эксперты, специалисты, понятые, переводчики и лица, участие которых в процессе ограничивается представлением доказательств и их источников согласно ст. 70 УПК РСФСР.

В нашей юридической литературе известны и различные классификации субъектов доказывания в уголовном процессе, производимые по разным признакам.

Некоторые авторы, беря за основу классификации отношение этих субъектов к обязанности доказывания, делят их на три группы, а именно: а) лиц, несущих обязанность доказывания; б) лиц, на которых лежит обязанность лишь участия в доказывании; в) лиц, освобожденных

¹³² «Теория доказательств в советском уголовном процессе». Часть общая. М., 1966, стр. 462-463.

даже от такой обязанности¹³³. Однако это вызывает ряд возражений. Во-первых, неубедителен отличительный признак первых двух групп, поскольку любое лицо, будучи обязанным участвовать в доказывании, не может не нести определенной обязанности по доказыванию. Во-вторых, произвольно объединение в одну группу лиц (например, защитника и представителя гражданского истца, подозреваемого и общественного обвинителя), выполняющих совершенно разные роли в доказывании. В-третьих, непонятно, почему при классификации принимается во внимание только одна сторона полномочий субъектов доказывания (обязанность) и вовсе не учитывается другая их сторона — субъективные права, хотя мера и возможного и должного поведения одинаково важна в характеристике положения каждого из этих субъектов.

П. А. Лупинская выдвигает в качестве признаков для классификации «путь получения знаний о рассматриваемых обстоятельствах и цель доказывания» и на этой основе делит субъектов доказывания на две основные группы, одну из которых составляют органы суда, прокуратуры и предварительного расследования, вторую — участники процесса¹³⁴. Между тем это еще менее убедительно. С одной стороны, может быть совершенно одинаковым путь получения знаний по делу и для прокурора и для адвоката, хотя они отнесены автором к разным группам. С другой стороны, из числа «участников процесса» одни могут получать сведения об искомых фактах только из материалов дела (скажем, общественный обвинитель, гражданский ответчик), другие — располагать такими сведениями до вступления в дело (например, потерпевший, обвиняемый). Кроме того, вопреки мнению П. А. Лупинской в советском уголовном судопроизводстве цель доказывания не может быть различной, она для всех должна состоять в достижении объективной истины по делу. Если кто-либо из участников процесса стремится не к истине, а к ее искажению, то им ставится заведомо неправомерная цель, совершенно непригодная для каких-то научных классификаций.

¹³³ См. «Обсуждение спорных вопросов теории доказательств в уголовном процессе». — «Социалистическая законность», 1965, № 5. стр. 85—86.

¹³⁴ См. П. А. Лупинская. Доказывание в советском уголовном процессе. М, 1966, стр. 24—25.

Ряд авторов подразделяют субъектов доказывания в зависимости от их процессуальных *интересов*. По этому признаку эти субъекты в одних работах делятся на две группы — на государственные органы и на других лиц, участвующих «в доказывании для защиты своих или представляемых законных интересов»¹³⁵, а в других — выделяется еще одна группа, куда включаются лица, представляющие в уголовном деле общественные интересы¹³⁶. С нашей точки зрения, основа этих классификаций наиболее приемлемая, ибо непосредственные интересы субъектов доказывания действительно разные. Однако по этому признаку следует делить их на ч е т ы р е г р у п п ы:

— на органы, осуществляющие доказывание в интересах и от имени государства. Это — органы дознания и предварительного следствия, прокурор и суд. Они ответственны за всю полноту доказывания и за достижение объективной истины по каждому делу;

— на лиц, участвующих в доказывании для защиты своих или представляемых интересов. В эту группу входят подозреваемый, обвиняемый (подсудимый), потерпевший, гражданский истец, гражданский ответчик и их представители. В ходе доказывания они отстаивают личные интересы, действуя в рамках и с позиции этих интересов;

— на лиц, осуществляющих доказывание в соответствии с задачами, возложенными на них законом для защиты интересов отдельных участников судопроизводства. Это — защитники, выступающие в доказывании от своего имени и сочетающие свои профессиональные задачи с интересами подзащитного;

— на лиц, принимающих участие в доказывании от имени и в интересах общественности. Ими являются общественные обвинители и общественные защитники, действующие по поручению определенной общественной организации (коллектива трудящихся).

Такая классификация наиболее точно отражает роль и положение различных субъектов доказывания, а равно

¹³⁵ «Теория доказательств в советском уголовном процессе». Часть общая. М., 1966, стр. 462.

¹³⁶ См. Ц. М. К а з. Субъекты доказывания в советском уголовном процессе. Саратов, 1968, стр. 33—34.

помогает правильно решить, на кого из них и в какой мере возлагается обязанность доказывания по уголовному делу.

*Под обязанностью доказывания в уголовном процессе следует понимать предусмотренную законом меру должного поведения соответствующих лиц по выдвижению следственных версий, по собиранию, проверке и оценке доказательств и их источников, а также по обоснованию выводов по делу*¹³⁷.

Такая обязанность лежит, в первую очередь, на субъектах доказывания первой группы. Суд, прокурор, следователь и органы дознания должны принять все предусмотренные законом меры для всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела (ст. 20 УПК РСФСР). Они обеспечивают выдвижение всех возможных версий об искомых фактах, собирание, проверку и оценку по ним всех доказательств, а равно правильное уяснение и обоснование вытекающих из них выводов по делу. В советском уголовном процессе нельзя назвать из предмета доказывания ни одного обстоятельства, обязанность доказывания которого не вменялась бы этим органам или могла бы быть переложена на другого участника судопроизводства под страхом наступления неблагоприятных для него юридических последствий.

В отношении прокурора, участвующего в судебном заседании, можно говорить, кроме того, *об обязанности доказывания обвинения*. Это — специфический юридический долг, носящий более узкий характер по сравнению с долгом прокурора доказывать все обстоятельства дела. Причем закон подчеркивает, что отказ прокурора от обвинения не освобождает суд от обязанности продолжать разбирательство дела и разрешить обвинение по существу на общих основаниях (ст. 248 УПК РСФСР). Вполне правомерны случаи, когда после отказа прокурора от обвинения судьи признают подсудимого виновным и постановляют обвинительный приговор по делу.

¹³⁷ Некоторые авторы пытаются вложить в это понятие, именуя его еще «бременем доказывания», иное содержание — обязанность убедить в правильности своего «тезиса, утверждения» по делу. (См. И. И. М а л х а з о в. Перемещение «обязанности доказывания» и советский уголовный процесс.— «Ученые записки Ростовского университета», т. IX, вып. 3, 1957, стр. 171). Это не только ничем не оправдано, но и ведет к ряду ошибочных суждений, искажающих существо и форму построения советского уголовного процесса.

Ограниченная обязанность доказывания определенной части обстоятельств дела возлагается и на защитника. Не вытекает из закона утверждение о том, что защитник вообще не несет подобной обязанности¹³⁸. Статья 51 УПК РСФСР предусматривает, что он *обязан* «использовать все указанные в законе средства и способы защиты в целях выяснения обстоятельств, оправдывающих обвиняемого или смягчающих его ответственность». Но ненадлежащее исполнение защитником этой обязанности не должно повлечь за собой отрицательных процессуальных последствий для обвиняемого, поскольку установление всех этих обстоятельств одновременно вменяется в обязанность органов дознания, следователя, прокурора и суда.

На остальных участниках процесса не лежит какая-либо обязанность доказывания. Подозреваемый, потерпевший, гражданский истец, гражданский ответчик, их представители, обвиняемый, общественный обвинитель и общественный защитник могут высказывать свое мнение об искомых фактах, представлять доказательства, активно участвовать в их проверке и оценке, а равно обосновывать свои выводы по делу (ст. ст. 46, 52—55, 250, 295, 298 УПК РСФСР). Но это — их *право*, а не юридическая обязанность. В советском уголовном процессе от позиции указанных лиц не может ставиться в зависимость достижение объективной истины по делу.

Можно говорить о нравственном долге потерпевшего, поддерживающего обвинение в суде (ст. 27 УПК РСФСР), и гражданского истца обосновывать свои утверждения и притязания. Есть известное основание усматривать моральной долг общественного обвинителя или защитника активно участвовать в доказывании, чтобы оправдать доверие выделившего их коллектива (общественной организации). Однако все это — тоже сугубо моральные факторы, не связанные с конкретными процессуальными последствиями по уголовному делу.

В нашем уголовном процессе не допускается и какое-либо перемещение обязанности доказывания в целом и обязанности доказывания обвинения в частности. Совершенно беспочвенны попытки некоторых авторов переложить

¹³⁸ См. М. С. Строгович. Курс советского уголовного процесса, т. 1. М., 1968, стр. 355—356.

на обвиняемого частичную обязанность доказывания утверждений, выдвигаемых в свою защиту¹³⁹. Такое перемещение, характерное для англо-американской доктрины права, противоречит демократическим принципам и целям советского уголовного процесса. В статье 14 Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик специально подчеркивается, что «суд прокурор, следователь и лицо, производящее дознание, не вправе перелгать обязанность доказывания на обвиняемого». Эта норма вошла и в уголовно-процессуальные кодексы всех союзных республик (ст. 20 УПК РСФСР). Никаких исключений из данного правила не существует. Закон предусматривает, что участники уголовного судопроизводства, в том числе обвиняемый, при заявлении ходатайства о вызове свидетелей, о назначении экспертизы и об истребовании других источников доказательств обязаны указать, для установления каких обстоятельств дела это необходимо (ст. 276 УПК РСФСР). Но данная норма не имеет прямого отношения к вопросу об обязанности доказывания. Она облегчает правильное разрешение заявляемых ходатайств, однако не возлагает на обвиняемого и на других участников процесса никаких обязанностей по доказыванию тех или иных обстоятельств по делу. Это вполне понятно, ибо в советском уголовном процессе доказывание любого факта (обстоятельства) рассматривается как обязанность самих органов суда, прокуратуры и предварительного расследования и надлежащее исполнение этой обязанности расценивается в качестве важнейшей предпосылки успешного выполнения всех задач судопроизводства.

¹³⁹ См. И. И. М а л х а з о в. Перемещение «обязанности доказывания» и советский уголовный процесс.— «Ученые записки Ростовского университета», т. IX, вып. 3, 1957, стр. 178; В. Я. Вульф. Об обязанности доказывания в советском уголовном процессе.— «Ученые записки ВЮИОН», вып. 14, 1962, стр. 227.

Глава третья

СРЕДСТВА ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ДОКАЗЫВАНИЯ

§ 1. Понятие и виды средств процессуального доказывания

Поскольку процессуальное доказывание всегда представляет собой опосредствованное познание реальной действительности, постольку оно осуществляется только при помощи соответствующих *средств доказывания*. Как в уголовном, так и в гражданском судопроизводстве доказывание немислимо без и вне этих средств. Выявление и изучение тех или иных, пусть даже очень важных для дела обстоятельств, предпринимаемые какими-либо лицами помимо указанных в действующем законодательстве специальных средств, не могут считаться процессуальным доказыванием в точном смысле слова. Всякое процессуальное доказывание никоим образом неотделимо от строго определенных средств, составляющих *единственный путь* установления исследуемых обстоятельств уголовного или гражданского дела, достижения по нему объективной истины.

Поэтому вполне естественно, что всесторонняя научная разработка средств доказывания — одна из наиболее кардинальных проблем доказательственного права, имеющая неоценимое познавательное и практическое значение. От того, насколько четко определены средства доказывания, как полно раскрыты их виды и в какой мере выяснено их подлинное соотношение, зависят не только правильное понимание существа каждого вида средств доказывания и умелое оперирование ими, но и успешное решение многих других вопросов теории и практики процессуального доказывания..

Тем не менее проблема средств доказывания в процессуальной литературе широко и детально еще не

исследована. Хотя данная проблема неоднократно затрагивалась во многих опубликованных и диссертационных работах различных авторов, однако фактически она всегда рассматривается лишь в связи с трактовкой какого-либо отдельного средства доказывания, главным образом—доказательств. Вместо того, чтобы сначала дать совокупный анализ всех средств доказывания в целом, а затем, переходя от общего к отдельному, раскрыть содержание и роль каждого относительно самостоятельного вида средств доказывания, обычно предпринимается попытка смотреть на средства доказывания только сквозь призму понятия доказательств. Такой одноплановый подход, который уже сам по себе не свободен от серьезного методологического изъяна, неизбежно приводит к узкому и довольно противоречивому пониманию указанной проблемы.

Так, многие авторы сводят все средства доказывания к источникам сведений об исследуемых по делу фактах, считая, в свою очередь, эти источники составной частью понятия доказательств. «Средства доказывания,— подчеркивает М. С. Строгович,— это определенный, указанный в законе источник сведений о важных для дела фактах, при помощи которых эти факты устанавливаются»¹⁴⁰. По существу аналогичные суждения встречаются также в трудах М. Л. Шифмана, А. И. Винберга, Р. Д. Рахунова, Г. М. Миньковского, Д. М. Чечота и ряда других советских юристов¹⁴¹.

Известна другая, по существу, противоположная точка зрения, сторонники которой средством доказывания признают лишь доказательственные факты, усматривая в последних тоже один из элементов понятия судебных доказательств. На такой позиции, в частности, стоял А. Я. Вышинский, считавший, что источники доказательств не относятся к разряду средств доказывания, поскольку такими средствами служат только «факты,

¹⁴⁰ М. С. Строгович. Курс советского уголовного процесса. М., 1958, стр. 161.

¹⁴¹ См. М. Л. Ш и ф м а н. Основные вопросы теории советского доказательственного права. М., 1956, стр. 5; А. И. В и н б е р г, Г. М. Миньковский, Р. Д. Рахунов. Косвенные доказательства в советском уголовном процессе. М., 1956, стр. 5; «Новое уголовное законодательство РСФСР». М., 1961, стр. 152; Д. М. Ч е ч о т. Судебные доказательства.— «Гражданский процесс». М., 1968, стр. 163, 165 и др.

которые используются для того, чтобы что-либо доказать»¹⁴².

Третья группа процессуалистов полностью отождествляет средства доказывания и судебные доказательства, имея при этом в виду как сами фактические данные, так и их источники. Такова исходная позиция по данной проблеме Н. Н. Полянского, М. А. Гурвича, К. С. Юдельсона, И. И. Мухина и некоторых других научных работников, хотя их взгляды в деталях несколько отличаются друг от друга¹⁴³.

По мнению ряда авторов, под средствами доказывания следует подразумевать только источники доказательств, которые сами по себе в понятие доказательства не входят. «Средства доказывания,— писал, например, И. Д. Перлов,— не выступают сами в качестве доказательств. Посредством их устанавливаются или опровергаются определенные факты, которые служат доказательствами... В законе дан исчерпывающий перечень средств доказывания»¹⁴⁴. Эта точка зрения, получившая довольно широкое распространение после принятия ныне действующих Основ уголовного судопроизводства, отчетливо проводится в трудах С. А. Голунского, Б. А. Галкина, П. А. Лупинской и ряда других юристов¹⁴⁵. Фактически

¹⁴² А. Я. Вышинский. Теория судебных доказательств в советском праве. М., 1950, стр. 223.

¹⁴³ См. Н. Н. Полянский. Вопросы доказательственного права в практике Верховного Суда РСФСР.— «Право и жизнь», 1927, № 1, стр. 60; М. А. Гурвич. Лекции по советскому гражданскому процессу. М., 1950, стр. 99; К. С. Юдельсон. Проблема доказывания в советском гражданском процессе. М., 1951, стр. 32; И. И. Мухин. Объективная истина и некоторые вопросы оценки судебных доказательств при осуществлении правосудия. Л., 1971, стр. 57, 71, 181; «Советский гражданский процесс». М., 1967, стр. 155 и др.

¹⁴⁴ И. Д. Перлов. Об основах уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик.— «Важный этап в развитии советского права». М., 1960, стр. 57.

¹⁴⁵ См. С. А. Голунский. Вопросы доказательственного права в основах уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик.— «Вопросы судопроизводства и судостроительства в новом законодательстве Союза ССР». М., 1959, стр. 145; Б. А. Галкин. Советский уголовно-процессуальный закон. М., 1962, стр. 175; П. А. Лупинская. О проблемах теории судебных доказательств.— «Советское государство и право», 1960, № 10, стр. 121—124; А. В. Дулов, Е. А. Матвиенко. Доказательства.— «Уголовно-процессуальный кодекс Белорусской ССР. Комментарий». Минск, 1963, стр. 54 и др.

она нашла известное отражение и в Основах гражданского судопроизводства, где средствами доказывания названы именно показания свидетелей, заключения экспертов и другие источники используемых в качестве доказательств фактических данных (ст. 17).

Наконец, в отдельных работах встречается, хотя и значительно реже, мнение о необходимости более широкой трактовки понятия средств процессуального доказывания. Сторонники данного взгляда так или иначе высказываются за то, чтобы под этим понятием подразумевались одновременно *две* относительно самостоятельные категории советского доказательственного права, а именно — как сами судебные доказательства в целом, так и все процессуальные (в том числе, разумеется, и следственные) *способы* их получения¹⁴⁶.

Как видим, одни процессуалисты в качестве средств доказывания расценивают ту или иную часть конструируемого ими понятия доказательств, другие — ставят знак полного равенства между средствами доказывания и доказательствами в целом, третьи, наоборот, решительно противопоставляют их, а четвертые — средствами доказывания именуют и сами доказательства и способы их получения.

Конечно, все те категории доказательственного права, которые только что были названы при обзоре взглядов различных авторов, так или иначе относятся к разряду средств доказывания. Всякое противопоставление последних доказательствам или их источникам лишено устойчивого основания, ибо при том опосредствованном познании, каким выступает процессуальное доказывание, средствами установления объективной истины по делу становятся в первую очередь определенные фактические данные и их источники.

Но вместе с тем представляется неправильным сводить все средства доказывания либо к доказательственным фактам, либо к сведениям об этих фактах, либо к источникам таких сведений, либо к какой-нибудь другой отдельно взятой категории доказательственного права,

¹⁴⁶ См. А. Ф. К л е и н м а н. Советский гражданский процесс. М., 1954, стр. 173; М. М Г р о д з и н с к и й. О способах получения доказательств в советском уголовном процессе.— «Советская юстиция», 1958, № 6, стр. 11.

так как это ведет к подмене общего отдельным, целого частью, структуры элементом.

Термин «средства процессуального доказывания» должен применяться для обозначения многогранного понятия. В полном соответствии с этимологическим смыслом данного выражения средством доказывания являются как фактические данные, используемые в ходе этой деятельности, так и те формы и способы, при помощи которых эти данные становятся достоянием суда, прокурора и органов предварительного расследования¹⁴⁷. Средства процессуального доказывания одновременно указывают на вопросы: что, откуда и каким путем. Общая конструкция этого многозначного понятия должна охватывать: во-первых, «средства», которые в виде определенных фактических данных кладутся в основу выводов об искомых обстоятельствах дела, во-вторых, «средства», выполняющие роль источника таких данных; в-третьих, «средства», которые используются в качестве, способа получения и проверки этих фактических данных, обоснования ими соответствующих выводов по делу. Только все это вместе взятое может дать надлежащее представление о средствах процессуального доказывания в уголовном и гражданском судопроизводстве, способствовать правильному уяснению содержания каждого вида этих средств

Поэтому не следует понимать конкретные фактические данные, употребляемые для установления исследуемых обстоятельств дела, источники этих данных и способы их получения, проверки и использования в ходе доказывания.

При этом нельзя не учесть, что такое определение средств процессуального доказывания не только больше согласуется с этимологическим смыслом рассматриваемого понятия, но и имеет ряд других положительных

¹⁴⁷ Напомним, что русское слово «средство» означает: 1 Прием, способ действия... 2. Орудие (предмет, совокупность приспособлений) для осуществления какой-либо деятельности». (См. С. И. Ожегов. Словарь русского языка. Д1, 1960, стр. 750). Оба значения этого термина с полным основанием могут быть отнесены к «средствам доказывания», о чем справедливо указывалось С. В. Курьлевым в статье «Сущность судебных доказательств» («Труды Иркутского госуниверситета», т.: XVII, серия юридическая, выл. 2, 1956, стр. 39).

сторон. В частности, оттеняются все средства доказывания, в связи с чем и научные и практические работники нацеливаются на всесторонний анализ и оценку как доказательств, так и других средств, при помощи которых ведется доказывание в уголовном или в гражданском судопроизводстве. Подчеркивается взаимосвязь, взаимозависимость различных средств доказывания, исключаются отрыв их друг от друга и какое бы то ни было их противопоставление. В то же время открывается возможность подразделения их на отдельные, относительно самостоятельные виды, четко разграничить эти виды, детально исследовать их содержание и соотношение.

При определении отдельных видов средств процессуального доказывания нужно исходить из их сущности и назначения.

Одна группа средств доказывания по уголовным и гражданским делам имеет своим назначением быть доказательственной основой тех или иных выводов, представляет собой фактическую информацию об искомых по делу обстоятельствах. Это — конкретные фактические данные, составляющие *первый вид средств процессуального доказывания*, а именно — доказательства.

Другие средства доказывания в уголовном и гражданском процессах предназначены служить своего рода «средством сохранения и передачи» этой фактической информации, могут характеризоваться в качестве носителя и соответствующей формы передачи такой информации. Это — документы, показания свидетелей, протоколы следственных действий и другие указанные в законе средства, образующие *второй вид средств процессуального доказывания*, в частности — источники доказательств.

Наконец, остальные средства процессуального доказывания служат «средством» собирания, проверки, оценки и использования фактических данных и их источников, а также обоснования вытекающих из них выводов по делу. Они находят свое выражение в предусмотренных законом действиях суда, органов следствия (дознания), прокурора и участников судопроизводства. Это — следственные и некоторые другие процессуальные действия, из совокупности которых образуется *третий*

вид средств доказывания, а конкретно — способы получения доказательств и оперирования ими¹⁴⁸.

Разумеется, что внутри каждого из этих трех видов средства процессуального доказывания могут по тем или иным признакам подразделяться на другие, более узкие группы, о чем подробно будет сказано позднее. Однако это не ставит под сомнение устойчивость указанного нами подразделения средств доказывания на основные виды. Общность главного назначения и процессуальной природы средств доказывания, объединенных в каждый из названных выше видов, при любых условиях сохраняет их необходимую целостность.

Все отдельные виды средств процессуального доказывания теснейшим образом связаны между собой. Доказательства, как конкретные фактические данные, не могут существовать для органов суда, прокуратуры и предварительного расследования без и вне определенных источников, а эти источники, равно как и содержащиеся в них фактические данные, в свою очередь могут быть получены упомянутыми органами исключительно способами, точно указанными в законе.

Но данное обстоятельство не дает никакого основания смешивать различные виды средств процессуального доказывания. В юридической литературе, к сожалению, далеко не редки случаи, когда не только не проводится четкая грань между доказательствами, их источниками и способами их получения (оперирования), а, напротив, тратится много усилий на обоснование отсутствия такой грани. Наиболее распространенным в данном отношении является взгляд, сторонники которого расценивают как доказательства и фактические данные, и их источники.

Взгляд этот в советской процессуальной науке зародился еще в тридцатые годы¹⁴⁹. Но свое развитие он получил позднее, особенно в послевоенный период.

¹⁴⁸ Отметим, что в прошлом на самостоятельное значение способа получения доказательств и на их отличительные признаки отчетливо указал М. М. Гродзинский в статье «О способах получения доказательств в советском уголовном процессе». (См. «Советская юстиция», 1958, № 6, стр. 11).

¹⁴⁹ См. М. С. Строгович. Учебник уголовного процесса. М., 1938, тр. 88; С. В. Познышев. Косвенные улики и их значение при расследовании преступлений.— «Ученые записки ВИЮН», вып. 2 М., 1941, стр. 236.

Именно в это время М. С. Строгович в ряде своих больших исследований специально рассматривал доказательства под таким углом зрения, приводя всю систему возможных аргументов¹⁵⁰. Одновременно эта точка зрения стала встречаться в трудах М. А. Чельцова, М. М. Гродзинского, Р. Д. Рахунова, М. Л. Шифмана, М. Л. Якуба и некоторых других авторов¹⁵¹.

Для подобного подхода к вопросу в тот период имелось и известное юридическое основание, поскольку действовавшее тогда уголовно-процессуальное законодательство именовало доказательствами показания свидетелей, заключения экспертов, документы и другие источники фактических данных (например, ст. ст. 58 УПК РСФСР, 58 УПК БССР, 57 УПК Груз. ССР, 55 УПК Азерб. ССР 1923 г.).

В первоначальном проекте новых Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик (ст. 22), опубликованном в июне 1957 года для широкого обсуждения, это положение сохранялось. В дальнейшем же законодатель внес сюда принципиальное изменение. Как в общесоюзном, так и в республиканском законодательстве была закреплена норма, указывающая, что доказательствами «являются любые фактические данные, на основе которых в определенном законом порядке органы дознания, следователь и суд устанавливают наличие или отсутствие общественно опасного деяния, виновность лица, совершившего это деяние, и иные обстоятельства, имеющие значение для правильного разрешения дела» (ст. 16 Основ уголовного судопроизводства 1958 г., ст. 69 УПК РСФСР, ст. 65 УПК УССР, ст. 55 УПК Молд. ССР, ст. 49 УПК Латв. ССР, ст. 56 УПК Арм. ССР и т. д.).

¹⁵⁰ См. М. С. Строгович. Уголовный процесс. М., 1946, стр. 120; о н ж е. Материальная истина и судебные доказательства в советском уголовном процессе. М., 1955, стр. 228—247; о н ж е. Курс советского уголовного процесса. М., 1958, стр. 159—162.

¹⁵¹ См. М. А. Чельцов. Уголовный процесс. М., 1948, стр. 248; М. М. Гродзинский. Доказательства в советском уголовном процессе.— «Государственный обвинитель в советском суде». М., 1954, стр. 11—12; Р. Д. Рахунов. Свидетельские показания в советском уголовном процессе. М., 1955, стр. 19, 22—25; М. Л. Ш и ф м а н. Основные вопросы теории советского доказательственного права. М., 1956, стр. 5; «Советский уголовный процесс». Под ред. Д. С. Карева. М., 1953, стр. 50 и др.

Пересмотрели свою позицию и многие ученые-юристы. Например, М. М. Гродзикский стал последовательно различать доказательства и их источники¹⁵². М. А. Чельцов вернулся к своей старой точке зрения, что доказательствами по делу являются только факты, а их источники имеют несколько другую природу¹⁵³. Коренным образом изменили свои взгляды Г. М. Миньковский, М. Л. Якуб и некоторые другие юристы¹⁵⁴.

Но это сделали далеко не все. Одна группа процессуалистов вновь выступила с тезисом, что «двойственное понимание» доказательств как фактических данных и источников должно остаться без изменения. А. И. Трусов, например, прямо заявил, что «новый закон... не устранил (и не мог, естественно, этого сделать в силу объективных причин, не зависящих от воли законодателя) двойственного понимания доказательств как фактов и как источника получения фактов»¹⁵⁵. В том же плане высказался Р. Д. Рахунов, отмечавший, что по-прежнему «доказательствами надо считать не только факты, но и средства доказывания, т. е. показания обвиняемого, свидетеля, потерпевшего и т. д.»¹⁵⁶. Ряд дополнительных аргументов в пользу того же взгляда привел В. Д. Арсеньев, объясняя его главным образом с точки зрения общей теории информации¹⁵⁷. Не так давно новую попытку обосновать такую позицию предприняли М. С. Строгович и И. И. Мухин¹⁵⁸.

¹⁵² См. М. М. Г р о д з и н с к и й. О способах получения доказательств в советском уголовном процессе.— «Советская юстиция», 1958, № 6, стр. 11—12.

¹⁵³ См. М. А. Ч е л ь ц о в. Советский уголовный процесс. М., 1962, стр. 120.

¹⁵⁴ См. Г. М. М и н ь к о в с к и й. Доказательства.— «Научно-практический комментарий к Основам уголовного судопроизводства». М., 1961, стр. 101 — 102; М. Л. Я к у б. Доказательства в советском уголовном процессе.— «Советский уголовный процесс», 1968, стр. 98—103 и др.

¹⁵⁵ А. И. Т р у с о в. Основы теории судебных доказательств. М., 1960, стр. 52.

¹⁵⁶ Р. Д. Р а х у н о в. Выступление на научной сессии ВИЮН.— «Новое уголовное законодательство РСФСР». М., 1961, стр. 152.

¹⁵⁷ См. В. Д. А р с е н ь е в. Вопросы общей теории судебных доказательств. М., 1964, стр. 78—96.

¹⁵⁸ См. М. С. С т р о г о в и ч. Курс советского уголовного процесса, т. 1. М., 1968, стр. 287—294; И. И. М у х и н. Объективная истина и некоторые вопросы оценки судебных доказательств при осуществлении правосудия. Л., 1971, стр. 55—71.

При этом указанными выше авторами используется и некоторая нечеткость терминологии в новом уголовно-процессуальном законодательстве, где в отдельных случаях доказательствами именуются не сами фактические данные, а скорее их источники — предметы, вещи или документы (ст. ст. 83, 88 УПК РСФСР).

Другие процессуалисты, понимая шаткость «двойственной» трактовки доказательств в таком виде, решили несколько модернизировать ее, делая упор на *единство* понятия доказательства. Впервые об этой новелле писали Л. Т. Ульянова и В. А. Притузова, предлагая ввести такое единое понятие доказательств, где бы равноценное значение имели как источники сведений о доказательственных фактах, так и сами факты¹⁵⁹. Почти одновременно с ними в том же духе выступил В. Я. Дорохов, утверждая, что определение доказательств лишь как фактических данных приводит к недооценке их источников, что сведения о фактах и их источники могут быть взяты только в своем единстве¹⁶⁰.

Нельзя было с самого начала не видеть, что объективно суть предлагаемого этими авторами «новшества» сводится к замене слова «двойственное» термином «единое» понимание судебных доказательств, поскольку двухчленное определение доказательств в основном сохранялось, а под «единством» подразумевалось не однозначное понимание доказательств только как фактических данных, а совершенно, другое — объединение фактических данных и их источников на равных началах. Тем не менее В. Я. Дорохов в своих последующих работах всячески стремился отмежеваться от «двойственного» понимания доказательств, хотя практически все приводимые им доводы мало что изменяли¹⁶¹.

Эту точку зрения позднее поддержали А. Л. Ривлин,

¹⁵⁹ См. Л. Т. Ульянова. Оценка доказательств судом пер инстанции. М., 1959, стр. 14; В. А. Притузова. Заключение эксперта как доказательство в советском уголовном процессе. М., 1959, стр. 11.

¹⁶⁰ См. В. Я. Дорохов. Вопросы теории доказательств в новом законе.— «Вопросы нового уголовного и уголовно-процессуального законодательства СССР». М., 1959, стр. 79—93.

¹⁶¹ См. В. Я. Дорохов. Понятие доказательств в советском уголовном процессе.— «Советское государство и право», 1964, № 9, стр. 114-120.

М. И. Бажанов, С. А. Альперт и некоторые другие криминалисты¹⁶².

у этих авторов можно найти значительные расхождения в частностях их концепций. Однако сама суть взгляда одна: все они, как и сторонники двойственного понимания доказательств, объединяют фактические данные и их источники в одном понятии, именуя их судебными доказательствами. В результате все равно происходит смешение двух различных видов средств процессуального доказывания.

Бесспорно то, что нельзя ни отрывать фактические данные от их источников, ни противопоставлять их друг другу. Они органически связаны между собой, находятся в тесном взаимодействии. Но это — диалектическая взаимосвязь, не исключающая самостоятельности каждой из упомянутых категорий. В природе и обществе существует органическое единство формы и содержания любого явления, однако тем не менее диалектический материализм всегда и последовательно различает форму и содержание. По известному выражению К. Маркса, «судебный процесс и право так же тесно связаны друг с другом, как, например, формы растений связаны с растениями, а формы животных — с мясом и кровью животных. *Один и тот же* дух должен одушевлять судебный процесс и законы, ибо процесс есть только *форма жизни закона*, следовательно, проявление его внутренней жизни»¹⁶³. Но все же никто не может отрицать самостоятельность материального права и процесса. Точно так же нет основания и для смешения фактических данных с их источниками. При всей своей взаимообусловленности они являются различными видами средств процессуального доказывания, каждый из которых имеет своеобразное назначение и специфическую доказательственную природу.

Представляется несостоятельным и довод некоторых процессуалистов о том, что если под доказательствами понимать только фактические данные, а их источники

¹⁶² См. А. Л. Ривлин, С. А. Альперт, М. И. Бажанов. О доказательствах в советском уголовном судопроизводстве.— «Социалистическая законность», 1965, № 9, стр. 40; «Теория доказательств в советском уголовном процессе». Часть общая. М., 1966, стр. 227—250.

¹⁶³ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., изд. 2-е, т. 1, стр. 158. .

оставлять за пределами этого понятия, то становится неясным, откуда берутся сами фактические данные и каким образом устанавливаются искомые факты по делу¹⁶⁴. Подобный аргумент является следствием ошибочной предпосылки о том, что будто роль средств процессуального доказывания играют только определенные элементы доказательств. Между тем такими средствами служат также источники доказательств и способы их получения (оперирования), без которых доказывание по уголовному или гражданскому делу невозможно.

Судебные доказательства добываются и используются посредством определенных источников, а последние, в свою очередь, — посредством конкретных процессуальных способов, действий. В этом заложено единство указанных явлений доказательственного права, позволяющее рассматривать их в качестве различных видов средств доказывания. Но неправильно считать фактические данные, их источники и способы получения (оперирования) совершенно однородными категориями по отношению к доказыванию, смешивать их друг с другом. Иначе легко открывається возможность подменять фактические данные их источниками, принимая за судебное доказательство то, что при строгом подходе по существу им не является.

В следственной и судебной практике немало случаев, когда в том или ином деле определенный процессуальный источник фигурирует, а самого доказательства в нем так и нет. Нередки ситуации, при которых по делу отсутствует определенный источник доказательства, хотя и применялись все процессуальные способы, необходимые для получения данного источника (например, обвиняемый отказывается давать показания на допросах). И такие факты сами по себе отнюдь не свидетельствуют о том, что органами следствия и суда по делу не использованы возможные средства доказывания.

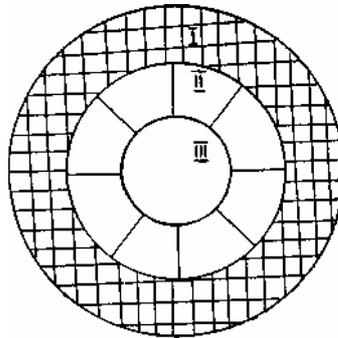
Кроме того, порою из разных по характеру источников доказательств берутся однозначные фактические

¹⁶⁴ См. Н. Д. Лордкипанидзе. Относимость юридических фактов и доказательств в советском гражданском процессе. Автореферат. Тбилиси, 1964, стр. 8—9; В. Д. Арсеньев. Доказывание фактических обстоятельств дела в советском уголовном процессе. Автореферат. М, 1967., стр. 10.

данные или, наоборот, в одном источнике содержатся отличные друг от друга доказательства. Одни и те же фактические данные, сообщаемые одним и тем же лицом, в зависимости от процессуального положения этого лица, формы информации и некоторых других моментов могут иметь своим источником в одном случае показание подозреваемого, в другом — показание обвиняемого, в третьем — объяснение и т. д.

Поэтому при всей их взаимообусловленности нельзя не видеть разницы между доказательствами, их источниками и способами получения (оперирования), выступающими в роли различных видов средств доказывания в силу своих существенных особенностей. Если все средства доказывания в целом представить в форме замкнутого круга, то соотношение их отдельных видов можно было бы представить следующим образом:

- I — способы получения доказательств;
- II — источники доказательств;
- III — доказательства.

Как явствует из приведенного выше условного изображения, *сердцевину* всех средств процессуального доказывания всегда составляют *доказательства*, являющиеся по любому делу *единственным* фактическим основанием выводов об обстоятельствах дела. Это вполне понятно, поскольку те или иные источники и способы получения (оперирования) доказательств нужны только потому, что необходимо собирать, проверять и оценивать доказательства, обосновать вытекающие из них истинные выводы.

Вместе с тем, доказательства не могут существовать для органов суда, предварительного расследования и

прокуратуры *вне* других средств процессуального доказывания, извлекаются они исключительно из указанных в законе источников. Последние, в свою очередь, вступают в орбиту доказывания в условном или гражданском процессе только при помощи определенных законных способов, без которых такое доказывание тоже не могло бы осуществляться.

Такое понимание средств процессуального доказывания и соотношения их отдельных видов, наиболее полно отражая объективную реальность, способствует использованию каждого вида средств доказывания строго по назначению, нацеливает нас на всесторонний и тщательный анализ как самих доказательств, так и их источников и способов получения (оперирования).

§ 2. Доказательства как фактические данные. Их относимость

Определение доказательств как фактических данных, на основе которых устанавливаются исследуемые обстоятельства уголовного или гражданского дела, является единственно правильным исходным положением для четкого уяснения содержания этого понятия. Но его самого по себе для этого еще недостаточно. Не менее важно решить, что же подразумевается конкретно под этими «фактическими данными». Этот вопрос — не из простых, в литературе он решается по-разному.

Многие авторы, особенно до принятия ныне действующего процессуального законодательства, под такими «фактическими данными» подразумевали только доказательственные факты¹⁶⁵. Такой подход в отдельных работах встречается и в настоящее время.

Другие криминалисты в рассматриваемое понятие вкладывали более широкое смысловое значение, имея в виду *любые* факты, на которых основывается решение

¹⁶⁵ См. «Советский уголовный процесс». Под ред. Д. С. Карева. М., Госюриздат, 1953, стр. 50; М. М. Г р о д з и н с к и й. Доказательства в советском уголовном процессе.— Сб. «Государственный обвинитель в советском суде». М., Госюриздат, 1954, стр. 11 — 12; М. С. С т р о г о в и ч. Материальная истина и судебные доказательства в советском уголовном процессе. М., Изд-во АН СССР, 1955, стр. 247.

дела¹⁶⁶. По утверждению С. В. Познышева, доказательствами являются «*вообще все* факты, способные служить основаниями для заключений о тех свойствах судимого деяния или лица, которые определяют, каково должно быть содержание приговора»¹⁶⁷. В принципе аналогичное мнение проводится в работах В. Громова, Н. Ла-говьера и некоторых других авторов¹⁶⁸.

Причем все эти процессуалисты в своих дефинициях прямо не оговаривали, что речь идет о доказанных фактах. Об этом можно было лишь догадываться, поскольку под фактами (в том числе доказательственными) могли подразумеваться только достоверные обстоятельства дела.

После принятия основ уголовного судопроизводства 1958 года ряд процессуалистов начал специально подчеркивать, что под «фактическими данными» понимаются именно достоверные, объективно существующие факты, факты реальной действительности. Это можно найти в трудах С. А. Голунского, М. А. Чельцова, Л. Н. Гусева, П. А. Лупинской, Ц. М. Каз, В. П. Резепова и некоторых других авторов¹⁶⁹.

¹⁶⁶ См. М. Нокербеков. Предмет доказывания в советском уголовном процессе. Автореферат. Алма-Ата, 1964, стр. 16; Н. Д. Лордкипанидзе. Относимость юридических фактов и доказательств в советском гражданском процессе. Автореферат. Тбилиси, 1964, стр. 10—11.

¹⁶⁷ С. В. Познышев. Доказательства в уголовном процессе. М., Госиздат, 1929, стр. 18.

¹⁶⁸ См. В. Громов, Н. Лаговьер. Уголовно-судебные доказательства. М., Юриздат, 1929, стр. 17; А. Я. Вышинский. Теория судебных доказательств в советском праве. М., Госюриздат, 1950, стр. 223.

¹⁶⁹ См. С. А. Голунский. Вопросы доказательственного права в Основях уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик.— «Вопросы судопроизводства и судоустройства в новом законодательстве СССР». М., 1959, стр. 145; М. А. Чельцов. Советский уголовный процесс. М., 1962, стр. 135; Л. Н. Гусев. Об Основях уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик. М., 1959, стр. 15; П. А. Лупинская. О проблемах теории судебных доказательств.— «Советское государство и право», 1960, № 10, стр. 121—124; Ц. М. Каз. Доказательства в советском уголовном процессе. Саратов, 1960, стр. 23—24; В. П. Резепов. Доказательства.— «Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР. Комментарий». Л., 1962, стр. 79; В. А. Похмелкин. Всестороннее, полное и объективное исследование обстоятельств дела.— «Ученые записки Пермского университета», № 150, Пермь, 1966, стр. 88 и др.

Такое решение вопроса внешне весьма привлекательно, ибо оно прямо наталкивает на важный вывод, что в основу принимаемого по делу решения в качестве доказательств можно положить лишь достоверные факты. Однако за этой простотой кроются определенные несуразности. В частности, остается совершенно непонятным, откуда в процессе доказывания появляются эти истинные факты, каким образом в показаниях живых лиц, документах и некоторых иных источниках могут содержаться непосредственно сами факты реальной действительности, как фактические данные еще до оценки их судом могут безоговорочно признаваться объективно существующими фактами, почему те или иные сведения, сообщаемые обвиняемым или содержащиеся в других источниках, не являются доказательствами с самого начала и т. д. Помимо всего того, признание доказательствами только фактов реальной действительности практически влечет за собой перенесение центра тяжести процессуального доказывания на уяснение социально-правового значения фактов, оставляя в тени собирание, проверку и оценку тех данных, на основе которых эти факты устанавливаются.

Поэтому попытка свести все фактические данные, признаваемые по закону доказательствами, к достоверным и объективно существующим фактам не могла увенчаться успехом. В советском уголовном и гражданском судопроизводствах любые факты сами должны быть бесспорно доказаны, а выводы о них могут считаться достоверными лишь после тщательного анализа соответствующих доказательств, как результат оценки последних на основе всестороннего, полного и объективного рассмотрения всех обстоятельств дела в их совокупности.

Находя отмеченный выше взгляд неприемлемым в силу этих соображений, ряд советских процессуалистов высказали мнение о том, что законодатель, признавая доказательствами только фактические данные, имеет в виду прежде всего *конкретные сведения* о подлежащих исследованию по делу фактах¹⁷⁰. Такая исходная

¹⁷⁰ См. Ф. Н. Ф а т к у л л и и. О новом уголовно-процессуальном кодексе РСФСР.— «Ученые записки Казанского университета», т. 121, кн. 7. Казань, 1961, стр. 102; В. 3. Л у к а ш е в и ч. О понятии

позиция в принципе логична. В показаниях тех или иных лиц, заключениях экспертов, документах, протоколах следственных действий и некоторых других процессуальных источниках содержатся не сами факты, а сведения об этих фактах. В своем материальном выражении факты реальной действительности не могут содержаться в подобных источниках, они находятся вне их и в ходе расследования или судебного рассмотрения дела воссоздаются по определенным сведениям, имеющимся в соответствующих процессуальных источниках. Конкретным содержанием таких источников являются именно *сведения* об искомых фактах, и эти сведения в первую очередь подпадают под те «фактические данные», которые в ст. 16 Основ уголовного ч в ст. 17 Основ гражданского судопроизводства названы доказательствами.

Отправляясь от этого правильного положения, отдельные авторы, однако, впадают в другую крайность — сводят все содержание судебных доказательств только к сведениям о фактах, полностью исключая из данного понятия доказательственные факты. Такое суждение встречалось еще в диссертации О. В. Иванова «Объективная истина в советском гражданском процессе»¹⁷¹. Наиболее же четко оно высказывалось в работе Ф. М. Кудина, считающего, что «доказательственные факты не могут быть отнесены к числу фактических данных», «их неправильно считать судебными доказательствами», ибо они выступают лишь в качестве «оснований, аргументов логического доказательства»¹⁷². Потом этот взгляд нашел свое отражение в коллективном труде по теории судебных доказательств, где тоже утверждается, что «доказательствами в уголовном процессе

доказательства в советском уголовном процессе.—«Правоведение», 1963, № 1, стр. 110—119; И. С а д о в с к и й, И. Т ы р и ч е в. Вопросы теории и практики судебных доказательств.— «Социалистическая законность», 1963, № 11, стр. 39—42; В. К. П у ч и н с к и и. О единообразном толковании и применении Основ гражданского судопроизводства.— «Советское государство и право», 1972, № 4, стр. 50—53 и др.

¹⁷¹ См. О. В. И в а н о в. Объективная истина в советском гражданском процессе. Автореферат кандидатской диссертации. М., 1964, стр. 12—13.

¹⁷² Ф. М. К у д и н. Производные доказательства и их источники в советском уголовном процессе. Рукопись кандидатской диссертации. Свердловск, 1966, стр. 49, 55—57, 62.

нельзя называть ни факты, входящие в предмет доказывания, ни побочные факты»¹⁷³. Между тем такое мнение не может приниматься за удовлетворительное решение вопроса.

Конечно, во всяком уголовном или гражданском деле возможны источники доказательств, в которых содержатся существенно искаженные или даже вообще вымышленные сведения о якобы имевших место фактах. Применительно к подобным источникам содержание понятия «любые фактические данные» действительно исчерпывается полностью этими сведениями, так как последние в результате тщательной проверки и оценки признаются недоброкачественными, по этой причине отвергаются и их доказательственная роль на этом завершается. Однако речь ведь идет не столько о подобных, сколько о доброкачественных сведениях по делу.

Отражая явления реального мира, доброкачественные сведения об обстоятельствах дела тоже имеют относительную *самостоятельную* доказательственную природу. Они представляют собой отдельное звено между «вещью в себе» и «вещью для нас», т. е. между искомыми фактами внешнего мира и полученными о них представлениями. В то же время эти сведения играют промежуточную роль — на их базе следователем (судьей, прокурором и т. д.) создается *образ* (модель) соответствующего факта объективной действительности.

Полученную таким образом модель искомого факта реального мира нельзя смешивать с имеющимися о нем сведениями: последние выступают в качестве материальной, доказательственной основы этой модели (образа), и, к тому же, одни и те же представления о факте могут подкрепляться совершенно разными сведениями, а одни и те же конкретные сведения могут использоваться для получения изображений различных по своему существу фактов. Тем более недопустимо отождествление такой модели непосредственно с самими реальными фактами, поскольку человеческое мышление оперирует только сведениями о соответствующих фактах и их изображениями, «чувственное представление *не* есть существующая вне нас действительность», «наши ощущения, наше

¹⁷³ «Теория доказательств в советском уголовном процессе». Часть общая. М., 1966, стр. 242.

сознание есть лишь *образ* внешнего мира», и иное понимание данного гносеологического вопроса «как раз *и есть* та основная нелепость, основная путаница и фальшь махизма, из которой вылезла вся остальная галиматъя этой философии»¹⁷⁴.

Образ познаваемого в уголовном или гражданском процессе явления объективной действительности, который создается на базе почерпнутых из определенных источников сведений об этом явлении, не относится и к разряду сугубо логических или психологических категорий, как это иногда истолковывается в юридической литературе¹⁷⁵. Изображение неизбежно предполагает объективную реальность отображаемого явления. Будучи субъективным по форме отражения, образ (модель) познаваемого судьями явления объективен по своему содержанию, материален по происхождению, поскольку «идеальное есть не что иное, как материальное, пересаженное в человеческую голову и преобразованное в ней»¹⁷⁶.

Выявляя посредством таких образов содержание исследуемых фактов объективной действительности, субъекты процессуального доказывания ощущают себя в мире этих фактов, представляют их вместе с их образами, говорят об установлении самих исследуемых фактов. Поэтому в теории и практике судопроизводства изображения (модели) реальных фактов, полученные на основе конкретных и доброкачественных сведений о них, обычно именуется *фактами*, установленными по делу. И употребление слова «факт» в этом значении, давно укоренившееся в литературе¹⁷⁷, само по себе не имеет ничего отрицательного, если при этом не упускается из виду то, что никогда нельзя ставить знак полного равенства (тождества) между установленными по делу

¹⁷⁴ В. И. Ленин. Поли. собр. соч., т. 18, стр. 66, 114.

¹⁷⁵ См. Ф. М. Кудин. Производные доказательства и их источники в советском уголовном процессе. Рукопись кандидатской диссертации. Свердловск, 1966, стр. 55, 57; Ст. Павлов. Наказателен процесс на народа Республика Болгарии. София, 1959, стр. 441.

¹⁷⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2-е, т. 23, стр. 21.

¹⁷⁷ Заметим, что слово «факт» в аналогичном значении применяется также в других отраслях науки, в том числе в марксистско-ленинской философии. (См., например, В. И. Ленин. Поли. собр. соч., т. 14, стр. 123; т. 30, стр. 349—351 и др.).

фактами и соответствующими явлениями реального мира, что «предметы наших представлений отличаются от наших представлений, вещь в себе отличается от вещи для нас, ибо последняя — только часть или одна сторона первой»¹⁷⁸.

Факты в таком понимании, устанавливаемые по уголовному делу, могут иметь различную правовую природу. Некоторые из них сами по себе характеризуются противоправными признаками, имеют непосредственное материально-правовое значение. Сюда относятся такие факты, как само общественно опасное действие или бездействие, совершение его определенным лицом, вина этого лица, способ, мотив и цель содеянного, его последствия, прежняя судимость виновного и другие подобные обстоятельства дела. Большинство из этих фактов составляют структуру усматриваемого по делу состава преступления, фабулу и формулировку предъявляемого по нему обвинения. Остальные, выходя за рамки конструктивных признаков соответствующего состава преступления, сохраняют все же материально-правовое значение при определении вида и режима меры наказания, признании особо опасным рецидивистом, разрешении гражданского иска и других юридических вопросов по делу. Но так или иначе ни один из фактов такого рода не может считаться судебным доказательством, поскольку иначе неизбежно смешение доказательств с формулировкой предъявляемого по делу обвинения и остальными материально-правовыми явлениями в области уголовного судопроизводства. Поэтому в такой ситуации роль доказательств выполняют только те конкретные сведения, на основе которых устанавливаются факты с непосредственным материально-правовым значением. Что же касается самих этих фактов, то их, как материально-правовых категорий, действительно нельзя подвести под те «любые фактические данные», которые признаются доказательствами. И сам законодатель четко вывел их из понятия доказательства, ограничивая это понятие теми фактическими данными, на основе которых устанавливаются «наличие или отсутствие общественно опасного деяния, виновность лица, совершившего это

¹⁷⁸ В. И. Ленин. Поли. собр. соч., т. 18, стр. 119.

деяние, и иные обстоятельства, имеющие значение для правильного разрешения дела» (ст. 69 УПК РСФСР).

Но положение совершенно иное, когда речь идет об остальных фактах, лишенных по делу прямого материально-правового значения. Скажем, по делу установлено, что лицо, подозреваемое в убийстве, в тот вечер, когда было совершено это преступление, ушло из клуба вместе с потерпевшим, находилось в нетрезвом состоянии, вернулось домой очень поздно и в необычном душевном состоянии, его пиджак был разорван. Подобные факты сами по себе не обладают материально-правовыми свойствами, используются для установления других, юридически значимых обстоятельств дела и носят по отношению к ним побочный характер. Поэтому они относятся к разряду доказательственных фактов. Отрицание за ними качества доказательств ничем не объяснимо, ибо эти факты всегда выступают в роли доказательств, подтверждающих наличие или отсутствие какого-либо другого, материально-правового обстоятельства дела.

Причем надо иметь в виду, что такие факты считаются доказательствами и во всех остальных сферах социальной жизни. В. И. Ленин в своей работе, посвященной статистике и социологии, убедительно показывает, что «факты, если взять их в их *целом*, в их *связи*, не только «упрямая», но и безусловно доказательная вещь»¹⁷⁹.

Отсюда вытекает вывод о том, что в этих случаях под доказательствами следует понимать как сведения о фактах, почерпнутые из определенных источников (например, из показания потерпевшего, документа), так и установленный на их основе доказательственный факт. Соответственно здесь под те «любые фактические данные», о которых говорится в ст. 16 Основ уголовного судопроизводства как о доказательствах, следует подвести и конкретные сведения о факте, содержащиеся в допустимом источнике, и сами доказательственные факты, если они признаны достоверно установленными.

Как видим, структура фактических данных, признаваемых судебными доказательствами, не всегда едина, как это полагают некоторые авторы¹⁸⁰. Если при

¹⁷⁹ В. И. Ленин. Поли. собр. соч., т. 30, стр. 350.

¹⁸⁰ См. «Теория доказательств в советском уголовном процессе». Часть общая. М., 1966, стр. 252,

определенных условиях данным понятием охватываются сами конкретные сведения об искомых фактах, то при других — также и искомые факты, установленные по делу. Это немаловажное обстоятельство, связанное с особенностями прямого и косвенного доказывания, должно учитываться как при трактовке понятия судебных доказательств, так и при анализе и оценке судебных доказательств по каждому делу.

Исчерпывается ли сказанным все содержание понятия судебного доказательства? Вопрос этот возникает в связи с тем, что в ходе процессуального доказывания, как отмечалось в первой главе нашей работы, при известных условиях возможно непосредственное восприятие следователем, судьей или прокурором отдельных фактов, имеющих доказательственное значение по делу. К числу таких фактов относятся не только материальные следы преступления (пулевое отверстие на предмете, синяки на теле потерпевшего, окровавленный нож и т. п.), но и некоторые другие явления внешнего мира (определенные негативные обстоятельства, особенности места происшествия и др.). Поэтому с подобными фактами органы следствия и суда могут столкнуться и при следственных осмотрах, и при следственном освидетельствовании, и при следственных экспериментах, и при обысках и выемках.

Ссылаясь на специфику таких фактов с точки зрения теории информации, некоторые советские юристы по существу выводят их за рамки фактических данных, являющихся доказательствами. В. Д. Арсеньев, в частности, считает, что «качества и свойства предмета дают лишь основание построить версию об отношении данного предмета к искомому факту (например, следы подлога на документе, пятно крови на одежде), но не информацию об искомом факте»¹⁸¹. Подобного мнения придерживается и И. М. Лузгин, полагающий, что вещи, следы, их слепки и иные материальные объекты, связанные с преступным деянием, не содержат информации об этом деянии. Это мотивируется им ссылкой на то, что информация не является всеобщим свойством материи и «предполагает

¹⁸¹ См. В. Д. Арсеньев. Вопросы общей теории судебных доказательств. М., 1964, стр. 87.

пользование ее системой в целях управления»¹⁸². По тем же по существу соображениям Р. С. Белкин и А. И. Винберг высказываются даже за разграничение понятий «доказательства» и «доказательственная информация», имея в виду под первым из этих понятий «изменения, связанные с событием», под вторым — меру «связи доказательств с событием, к которому они относятся»¹⁸². Такая позиция, однако, представляется неубедительной. Информация относится к числу тех категорий, о которых В. И. Ленин говорил: «Всесторонняя, универсальная гибкость понятий, гибкость, доходящая до тождества противоположностей,— вот в чем суть. Эта гибкость, ... примененная *объективно*, т. е. отражающая всесторонность материального процесса и единство его, есть диалектика»¹⁸⁴. В научном плане термином «информация» охватываются не только сведения, посредством которых люди при помощи кибернетических устройств или без них передают определенные знания друг другу, но и всякие материальные тела, предметы и т. д., свидетельствующие о тех или иных сторонах внешнего мира¹⁸⁵. Ввиду всеобщности и универсальности связи, действующей в природе и обществе, одни объективные предметы и явления всегда несут определенную информацию о других. Поэтому материальные следы преступления, их слепки и иные значимые по делу объекты, доступные непосредственному восприятию следователя (судьи, прокурора), могут и должны рассматриваться как фактическая информация о соответствующих обстоятельствах предмета доказывания. Если бы благодаря своей информационной природе они не свидетельствовали о каких-либо обстоятельствах, то не представлялось бы возможным ни обратиться на них внимания, ни определить их относимость к делу, ни использовать их в качестве доказательственных данных.

¹⁸² См. И. М. Лузгин. Расследование как процесс познания. Автореферат докторской диссертации. М., 1968, стр. 11, 17.

¹⁸³ См. Р. С. Белкин, А. И. Винберг. Криминалистика и доказывание. М., 1969, стр. 169, 173.

¹⁸⁴ См. В. И. Ленин. Поли. собр. соч., т. 29, стр. 99.

¹⁸⁵ См. В. М. Глушков. О кибернетике как науке.— «Кибернетика, мышление и жизнь». М., 1964, стр. 54; А. Н. Иляди. Практическая природа человеческого познания. М., 1962, стр. 28; С. Ф. Анисимов. Человек и машина. М., 1959, стр. 8 и др.

В то же время при анализе доказательств, как фактических данных, вряд ли следует ставить в один ряд сведения о фактах, содержащиеся в показаниях, документах и некоторых других источниках, и материальные следы содеянного, доступные непосредственному восприятию при расследовании и судебном рассмотрении дела. Представляется не вполне удачной попытка В. Я. Дорохова расценивать их как однотипные, однопорядковые виды информации, подводя материальные следы под понятие «сведения о фактах», отводя всем им одно и то же место в структуре судебных доказательств¹⁸⁶. Хотя материальные следы содеянного, доступные чувственному восприятию, и выполняют роль фактической информации, однако это — информация иного порядка. В отличие от сведений об искомом факте, которые способствуют опосредствованному познанию этого же факта и по объективному содержанию в принципе совпадают с ним, материальные следы преступления и некоторые другие связанные с ним реальные явления, продолжающие иметь место к моменту расследования и судебного рассмотрения дела, несут информацию о других искомых фактах. В ходе доказывания любые сведения о фактах используются для *установления* этих же фактов, в силу определенных причин не доступных чувственному восприятию лиц, ведущих уголовное (гражданское) судопроизводство. Материальные же следы содеянного и другие связанные с ним реальные явления указанного рода *воспринимаются* этими лицами чувственно как *факты* внешнего мира, пригодные для выяснения других искомых фактов по данному делу. В отношении таких фактов опосредствованный путь познания может потребоваться только для определения их относимости к делу.

Стало быть, при процессуальном доказывании роль информации играют: а) сведения о фактах, почерпнутые из соответствующих процессуальных источников; б) побочные факты, установленные на основе этих сведений; в) материальные следы содеянного и некоторые другие связанные с ним реальные явления внешнего мира, продолжающие существовать на всем протяжении судопроизводства как доступные непосредственному чувственному

¹⁸⁶ См. «Теория доказательств в советском уголовном процессе». Часть общая. М., 1966, стр. 242—246.

ному восприятию следователя, судей и остальных субъектов процессуальной деятельности.

Как раз данное обстоятельство дало основание В. З. Лукашевичу признать, что судебные доказательства, как фактические данные, состоят не только из соответствующих конкретных сведений и установленных на их основе фактов, но и охватывают, кроме того, реальные факты, которые непосредственно воспринимаются дознавателем, следователем и судьями¹⁸⁷. Это в общем виде вполне резонно, поскольку побочные факты, установленные на основе имеющихся о них сведений, и доступные непосредственному судебскому восприятию факты по делу несколько отличаются друг от друга по своей природе, хотя в принципе и те и другие подпадают под категорию доказательственных фактов в уголовном или гражданском процессе.

Однако отмеченное выше утверждение В. З. Лукашевича сформулировано неточно и страдает одним серьезным недостатком. Далекое не все факты, которые были доступны непосредственному чувственному восприятию при расследовании или судебном рассмотрении дела, могут расцениваться в качестве составной части, отдельного элемента в структуре судебного доказательства. Эти факты, в свою очередь, делятся на три группы.

Одну из таких групп составляют факты, которые были доступны непосредственному восприятию лишь на первоначальных этапах судопроизводства. Сюда относятся, скажем, объемные следы ног человека в снегу, пулевое отверстие на теле убитого и т. п. Как явления внешнего мира, такие факты после неотложных следственных действий не сохраняются. По делу остаются только отображения таких фактов в виде зафиксированных в протоколе соответствующего следственного действия сведений, изготовленных следователем (органом дознания) слепков, фотоснимков и т. д. На дальнейших этапах судопроизводства подобные факты не могут чувственно восприниматься субъектами процессуального

¹⁸⁷ См. В. З. Лукашевич. О понятии доказательства в советском уголовном процессе.— «Правоведение», 1963, № 1, стр. 114—115, 118.

доказывания как материальные явления реального мира. Они устанавливаются, признаются имевшими место в объективной действительности по их отображениям в деле. Поэтому данного рода материальные следы содеянного непосредственно сами не выполняют роли судебных доказательств и не могут рассматриваться в качестве составной части понятия судебного доказательства. Здесь фактическими данными, признаваемыми доказательствами по делу, становятся только их отображения, т. е. описанные в протоколе следственного действия сведения, изготовленные при помощи гипса слепки и т. д.

Другая группа фактов, доступных непосредственному восприятию по делу, имеет ту характерную особенность, что хотя эти факты и продолжают реально существовать на всем протяжении расследования и судебного рассмотрения дела, но не могут в натуральном (природном) виде приобщаться к делу. Таковыми, например, являются шрамы на лице потерпевшего, состояние и профиль шоссе на дороге, где произошел наезд на человека, техническое состояние машины после наезда, расположение дверей и окон квартиры, откуда совершена кража, и т. п. Подобные факты непосредственно воспринимаются только в момент следственного осмотра или иного конкретного следственного действия, производимого, как правило, в стадии предварительного расследования. В реальном виде они находятся вне уголовного или гражданского дела. В процессуальных документах содержатся лишь их описания, схемы или иные изображения. По этим изображениям они и устанавливаются в последующих стадиях судопроизводства. Значит, материальные явления подобного рода тоже непосредственно сами не составляют отдельного элемента понятия судебного доказательства. В роли фактических данных, извлекаемых из соответствующих процессуальных источников, здесь выступают также конкретные сведения об этих фактах, зафиксированные в протоколе следственного действия и его приложениях.

Наконец, в третью группу входят те материальные предметы, которые могут непосредственно сами фигурировать в деле и восприниматься в естественном виде следователем, судьями и остальными субъектами процессуальной деятельности на любом ее этапе. Сюда относятся главным образом материальные следы содеянного, сохранившиеся на объектах, которые в установленном законом порядке приобщены к делу в качестве вещественных источников доказательств. Если, допустим, по делу имеются окровавленная рубашка потерпевшего с явными пятнами крови, кусочек филенки двери с пробоинами и т. д., то все такие материальные следы чувственно воспринимаются как реальные доказательственные факты. В этих случаях протоколы следственного осмотра, составленные при обнаружении и приобщении к делу соответствующего предмета как вещественного источника доказательств, содержат подробное их описание. Фигурируя в процессе доказывания наряду с самими материальными следами содеянного, эти сведения используются не только для определения относимости имеющихся следов к делу, но и для подтверждения их подлинности. Когда же под воздействием естественных факторов или по другим причинам отдельные признаки таких следов теряют некоторые из своих первоначальных свойств, то сведения, зафиксированные в протоколах следственных действий, могут помочь установить исследуемый факт в том виде, в каком он был вначале. Поэтому здесь роль фактических данных, именуемых доказательствами, играют как сами материальные следы, сохранившиеся на приобщенных к делу вещественных

объектах, так и сведения о них, вошедшие в протокол следственного действия.

Стало быть, из всех тех реальных явлений внешнего мира, которые так или иначе могут быть доступны непосредственному чувственному восприятию при расследовании или судебном рассмотрении дела, судебными доказательствами являются только материальные следы содеянного, сохранившиеся на приобщенных к делу вещественных объектах. Остальные факты подобного рода хотя и могут непосредственно восприниматься следователем или судьями при производстве определенного следственного действия, но остаются вне материалов дела и в качестве доказательств сами не выступают. В этих случаях фактическими данными, признаваемыми доказательствами, становятся лишь сведения о таких фактах, зафиксированные в протоколах следственных действий.

Из всего изложенного выше логически следует вывод о том, что *понятием судебных доказательств охватываются: во-первых, конкретные сведения о любых исследуемых обстоятельствах дела, содержащиеся в соответствующих процессуальных источниках; во-вторых, побочные факты, установленные на основе этих сведений, в-третьих, материальные следы содеянного, сохранившиеся как доступные непосредственному восприятию на тех объектах, которые приобщены к делу в качестве вещественных источников доказательств.* Именно вся эта разнообразная фактическая информация, которой оперируют органы следствия и суда в ходе доказывания, имеется в виду законодателем, когда он признает доказательствами любые фактические данные, на основе которых эти органы устанавливают наличие или отсутствие всех обстоятельств, имеющих значение для правильного разрешения каждого уголовного или гражданского дела.

Такое богатство содержания понятия судебных доказательств представляется вполне естественным. Еще Гегель подчеркивал, что «различные виды бытия требуют свойственных именно им видов опосредствования или содержат их в себе; поэтому и природа доказательства относительно каждого из них различна»¹⁸⁸.

Может возникнуть вопрос: нужна ли столь подробная детализация содержания «любых фактических данных», признаваемых законодателем судебными доказательствами? На этот вопрос следует ответить безусловно утвердительно. В некоторых вещах «имеются детали, — говорил В. И. Ленин, — от установления которых зависит в сущности вся суть дела»¹⁸⁹. Здесь речь идет именно о таких деталях, поскольку при помощи их можно иметь правильное представление о содержании судебных доказательств.

Если структуру понятия доказательства схематически изобразить в виде круга, то она может быть представлена следующим образом:

¹⁸⁸ Гегель. Сочинения, т. V. М., 1937, стр. 573.

¹⁸⁹ В. И. Ленин. Поли. собр. соч., т. 43, стр. 344.

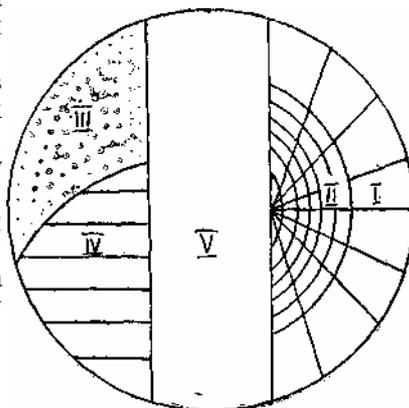
I — сведения о побочных фактах;

II — установленные на основе этих сведений побочные факты;

III — зафиксированные в протоколах следственных действий сведения о фактах, доступных непосредственному восприятию;

IV — материальные следы содеянного, сохранившиеся на приобщенных к делу вещественных объектах;

V — сведения о фактах Материально-правового порядка.

Как явствует из приведенного условного изображения, содержащиеся в процессуальных источниках конкретные сведения, входящие в состав судебных доказательств, могут представлять собой информацию:

а) о материально-правовых обстоятельствах дела; б) о других значимых по делу фактах, устанавливаемых тоже лишь на основе этих сведений; в) о материальных следах содеянного и иных фактах, воспринимаемых соответствующими субъектами доказывания непосредственно при расследовании или судебном рассмотрении дела. Но в конечном счете все эти сведения являются средством установления различных фактов по делу, и потому они могут обозначаться одним общим термином «сведения о фактах».

Сами же факты, подпадающие под понятие судебных доказательств, бывают тоже двоякого рода: а) устанавливаемые судом (следователем, прокурором) на основе сведений, почерпнутых из определенных процессуальных источников; б) непосредственно воспринимаемые при расследовании и судебном рассмотрении дела в виде материальных следов содеянного, сохранившихся на приобщенных к делу вещественных объектах. Поскольку и те и другие факты используются, в свою очередь,

в качестве информации о материально-правовых обстоятельствах дела и носят по отношению к ним побочный характер, они тоже могут быть объединены под общей рубрикой «доказательственные факты».

С учетом этих соображений в научном определении доказательств, как фактических данных, представляется возможным ограничиться общим указанием на сведения о фактах и на доказательственные факты. Иначе говоря, можно сказать, что *судебными доказательствами являются содержащиеся в процессуальных источниках конкретные сведения об исследуемых фактах и подтверждаемые ими или непосредственно воспринимаемые судьями (следователем) доказательственные факты, на основе которых в определенном законом порядке устанавливаются наличие или отсутствие преступного деяния, виновность совершивших его лиц и иные обстоятельства, имеющие правовое значение по делу.*

При этом, разумеется, речь идет о фактических данных, относящихся к делу. Если та или иная информация не относится к данному конкретному делу, то она не может иметь по нему доказательственного значения.

Что же подразумевается под относимостью судебных доказательств? Этот важный вопрос в нашей юридической литературе решается тоже не всегда однозначно.

Существует мнение, что относимость доказательств — это определенное правовое требование, предъявляемое законодателем к используемым в процессе доказывания фактическим данным. «Требование закона о том, — пишет, например, Ц. М. Каз, — чтобы в качестве доказательств использовать только факты, имеющие отношение к делу, называют в теории *относимостью* доказательств»¹⁹⁰. Такое решение вопроса, однако, вряд ли может считаться удачным.

Конечно, при определении относимости доказательств по каждому конкретному делу неизбежно принимается во внимание ряд норм процессуального и материального права, касающихся предмета и пределов доказывания, отдельных источников фактических данных, их оценки, правовых признаков содеянного и т. д. Но эти нормы не создают понятия относимости доказательств и не

¹⁹⁰ Ц. М. К а з. Доказательства в советском уголовном процессе, Изд-во Саратовского университета, Саратов, 1960, стр. 25.

раскрывают его существа. Они скорее указывают на те обстоятельства, применительно к которым должна определяться относимость каждого отдельного доказательства по делу, нежели на анатомию (внутреннее содержание) и назначение непосредственно данного понятия. И это не случайно, ибо относимость — не какой-либо юридический признак, сообщаемый доказательствам законодателем, а одно из органически присущих им свойств.

Некоторые авторы усматривают в относимости доказательств такое их свойство, как способность подтверждать соответствующий искомый факт. Первоначально это мнение наиболее отчетливо высказывалось И. Б. Михайловской, считавшей, что «относимость доказательств означает их способность прямо или косвенно устанавливать факты, имеющие значение для решения уголовного дела»¹⁹¹. Потом оно стало встречаться и в гражданско-процессуальной литературе¹⁹². Но все же такая трактовка относимости судебных доказательств не может считаться удовлетворительной. Ее сторонники невольно переносят центр тяжести вопроса в несколько другую сферу — в область определения доказательственной силы имеющихся по делу фактических данных. Далеко не каждое доказательство, относящееся к делу, способно установить исследуемый факт. Если, скажем, потерпевшая сообщает органам следствия и суда противоречивые сведения о совершенном, по ее словам, насилии, то эти данные не обладают достаточной способностью устанавливать указанный факт, однако тем не менее они несомненно относятся к делу. Поэтому не следует смешивать относимость доказательств с их способностью устанавливать соответствующий искомый факт. При всей своей близости друг к другу эти понятия отнюдь не тождественны.

¹⁹¹ И. Б. Михайловская. Относимость доказательств в советском уголовном процессе.— «Советское государство и право», 1958, № 12, стр. 120.

¹⁹² Н. Д. Лордкипанидзе, например, пишет: «Свойство доказательства, выражающееся в том, что оно способно прямо или косвенно установить определенный доказуемый факт, называется относимостью». (См. «Относимость юридических фактов и доказательств в советском гражданском процессе». Автореферат. Тбилиси, 1964, стр. 12). Некоторые же авторы прямо связывают относимость доказательств с их достоверностью. (См. «Гражданский процесс». М., «Юридическая литература», 1968, стр. 163).

В работах ряда советских процессуалистов уже неоднократно отмечалось, что под относимостью доказательств надо понимать такое их свойство, которое выражается в их *связи* с искомыми фактами по делу¹⁹³. Это положение в принципе представляется правильным, ибо относимость в любой сфере жизни характеризуется прежде всего как взаимосвязь между известными явлениями. Вместе с тем оно нуждается в известной конкретизации.

Прежде всего, надо учесть, что свойство относимости доказательств состоит в их *объективной* связи с исследуемыми обстоятельствами Дела. Вероятная связь между имеющимися фактическими данными и искомыми фактами, предполагаемая на том или ином этапе судопроизводства, сама по себе дает основание лишь говорить о возможной относимости этих данных к делу. Для того, чтобы это возможное превратилось в действительное, требуется точно установить (а не просто субъективно предполагать) объективно существующую связь соответствующих доказательств с исследуемыми обстоятельствами дела.

Далее, относимость доказательств зависит не от любой, а только от *необходимой, существенной* связи между ними и искомыми фактами по делу. Связь случайная, несущественная лишает фактические данные, имеющиеся в распоряжении органов предварительного расследования и суда, доказательственной силы. Причем характер указанной связи должен определяться применительно ко всей совокупности фактов (обстоятельств), подлежащих выяснению по делу. Представляется неточным утверждение А. А. Пионтковского о том, что будто необходимая, существенная связь всегда «означает установление тех существенных моментов, которые относятся к основным признакам данного состава преступления», а все остальное может расцениваться в качестве случайных связей между явлениями, интересующими следователя и судей по делу¹⁹⁴. Хотя автор и говорит

¹⁹³ См. В. Д. А р с е н ь е в. Вопросы общей теории судебных доказательств. М., «Юридическая литература», 1954, стр. 104; «Теория доказательств в советском уголовном процессе». Часть общая. М., «Юридическая литература», 1966, стр. 282; «Советский уголовный процесс». Под ред. Д. С. Карева. М., «Высшая школа», 1968, стр. 104.

¹⁹⁴ См. А. А. П и о н т к о в с к и и. За дальнейшую разработку советской теории доказательств в уголовном процессе.— «Социалистическая законность». 1955, № 7, стр. 38—39.

«о значении в процессе расследования преступлений установления не только необходимых, но и случайных связей между явлениями», тем не менее его попытка при определении существенности связей между доказательствами и искомыми фактами исходить только из признаков, к тому же основных, конкретного состава преступления не становится от этого более убедительной. В процессе доказывания существенна всякая связь между явлениями, которая значима. И наоборот, значима любая связь, которая существенна. Необходимая связь должна усматриваться как между извлеченными из процессуальных источников сведениями и устанавливаемыми на их основе фактами, так и между доказательственными фактами и подтверждаемыми ими материально-правовыми обстоятельствами дела.

Кроме того, относимой должна быть вся та разнообразная фактическая информация, которая в соответствии с законом используется в качестве доказательств по делу. Стремление некоторых процессуалистов наделять свойством относимости либо одни сведения о фактах¹⁹⁵, либо только доказательственные факты¹⁹⁶ не может найти поддержки. Являясь одним из результатов искаженного понимания существа самих судебных доказательств, это стремление ведет к игнорированию некоторых объективных связей фактических данных и материально-правовых обстоятельств, фигурирующих в процессе доказывания по делу. В действительности должны быть относимыми к делу и сведения о фактах, и устанавливаемые на их основе факты, и материальные следы (предметы), выступающие в качестве доказательств в судопроизводстве.

Принимая во внимание все изложенные соображения, представляется возможным сказать, что *под относимостью судебных доказательств подразумевается внутренне присущее им свойство, выражающее их существенную объективную связь с любым искомым фактом по делу.*

¹⁹⁵ См. «Теория доказательств в советском уголовном процессе». Часть общая. М., «Юридическая литература», 1966, стр. 282—283.

¹⁹⁶ См. Н. Н. П о л я н с к и и. Доказательства в иностранном уголовном процессе. М., Юриздат, 1946, стр. 37; М. А. Чельцов. Советский уголовный процесс. М., Госюриздат, 1962, стр. 130 и др.

Относимость к делу сведений о тех фактах, которые имеют прямое материально-правовое значение, всегда очевидна, и поэтому решение вопроса в данной части практически не встречает серьезных затруднений. Остальные же фактические данные, являющиеся доказательствами, по своему содержанию таковы, что наличие и характер их связи с исследуемыми обстоятельствами дела менее определенные. Их связи с делом могут быть довольно сложными, многостепенными. В этих случаях органам следствия и суда приходится выяснять, а порою специально обосновывать связь конкретных сведений, содержащихся в том или ином процессуальном источнике, и устанавливаемого доказательственного факта, связь между отдельными, нередко разрозненными доказательственными фактами, связь последних с материально-правовыми обстоятельствами дела и т. д. К тому же, формы этих связей тоже бывают самые различные, так как относимость таких фактических данных к делу обуславливается не только их причинной связью с одним из материально-правовых обстоятельств дела, но и их связью во времени, связью в пространстве и иными формами всеобщей связи явлений в природе и обществе¹⁹⁷. Поэтому установление относимости к делу доказательственных фактов и сведений о них, равно как и восстановление по ним реальной картины совершенного деяния, подчас представляет значительную трудность.

Относимость фактических данных такого рода вначале определяется чаще всего только предположительно, с учетом допустимости многозначного их истолкования, их возможной объективной связи с одной из следственных версий по делу. Орган предварительного расследования должен признать полученные им сведения о побочных явлениях, материальные следы и другие доказательственные факты относящимися к делу, если вероятна их существенная связь с содеянным, возможна их

¹⁹⁷ Интересные соображения по данному поводу содержатся в работах: И. В. Михайловская. Относимость доказательств в советском уголовном процессе.— «Советское государство и право», 1958, № 12, стр. 121—122; А. А. Э и с м а н. О форме связи косвенных доказательств.— «Вопросы криминалистики», 1964, № 11; «Советский уголовный процесс». Под ред. Д. С. Карева. М., «Высшая школа», 1968, стр. 104.

способность быть определенной информацией о значимых по делу фактах и обстоятельствах. В ходе дальнейшего доказывания наличие или отсутствие такой связи выясняется достоверно. Если обнаруживается, что в объективной действительности ее не было, то соответствующие фактические данные могут оказаться не относящимися к делу. В остальных случаях, когда подтверждается объективно существующая причинно-следственная, пространственно-временная, непосредственная, опосредствованная или любая другая необходимая форма связи между доказательством и материально-правовыми обстоятельствами дела, эти фактические данные признаются относимыми, оцениваются по существу и кладутся в основу соответствующих процессуальных выводов и решений по делу.

§ 3. Источники судебных доказательств. Их допустимость

Для полноты научного анализа существа, соотношения и специфики различных средств процессуального доказывания, а равно для правильной их классификации и оценки очень важно четко определить содержание и назначение источников судебных доказательств. Этот вопрос имеет и несомненное практическое значение. Но тем не менее в юридической литературе он еще не был специальным предметом обстоятельного изучения.

Сторонниками «двойственной» трактовки судебных доказательств вопрос об их допустимости чаще всего вовсе не ставится: они говорят обычно об «источниках сведений о фактах» и, считая их конструктивным элементом понятия доказательства, ограничиваются общим указанием на то, что эти источники должны быть облечены в определенную процессуальную форму¹⁹⁸. Если некоторыми последователями данной концепции вопрос об источниках доказательств и поднимается, то он

¹⁹⁸ См. М. С. Строгович. Курс советского уголовного процесса. Изд-во АН СССР, М., 1958, стр. 159, 161; Я. О. Мотовиловкер. Некоторые вопросы теории советского уголовного процесса в свете нового уголовно-процессуального законодательства. Кемерово, 1962, стр. 97—98 и др.

опять-таки сливается с вопросом о самих судебных доказательствах¹⁹⁹.

Источникам доказательств, как самостоятельной категории доказательственного права, не находят специфического места также те авторы, которые пытаются строить так называемое единое понятие судебных доказательств. В их конструкции источники сведений о фактах расцениваются как «форма содержания», являющаяся тоже неотъемлемой частью понятия доказательства²⁰⁰.

Но обе эти точки зрения в конечном счете ведут к одному и тому же результату, а именно — к игнорированию существенных различий между доказательствами и их источниками, к смешению этих средств процессуального доказывания и к отказу от научной разработки проблемы источников судебных доказательств.

Общее понятие источника доказательств пока что недостаточно исследовалось и теми процессуалистами, которые выступают за последовательное разграничение судебных доказательств и их источников. В их работах по этому поводу можно найти лишь самые общие рассуждения.

Так, некоторые из этих авторов ограничиваются указанием на то, что «от доказательства следует отличать источники, т. е. то, откуда исходят сведения о фактах и посредством чего факты становятся

¹⁸⁹ См. А. И. Трусов. Основы теории судебных доказательств. М., Госюриздат, 1960, стр. 38—39; В. Д. Арсеньев. Вопросы общей теории судебных доказательств. М., «Юридическая литература», 1964, стр. 115, 118.

²⁰⁰ См. Л. Т. Ульянова. Оценка доказательств судом первой инстанции. М., Госюриздат, 1959, стр. 10—11; А. Л. Ривлин, С. А. Альперт, М. И. Бажанов. О доказательствах в советском уголовном судопроизводстве.— «Социалистическая законность», 1963, № 9, стр. 40—42 и др.

Заметим, что отдельные представители указанной концепции высказываются за разграничение понятий «источники фактических данных» и «источники доказательств», подразумевая в первом случае показания свидетелей, документы, заключения экспертов и т. д., а во втором — лиц, сообщающих сведения о фактах, и предметы. (См. «Теория доказательств в советском уголовном процессе». Часть общая М., «Юридическая литература», 1966, стр. 250). Однако это не может считаться правильным хотя бы уже потому, что всякое противопоставление фактических данных и судебных доказательств противоречит закону и не имеет теоретического оправдания.

известными»²⁰¹, что «источники представляют собой то, в чем содержатся доказательства», означают «средства, при помощи которых следователь и суд в установленном законом порядке получают и используют доказательства»²⁰².

Другие трактуют эти источники как определенную процессуальную форму. «Источники доказательств,— пишет, например, М. Л. Якуб,— являются процессуальной формой сведений о фактах, используемых в качестве доказательств»²⁰³.

Наконец, по мнению третьих, «если доказательства — это факты окружающей нас действительности, то источники доказательств — это сведения об этих фактах, их отражение»²⁰⁴.

Эти суждения тоже не дают достаточно полного и обоснованного представления о природе и структуре источников судебных доказательств, а некоторые из них способны даже создать дополнительные осложнения при решении этой проблемы.

В частности, никак нельзя при трактовке источников доказательств исходить из тезиса о том, что эти источники представляют собой сведения о фактах. Иначе не только неизбежно происходит смешение источника с самими доказательствами, но и теряется почва для отграничения друг от друга разных источников доказательств, перечисленных в законе.

Сведения об искомых фактах могут одинаково извлекаться из подавляющего большинства поименованных в законе источников доказательств — из документов, показаний тех или иных лиц, протоколов следственных действий и т. д. Больше того, конкретные сведения об определенном факте, содержащиеся в самых разнообразных источниках (например, в заключении и устном

²⁰¹ И. И. М а л х а з о в. Доказательства в советском уголовном процессе.— «Уголовный процесс РСФСР». Воронеж, 1968, стр. 85.

²⁰² ф. м. К у д й н. Производные доказательства и их источники в советском уголовном процессе. Автореферат. Свердловск, 1967, стр. 7—8.

²⁰³ М. Л. Я к у б. Доказательства в советском уголовном процессе.— «Советский уголовный процесс». М., 1968, стр. 103.

²⁰⁴ В. А. П о х м е л к и н. Всестороннее, полное и объективное исследование обстоятельств дела на предварительном следствии.— «Ученые записки Пермского университета», № 150, Пермь, 1966, стр. 89.

показании эксперта, в документе и объяснениях обвиняемого и др.), по своему содержанию и характеру порою бывают практически одинаковыми. И если бы суть понятия источника доказательств действительно определялась именно такими сведениями о фактах, то различные источники судебных доказательств ничем бы не отличались друг от друга. Тогда исключалась бы возможность деления этих источников на отдельные виды, исчерпывающего перечисления их в законодательстве и изучения специфических признаков каждого из них.

Ясно, что законодатель, отграничивая источники доказательств от самих фактических данных и устанавливая их перечень, имеет в виду отнюдь не сведения об искомых фактах. Названные в действующем советском законодательстве источники судебных доказательств представляют собой не фактическую информацию непосредственно, а только известные средства сохранения и передачи такой информации. Любой из этих источников есть прежде всего определенная процессуальная форма, посредством которой соответствующие фактические данные, признаваемые доказательствами, вступают в орбиту процессуального доказывания. Именно в зависимости от процессуальной формы конкретные сведения о том или ином факте, получаемые по делу от одного и того же человека, могут быть связаны с различными видами источников доказательств. Если, скажем, гражданин, на которого совершено разбойное нападение, сообщает в органы следствия данные об этом преступном деянии сначала в форме письменного заявления, а затем в форме показания во время допроса, то налицо два специфических источника — документ и показание потерпевшего, хотя в них чаще всего содержатся одни и те же сведения. Когда лицо, задержанное в порядке ст. 122 УПК РСФСР, дает по своей инициативе письменное объяснение по поводу основания к задержанию непосредственно в момент применения этой меры процессуального принуждения, потом допрашивается в качестве подозреваемого, а затем — в качестве обвиняемого, то опять-таки органы следствия и суда имеют дело с тремя неодинаковыми источниками доказательств (объяснение, показание подозреваемого, показание обвиняемого), хотя содержащиеся в них

сведения, сообщаемые одним и тем же лицом, могут в одних случаях быть противоречивыми или даже взаимоисключающими, в других — полностью соответствовать друг другу. И подобные источники нельзя было бы дифференцировать, если бы суть понятия источника доказательства не определялась, прежде всего, соответствующей процессуальной формой получения и сохранения доказательств.

Значит, показания, объяснения, заключения экспертов, документы и остальные источники доказательств — это в первую очередь определенные процессуальные формы, посредством которых имеющие по делу значение фактические данные вступают в сферу процессуального доказывания.

Однако содержание рассматриваемого понятия этим не исчерпывается. Одна и та же процессуальная форма может быть свойственна нескольким видам источников судебных доказательств, и она еще недостаточна для четкой характеристики наиболее существенных их признаков. Например, в форме показания органам следствия и суда сообщают известные им сведения об искомых фактах свидетели, подозреваемые, обвиняемые и потерпевшие, в форме дачи личных объяснений — подозреваемые, обвиняемые, гражданские ответчики и т. д. Соответственно тому различают показания свидетеля, показания потерпевшего, показания подозреваемого и остальные источники доказательств. Здесь для определения вида источника доказательств очень важен другой существенный признак данного понятия, а именно тот *субстрат* (лицо, предмет), который является *носителем* фактической информации, используемой в процессуальном доказывании.

Нельзя не учесть и того обстоятельства, что в роли источника судебных доказательств выступают не всякие показания, объяснения и т. д. Возможность применения этих форм получения интересующей органы предварительного расследования и суда фактической информации в ряде случаев законодателем ставится в прямую зависимость от конкретных свойств ее носителя. Убедительным примером в данном отношении служат ст. 72, 74 УПК РСФСР, которые запрещают использование в качестве средства доказывания показаний лиц,

упомянутых в этих нормах, именно в связи с известными свойствами (недостатками) носителя информации.

Включение субстрата в понятие источника судебных доказательств необходимо и для того, чтобы в теории и практике процессуального доказывания не обезличивать фактических данных, фигурирующих в качестве доказательств, а, наоборот, надлежащим образом оттенять конкретного их носителя и при применении, проверке и оценке каждого отдельного источника в максимальной мере учитывать его индивидуальные особенности. Иначе конструкция этого понятия была бы неполной, а его оценка—односторонней.

Вместе с тем представляется неоправданной попытка оторвать носителя фактической информации от той формы, посредством которой эта информация вступает в сферу процессуального доказывания, и признать его единственным атрибутом понятия источника судебных доказательств. Подобная попытка встречается, в частности, в работах, авторы которых сводят данное понятие к лицам и предметам, выступающим носителями сведений о фактах²⁰⁵. При такой позиции не принимается во внимание, что конкретные сведения, сообщаемые органам следствия и суда одним и тем же лицом, в зависимости от использованной процессуальной формы этого сообщения в одних случаях могут иметь своим источником показание, в других — документ, в третьих — объяснение и т. п. Между тем такое явление не могло бы иметь место, если бы понятие источника доказательств действительно состояло только из носителя соответствующей информации, не зависело от формы ее получения. Кроме того, сколько бы носителей информации, значимой для органов следствия и суда, объективно ни существовало, в деле не появляются источники судебных доказательств до тех пор, пока эта информация не облечена в определенную процессуальную форму. Только оба эти компонента — носитель фактической информации и процессуальная форма ее получения по делу — в совокупности образуют понятие источника доказательств.

²⁰⁵ См. В. Д. А р с е н ь е в. Вопросы общей теории судебных доказательств. М., 1964, стр. 115—121; А. К. С е р г у н. Общее учение о доказательствах.— «Советский гражданский процесс». М., 1967, стр. 156 и др.

Отсюда следует вывод о том, что *под источником судебных доказательств* понимаются *процессуальная форма посредством которой фактические данные, признаваемые доказательствами, вовлекаются в сферу процессуального доказывания, и носитель этой фактической информации*. Ни один из этих факторов сам по себе, взятый в отдельности, не в состоянии дать достаточное представление об этом важном понятии. Лишь в своем единстве они составляют существо источника доказательств по советскому процессуальному праву.

Любой источник доказательств, используемый как средство процессуального доказывания, *должен быть допустимым*. Это требование касается обоих элементов понятия источника, т. е. как процессуальной формы получения фактической информации (доказательств), так и ее носителя. Если один из них не удовлетворяет определенным условиям, то источник фактических данных может быть признан *недопустимым*.

В нашей юридической литературе допустимость, подобно относимости фактических данных, рассматривается нередко как одно из внутренних свойств самих судебных доказательств. «Суть правила о допустимости доказательств,— полагает, например, В. Д. Арсеньев,— заключается в том, что в качестве доказательств можно использовать только те данные, которые удовлетворяют предъявляемым законом требованиям»²⁰⁶. «Допустимость,— считает В. Я. Дорохов,— есть пригодность доказательства с точки зрения его формы, т. е. законность источников, методов и приемов, путем которых соответствующие сведения были получены»²⁰⁷. Подобные же суждения в том или ином виде встречаются также в некоторых других работах²⁰⁸.

Такое мнение, однако, представляется ошибочным. Являясь одним из результатов неоправданного смешения

²⁰⁶ В. Д. Арсеньев. Вопросы общей теории судебных доказательств. М., «Юридическая литература», 1964, стр. 111—112.

²⁰⁷ См. «Теория доказательств в советском уголовном процессе». Часть общая. М., «Юридическая литература», 1966, стр. 268.

²⁰⁸ См. М. Л. Ш и ф м а и. Основные вопросы теории советского Доказательственного права. Изд-во МГУ, М., 1956, стр. 6—7; «Советское гражданское процессуальное право». Под ред. К. С. Юдельсона. М., «Юридическая литература», 1965, стр. 149; «Советский уголовный процесс». Под ред. Д. С. Карева. М., «Высшая - школа», 1968, стр. 105 и др.

доказательств и их источников, оно ведет к искажению существа и служебного назначения данного понятия.

Доказательства могут быть относимыми или неотносимыми, доброкачественными или недоброкачественными, и это действительно определяется только их свойствами. Но они не могут считаться недопустимыми, если почерпнуты из предусмотренных в законе источников.

Допустимость является характеристикой не конкретных сведений о фактах, не самих судебных доказательств, а их источников. Она связана прежде всего с теми или иными свойствами носителя фактической информации и форм их получения. Учитывая определенные свойства именно обоих этих элементов возможных источников доказательств, законодатель точно устанавливает, какие из них могут использоваться в процессуальном доказывании и какие не могут.

Причем, если относимость доказательств зависит от их объективной необходимой связи хотя бы с одним из искомых фактов, то определение допустимости источников доказательств предполагает учет ряда факторов: на него влияют не только свойства непосредственно самих возможных источников, но и природа, задачи и принципы существующей в стране процессуальной системы, цели доказывания и ряд других моментов, принимаемых во внимание законодателем. Достаточно сказать, что такие средства, как присяга, гипноз, лай-детектор, тайное осведомление и т. д., в США и некоторых других империалистических государствах широко используются в качестве источника судебных доказательств, а в советском уголовном процессе все они считаются совершенно недопустимыми.

Поэтому *под допустимостью источника доказательств следует понимать "Признанную законодателем пригодность (приемлемость) данного источника служить средством процессуального доказывания.* Вопрос о том, какие носители информации и при помощи каких процессуальных форм могут выступать в роли источника судебных доказательств, полностью решен в действующем законодательстве. В советском уголовном процессе это — показания свидетелей, показания потерпевших, показания подозреваемых, показания обвиняемых, заключения экспертов, вещественные источники, протоколы следственных (судебных) действий и документы (ст. 16

Основ уголовного судопроизводства, ст. 69 УПК РСФСР). Любое изменение данного перечня может производиться только самим законодателем.

Каждый из перечисленных выше источников доказательств имеет свои видовые особенности. Рассмотрим это вкратце.

1. Показания свидетелей. Под этим источником следует—понимать *сообщение лицом, вызванным в качестве свидетеля, относящейся к предмету доказывания фактической информации на допросе или на очной ставке по делу*. Для данного вида источников доказательств характерно, что: во-первых, содержащаяся в них информация о тех или иных фактах (обстоятельствах) сообщается органам предварительного расследования, прокуратуры и суда обязательно на допросе или на очной ставке и фиксируется в соответствующем протоколе; во-вторых, носителем этой информации выступает гражданин, привлеченный к делу в указанном порядке в качестве свидетеля. Эти два признака в первую очередь отличают показания свидетелей от остальных источников доказательств.

Содержащаяся в свидетельских показаниях информация всегда состоит из *сведений* о фактах и обстоятельствах, имеющих значение по делу. Эта информация— результат восприятия, сохранения, в памяти и официального воспроизведения свидетелем определенных фактов или сведений о них. Свидетель не проводит специального исследования известных ему данных. Он сообщает то, что видел, читал, слышал. Если даже в его показаниях есть умозаключения по поводу этих данных или элементы оценки их, то они доказательством не служат, могут учитываться лишь при выработке тех или иных версий по делу.

В свидетельских показаниях могут содержаться как сведения о явлениях объективной действительности, которые воспринимались непосредственно данным лицом, так и сведения о фактах, которые известны ему от других людей или из документов. В последнем случае источники сообщаемых свидетелем сведений должны быть точно выяснены и по возможности проверены. Если свидетель не в состоянии указать конкретный источник своей осведомленности, то его показание теряет значение

процессуального источника доказательств (ст. 74 УПК РСФСР).

Предметом свидетельских показаний могут быть любые факты и обстоятельства, относящиеся к делу, в том числе такие, которые нужны для правильной оценки других средств доказывания или для характеристики личности обвиняемого, потерпевшего и свидетеля, а равно для уяснения взаимоотношений между ними. Не составляют исключения и сведения, содержащие служебную или иную тайну. В последнем случае для охраны тайны принимаются меры, предусмотренные ст. ст. 18, 139 УПК РСФСР.

Статья 72 УПК РСФСР исключает из предмета свидетельских показаний фактические данные, которые стали известны лицу благодаря выполнению им функции защитника по делу. Когда бывший защитник вызывается в качестве свидетеля, предметом его показаний могут быть любые факты и обстоятельства, кроме тех, которые он узнал в связи с участием в деле в качестве защитника обвиняемого. Это исключение диктуется интересами укрепления института защиты в уголовном судопроизводстве.

Все факты и обстоятельства, составляющие предмет свидетельских показаний, должны относиться к преступному деянию, совершенному другим лицом. Нельзя включать сюда противоправные действия (бездействие), учиненные лицом, выступающим в роли свидетеля. По поводу таких действий лицо может допрашиваться в качестве подозреваемого или обвиняемого с соблюдением существующих для того процессуальных правил.

Субъектом свидетельских показаний может быть любое лицо, которому могли стать известными какие-либо обстоятельства, подлежащие установлению по делу (ст. 72 УПК РСФСР). По советскому законодательству ни заинтересованность в исходе дела, ни родственные отношения с обвиняемым, ни особенности возраста, ни уровень образования или интеллектуального развития сами по себе не препятствуют привлечению лица в качестве свидетеля, хотя все это принимается во внимание при оценке его показаний.

В качестве свидетелей не допускаются только лица, которые в силу своих физических или психических недостатков не способны нормально воспринимать значимые

по делу обстоятельства и давать о них правильные показания. Такая неспособность лица в каждом отдельном случае определяется органами следствия и суда с помощью экспертизы.

Имея в виду незаменимость свидетеля, закон допускает привлечение в качестве свидетеля работника органа дознания, следователя, прокурора, судьи переводчика, понятого и других участников процесса, освободив их от этих функций по делу (ст. ст. 59, 63, 67, 72 УПК РСФСР). Лишь применительно к законным представителям потерпевшего, подозреваемого или обвиняемого действует несколько иное положение: они могут одновременно быть и свидетелями по делу.

Не исключена возможность допроса в качестве свидетелей специалистов, принимавших участие в производстве следственных действий; оперативных работников, получивших сведения об обстоятельствах, относящихся к делу, из гласного источника в ходе служебной деятельности; ревизоров, собравших соответствующую информацию при выполнении возложенных на них обязанностей; должностных лиц, выявивших те или иные данные при осуществлении контрольных функций, инспектировании либо при ведомственном расследовании; представителей общественности, которым значимые по делу обстоятельства известны в связи с участием в охране общественного порядка и т. д.

Лицо, обвиняемое или осужденное по делу, может допрашиваться в качестве свидетеля по другому делу по поводу фактов, которые не вменяются ему в вину. Когда такое лицо вызывается для сообщения сведений о действиях, инкриминированных ему по другому делу, его нельзя признать свидетелем: налицо показание обвиняемого со всеми характерными его признаками.

В советском уголовном процессе всякий свидетель имеет определенные права и обязанности. В частности, он обязан своевременно явиться по вызову суда и органа расследования, давать правдивые показания, не разглашать известные ему по делу данные и находиться в зале суда до окончания следствия (ст. ст. 73, 139, 283 УПК РСФСР). При невыполнении этих обязанностей свидетель может быть подвергнут приводу или привлечен за отказ или дачу заведомо ложных показаний к уголовной ответственности по ст. ст. 181, -1S2 УК РСФСР.

Свидетель вправе давать показания на родном языке, написать свои показания собственноручно, требовать внесения в протокол изменений и дополнений, ходатайствовать о применении звукозаписи при допросе и ознакомиться с фонограммой, пользоваться письменными цифровыми заметками при изложении сложных расчетов, обжаловать действия допрашивающего, требовать возмещения материальных затрат, связанных с участием в деле (ст. ст. 17, 106, 141, 160, 218, 284 УПК РСФСР).

Советский закон категорически запрещает принуждать свидетеля путем угроз, насилия или обмана к даче показаний или к их изменению. Такие действия влекут уголовную ответственность лица, ведущего допрос.

Получение профессиональных показаний предполагает умелое сочетание профессионального мастерства следователя (судьи) с сознательностью советских граждан, с их пониманием юридической обязанности и общественного долга сообщить все то, что может содействовать достижению объективной истины по делу.

Свидетельские показания, будучи наиболее распространенным источником доказательств в уголовном судопроизводстве, имеют важнейшее значение. Попытки буржуазных юристов умалить роль этого источника, ставить под сомнение достоверность информации, получаемой из свидетельских показаний, лишены научного основания. Теория и практика советского уголовного и гражданского судопроизводства исходят из того, что показания свидетелей вполне способны дать объективную истину по делу, что в этом отношении они принципиально не отличаются от остальных источников судебных доказательств.

2. Показания потерпевших. Под этим источником доказательства подразумевается *сообщение лицом, которое официально признано потерпевшим по делу, относящейся к предмету доказывания фактической информации на допросе (очной ставке) органам предварительного расследования, прокуратуры и суда.*

Данный источник имеет много общего с показаниями свидетелей.

Содержащиеся в нем доказательства тоже состоят исключительно из сведений, являющихся результатом восприятия определенных фактов, сохранения информации о них в памяти и воспроизведения этой информации

физическим лицом; эти сведения могут касаться любого факта и обстоятельства, имеющего значение по делу; они сообщаются органам следствия (дознания) и суду при допросе или очной ставке и фиксируются в протоколе; при оценке таких сведений учитываются те же факторы, которые характеризуют психологию свидетелей.

Вместе с тем показаниям потерпевшего свойственны существенные *особенности*, позволяющие рассматривать их в качестве самостоятельного источника (вида) доказательств. В частности, эти показания исходят от лица, которому преступлением причинен моральный, физический или материальный вред. Во многих случаях потерпевший является очевидцем содеянного и воспринимает происшедшее в состоянии испуга, сильного эмоционального возбуждения и острых переживаний, оказывающих непосредственное влияние на формирование его показаний. Субъект этих показаний имеет свой интерес в деле, для него дача показаний не только обязанность, но и право (ст. 53 УПК РСФСР). Показания потерпевшего являются не только источником доказательств, но и *средством защиты* личных интересов. В этих показаниях могут содержаться наряду со сведениями о фактах объяснения и доводы потерпевшего, его предположения и ходатайства. Хотя такие объяснения и гипотезы не имеют значения доказательств, тем не менее органы расследования и суд обязаны тщательно их проверить.

Потерпевший — участник судопроизводства; на определенном этапе движения дела он знакомится с материалами следствия (ст. 200 УПК РСФСР) и активно участвует в исследовании всех доказательств в суде. Эти обстоятельства также могут сказаться на содержании его показаний, поскольку появляется возможность восполнения сохранившейся информации теми данными, которые почерпнуты из материалов дела.

Порой на потерпевшего оказывают давление обвиняемый или его близкие, что может стать одной из причин искажения им фактических обстоятельств содеянного, стремления изменить показания в целях освобождения обвиняемого от ответственности или облегчения его участи. Иногда потерпевший заинтересован в том, чтобы преступление осталось нераскрытым, ибо может

оказаться, что ему выгоднее сохранить в тайне определенные обстоятельства совершенного деяния. В подобных ситуациях потерпевший может отрицать наличие фактов, которые ему хорошо известны. И, напротив, в ряде случаев потерпевший стремится добиться быстрейшего наказания обвиняемого, ускорения возмещения материального вреда, причиненного ему преступлением. Это стремление, усугубляемое чувством обиды и озлобления, порою придает его показаниям заметный обвинительный оттенок, приводит к неоправданному усилению отдельных черт содеянного или к искажению фактов, имевших место в действительности.

Подобные особенности показаний потерпевшего не могут игнорироваться.

В равной мере недопустимы как слепая вера показаниям потерпевшего, так и предвзятое недоверие к ним. Показания потерпевшего имеют большое значение по делу; они, как и всякий иной источник доказательств, должны быть тщательно проверены. Эти показания оцениваются с учетом всех свойств этого источника в совокупности со всеми остальными доказательствами и их источниками по делу.

3. Показания обвиняемого. Эти показания представляют собой *сообщение лицом, привлеченным к уголовной ответственности в качестве обвиняемого, относящейся к предмету доказывания фактической информации и связанных с ней объяснений при допросе или очной ставке по делу.*

Данный источник доказательств имеет ряд существенных особенностей.

Специфично прежде всего то, что здесь в роли носителя доказательственной информации выступает только обвиняемый, т. е. лицо, в отношении которого официально, в установленном законом порядке сформулировано обвинение по делу. Этому лицу полностью известны фактические и юридические признаки противоправных и общественно опасных действий (бездействия), составляющих содержание обвинения, которое изложено в постановлении о привлечении к уголовной ответственности в качестве обвиняемого. Требуемая от него фактическая информация, равно как и связанные с ней объяснения, относятся к инкриминируемым ему действиям, к тем или иным обстоятельствам их совершения.

Поэтому сообщение обвиняемым доказательственной информации, составляющей содержание данного источника доказательств, по закону считается только его *правом*, но отнюдь не обязанностью.

В определении предмета показаний весьма значительна роль самого обвиняемого. Он вправе «дать показания по предъявленному ему обвинению, а равно по поводу иных известных ему обстоятельств по делу и имеющих в деле доказательств» (ст. 77 УПК РСФСР). Поэтому содержанием его показаний может быть фактическая информация, выражающая отношение обвиняемого к обвинению, подтверждающая, ставящая под сомнение или опровергающая любое обстоятельство предмета доказывания и собранные по нему доказательства, а равно сведения, характеризующие его личность.

Поскольку носитель такой информации, как активный участник процесса, наделен конституционным правом на защиту, сообщаемые им данные служат не только доказательством, но и важным *средством защиты* от предъявленного обвинения. Поэтому обвиняемый может давать любые *объяснения* по фактам и обстоятельствам, исследуемым по делу (ст. 46 УПК РСФСР). Объяснения, даваемые в ходе допроса, являются органической частью *показаний* обвиняемого и подлежат такой же проверке и оценке, как и сведения о фактах, сообщаемые в показаниях.

Обвиняемый—заинтересованное в исходе дела лицо, ему угрожает уголовная ответственность; его чистосердечное раскаяние и активное содействие раскрытию преступления считаются смягчающими вину обстоятельствами. Эти факторы также сказываются на его показаниях.

Но при всех условиях источником доказательств одинаково служат любые показания обвиняемого, причем как признающего себя виновным, так и полностью или частично отрицающего вину либо уличающего в данном преступлении других лиц.

В показаниях обвиняемого, признающего себя виновным, обычно содержатся конкретные сведения о содеянном и о его существенных обстоятельствах. Именно эти фактические данные, а не просто психическое отношение обвиняемого к предъявленному обвинению служат Доказательством по делу. Такие данные, как и всякое

другое доказательство, должны тщательно проверяться и оцениваться. Закон указывает, что «признание обвиняемым своей вины может быть положено в основу обвинения лишь при подтверждении признания совокупностью имеющихся доказательств по делу» (ст. 77 УПК РФ).

Следственной и судебной практике известны случаи ложного признания обвиняемого, т. е. признания в совершении преступного деяния, которого в действительности он не совершал. Однако самооговоры, обусловливаемые желанием выручить близкого человека, попыткой скрыть более тяжкое преступление, неверным восприятием существа происшедшего или иными причинами, не дают основания ставить под сомнение доказательственное значение признания обвиняемого. Последнее — всегда доказательство, но доказательство рядовое, подлежащее проверке и оценке по общим правилам в совокупности со всеми остальными материалами, собранными по делу.

В показаниях обвиняемого, отрицающего вину, тоже может содержаться различный объем фактической информации. В одних случаях обвиняемый излагает конкретные сведения, которые ставят под сомнение наличие исследуемого деяния вообще; в других — он оспаривает свое участие в содеянном; в третьих — ссылается на *алиби*, т. е. утверждает, что в то время, когда было совершено вменяемое ему в вину преступление, он находился в другом месте в четвертых — подробно рассказывает об обстоятельствах совершения им деяния, однако отрицает его преступный характер; в пятых — приводит данные, исключающие уголовную вину в совершении противоправного деяния, и т. д. Доказательственное значение имеют любые из таких сведений.

Разновидностью показаний обвиняемого является так называемый *оговор*, под которым следует понимать ложное сообщение обвиняемого о совершении деяния, вменяемого ему в вину, другим лицом. Оговор может быть вызван как стремлением обвиняемого переложить ответственность за содеянное на другое лицо, так и заблуждением. Но так или иначе он не может быть оставлен без проверки и соответствующей оценки. По некоторым делам обвиняемые отказываются от своих прежних показаний или существенно их изменяют.

Порой обвиняемый, который детально излагал, как было совершено преступление, в дальнейшем категорически отрицает те же факты. Или, наоборот, обвиняемый упорно отвергавший предъявленное обвинение, начинает полностью или частично признавать себя виновным, сообщая данные о соответствующих обстоятельствах. Такие противоречия сами по себе не являются свидетельством недоброкачества показания обвиняемого.

В то же время нельзя заранее отдавать предпочтение ни последним показаниям обвиняемого, ни тем, в которых он признает себя виновным. *Все показания обвиняемого должны одинаково тщательно исследоваться.* Существующие в них противоречия могут устраняться путем выяснения их причин, проверки дополнительных материалов и всесторонней оценки всей совокупности доказательств и их источников, имеющихся в деле.

Признавая одни показания обвиняемого правдивыми, другие — ложными, а равно подтверждая достоверность части сообщаемых им сведений и отвергая другие, органы следствия и суд обязаны указать мотивы и основания этого.

Наличие существенных противоречий или даже явно преднамеренного искажения не может истолковываться как доказательство его виновности. Обвиняемый не несет никакой юридической ответственности за ложные показания так же, как и за отказ от дачи показания. Он может сообщать неверные сведения по самым различным причинам (ошибка, испуг, стремление не нанести вред другому лицу и т. п.), может отказаться давать показания и объяснения вообще или по поводу каких-либо обстоятельств, но нет никаких оснований считать это прямым или косвенным доказательством его вины.

В советском уголовном процессе должны быть добыты такие объективные и достоверные доказательства, которые дают возможность отличать ложь от правды, и найти истину независимо от той позиции, которую занимает обвиняемый на различных этапах движения дела.

4. Показания подозреваемого. Под этими показаниями понимается *сообщение на допросе или на очной ставке относящейся к предмету доказывания информации лицами, которые ввиду их задержания или. применения к ним одной из мер пресечения официально*

признаны подозреваемыми по делу. Данный источник при всей своей близости к показаниям обвиняемого имеет ряд серьезных особенностей. В качестве его субъекта выступает лицо, которое хотя и вовлечено в дело по подозрению в совершении преступления, однако еще в этом не обвиняется в установленном законом порядке. Это лицо — участник процесса, наделенный определенными правами. Требуемая от него фактическая информация должна касаться главным образом его собственных действий. Поэтому дача показаний считается для него *правом*, а не обязанностью. На него не возлагается и юридическая ответственность за отказ от показаний и за их ложность.

Подозреваемый не знает, будет ли он изобличен в совершении преступления. Ему не известны и имеющиеся в распоряжении органов предварительного расследования материалы, поскольку он не может ознакомиться с ними. Все это не только оказывает специфическое психологическое воздействие на подозреваемого, но и лишает его возможности сопоставить свои показания с той информацией, которая имеется у лица, ведущего расследование.

Предметом показаний подозреваемого являются обстоятельства, послужившие основанием для его задержания или применения к нему меры пресечения, а равно любые иные известные ему обстоятельства по делу (ст. 76 УПК РСФСР). Подозреваемый вправе давать не только показания, но и объяснения (ст. 52 УПК РСФСР). Этим подчеркиваются два взаимосвязанных положения: во-первых, показания подозреваемого служат не только источником доказательств, но и *средством защиты*; во-вторых, содержащиеся в них объяснения подлежат тщательной проверке и оценке.

Показания подозреваемого — источник доказательств, который существует только на ранних этапах предварительного расследования. В последующем носитель этой информации становится либо обвиняемым, либо свидетелем, либо вовсе выбывает из процесса. Показания это лицо дает уже в новом качестве — как обвиняемый или свидетель. Таким образом, с одной стороны, исключается возможность непосредственного восприятия устных показаний подозреваемого (в деле остается лишь протокол), с другой — появляется такой своеобразный путь

проверки этих показаний, как сопоставление их с показаниями того же лица, данными уже в качестве обвиняемого или свидетеля.

Во всяком показании подозреваемого может содержаться фактическая информация, как подтверждающая обстоятельства предмета его допроса, так и отвергающая их полностью или частично. Эта информация, дополняемая объяснениями подозреваемого, имеет значение для выяснения основательности павшего на него подозрения и применения к нему процессуального принуждения. Каковы бы ни были объем и характер такой фактической информации, она всегда является доказательством и оценивается на общих основаниях в совокупности со всеми остальными доказательствами по делу.

5. Заключение эксперта — это письменное сообщение специалистом, который в соответствии с законом назначен экспертом, информации о фактах и выводах, полученных им при разрешении специальных вопросов по поручению органов предварительного расследования, прокуратуры и суда.

Субъектом сообщения здесь выступает непременно специалист, обладающий достаточными познаниями в соответствующей области науки, техники, искусства или ремесла. В качестве эксперта он назначается органами дознания, следствия, прокуратуры и суда. При этом место его постоянных занятий не играет решающей роли. Хотя в СССР существует определенная сеть различных экспертных учреждений, закон разрешает быть судебным экспертом и специалистам, работающим в других учреждениях (ст. 78 УПК РСФСР).

Это лицо должно быть не заинтересовано в исходе дела. При наличии сомнений в данном отношении оно подлежит отводу (ст. 67 УПК РСФСР).

Эксперт выполняет государственную обязанность. Неявка его по вызову, отказ от производства экспертизы без уважительных причин или дача им заведомо ложного заключения влекут уголовную ответственность.

Деятельность эксперта, направленная на разрешение специальных вопросов, считается *экспертизой*. Иначе говоря, экспертиза — это самое исследование, проводимое экспертом по поручению соответствующих органов, и оформление его результатов в виде заключения.

В своем заключении эксперт сообщает фактическую информацию, которая является итогом проведенного им исследования вещественных источников доказательств, образцов для сравнения и других материалов. Вне производства по делу он не обладает сведениями об искомых фактах. В противном случае его привлекли бы в качестве свидетеля, а не эксперта.

Доказательственным содержанием экспертного заключения служат: а) сведения об исследованных км материальных явлениях, их существенных признаках, свойствах и связях; б) выводы эксперта, содержащие ответ на каждый из разрешенных им вопросов. Именно эта информация, подпадая под понятие «сведения о фактах», образует судебные доказательства, извлекаемые из заключения эксперта.

Что же касается других сведений, содержащихся в экспертном заключении (описание методики исследования, ссылка на исходное научное положение и др.), то они не являются результатом исследования по данному конкретному делу и не могут признаваться доказательствами, источником которых было бы полученное по этому делу отдельное экспертное заключение.

Предметом экспертного заключения могут быть любые факты и обстоятельства, выяснение которых требует специальных познаний. Последние могут относиться к любой отрасли науки, техники, искусства или ремесла. Исключением служит правовая наука. Все вопросы, относящиеся к этой сфере знаний, должны разрешаться органами расследования, прокуратуры и судом.

Ряд обстоятельств, подлежащих экспертному исследованию, прямо перечислен в законе. Статья 79 УПК РСФСР требует обязательного проведения экспертизы для определения: причин смерти и характера телесных повреждений; психического состояния обвиняемого или подозреваемого в случаях, когда возникает сомнение по поводу их вменяемости или способности к моменту производства по делу отдавать себе отчет в своих действиях или руководить ими; психического или физического состояния свидетеля или потерпевшего, если есть сомнение в его способности правильно воспринимать те или иные обстоятельства и давать о них правильные показания; возраста обвиняемого, подозреваемого и потерпевшего

певшего в случаях, когда это имеет значение для дела, а документы о возрасте отсутствуют.

Законодательство других союзных республик дополняет этот перечень такими обстоятельствами, как установление половой зрелости потерпевших (ст. 76 УПК УССР), выявление подделки денежных знаков и ценных бумаг (ст. 86 УПК Лит. ССР) и проверка оспариваемых обвиняемым документов ревизии, произведенной без его участия (ст. 73 УПК Азерб. ССР). Для установления всех таких обстоятельств заключение экспертов обязательно, причем независимо от того, есть ли возможность выяснить их при помощи других источников доказательств.

Во всех остальных случаях вопрос, необходимы ли для установления факта (обстоятельства) специальные познания, решается лицом, ведущим дознание, следователем, прокурором, судом. Когда есть объективная надобность в таких познаниях, они должны назначить экспертизу. Экспертиза назначается и в том случае, если судья, прокурор, следователь (лицо, ведущее дознание) обладают необходимыми познаниями, так как недопустимо совмещение в одном лице функций эксперта и лица, ведущего расследование, либо судьи.

Некоторые обстоятельства могут быть установлены непосредственно экспертом. Это допустимо, если в ходе экспертного исследования материалов, направленных органом расследования или судом, обнаруживаются дополнительные обстоятельства, которые, по мнению специалиста, имеют значение по делу. Однако при любых условиях вопросы, разрешаемые экспертом, не могут выходить за пределы его специальных познаний (ст. 78 УПК РСФСР).

Структурно заключение эксперта состоит из трех частей: вводной, описательной и заключительной.

В первой — указывается, когда, кем, где, по чьему поручению проведена экспертиза, кто присутствовал при ее производстве, какие вопросы были поставлены перед экспертом и какие материалы использовались в процессе исследования.

Во второй части заключения подробно излагаются ход и методика исследования, обнаруженные экспертом специфические признаки соответствующих обстоятельств

и, в случае необходимости, те научные положения, на которые опирается эксперт.

В третьей части формулируются выводы эксперта по каждому из вопросов, которые им разрешались.

Если -экспертизу проводят несколько специалистов, они вправе совещаться между собой (до дачи заключения). Если эксперты одной специальности придут к общему заключению, последнее подписывается всеми экспертами. В случае разногласия между ними каждый эксперт дает отдельное заключение (ст. 80 УПК РСФСР). Тот же порядок может применяться и при комплексных экспертизах, когда обстоятельство, связанное с несколькими сферами человеческих знаний, одновременно исследуется и устанавливается лицами разных специальностей. Пленум Верховного Суда СССР подчеркнул, что при проведении комплексной экспертизы в заключении «должно быть указано, какие исследования провел каждый эксперт, какие факты он лично установил и к каким пришел выводам. Каждый эксперт вправе подписать общее заключение либо ту часть его, которая отражает ход и результаты проведенных им лично исследований. Если основанием окончательного вывода являются факты, установленные другим экспертом, то об этом также должно быть указано в заключении»²⁰⁹.

В любом заключении эксперта доказательственное значение имеют в первую очередь те выводы, которые сформулированы экспертом. Будучи логическим результатом выявленных в ходе специального исследования обстоятельств, эти выводы должны быть в достаточной мере определенными.

Только категорические выводы эксперта служат доказательством.

Если исследованные специалистом материалы, выявленные им данные и касающиеся их научные положения недостаточны для категорического вывода, эксперту следует воздержаться от высказывания своих предположений, указав объективную невозможность положительного или отрицательного ответа на вопрос, который перед ним был поставлен. В таком заключении эксперта, как и в любом другом, доказательственной

²⁰⁹ «Бюллетень Верховного Суда СССР», 1971, № 2, стр. 9.

информацией могут служить конкретные данные, которые были выявлены экспертом в процессе исследования и изложены им в описательной части заключения.

Как выводы экспертов, так и констатируемые в описательной части заключения данные не обязательны для органов предварительного расследования, прокуратуры и суда. Советская теория и практика уголовного судопроизводства единодушно исходят из того, что любая фактическая информация, сообщаемая экспертами, проверяется и оценивается наряду со всеми другими доказательствами и их источниками по делу.

Требование закона о том, чтобы несогласие указанных органов с заключением экспертов было мотивировано (ст. 80 УПК РСФСР), объясняется отнюдь не тем, что этому источнику отводится какая-то особая роль. Оно вызвано лишь стремлением оттенить необходимость аргументированного и строгого отношения к данному источнику, поскольку в нем содержится информация, связанная со специальными познаниями. В принципе подлежит мотивировке несогласие следователя, прокурора и судей с любыми фактическими данными, содержащимися в любом источнике доказательств.

6. Вещественные источники доказательств. Под этими источниками мы понимаем *реальные объекты внешнего мира, которые имеют относящуюся к предмету доказывания фактическую информацию и в установленном законом порядке приобщены к делу.*

Вещественный источник доказательств характеризуется в основном тремя отличительными признаками.

Во-первых, в качестве носителя фактической информации, относящейся к делу, выступает обязательно материальный объект. В соответствии со ст. 83 УПК РСФСР им могут быть: предметы, служившие орудием совершения преступления (холодное оружие, транспортное средство и др.); предметы, сохранившие на себе следы содеянного (в частности, стакан с отпечатками пальцев подозреваемого, окровавленный пиджак и т. п.); предметы, бывшие объектом преступного посягательства (скажем, похищенные вещи); деньги и ценности, нажитые преступным путем; иные предметы, способные служить средством к обнаружению преступления

или к установлению любого другого обстоятельства предмета доказывания по делу.

Во-вторых, фактической информацией, содержащейся в этом источнике, служат либо реальные свойства непосредственно самого объекта (признаки ножа, характеризующие его как холодное оружие), либо определенная, имеющая отношение к делу принадлежность такого объекта (обнаружение его на месте происшествия), либо оставшиеся на нем материальные следы, образовавшиеся в связи с совершением преступления (подчистки в трудовой книжке, подделка печати на документе). Все это — реальные факты, доступные непосредственному чувственному восприятию субъектов доказывания в уголовном процессе.

В-третьих, перечисленные выше объекты приобретают силу источника доказательств только при условии, если они изъяты или представлены, подробно осмотрены и приобщены к делу в порядке, предусмотренном в ст. ст. 70, 84 УПК РСФСР²¹⁰.

Вещественные источники доказательств должны храниться при уголовном деле. Если же в виду их громоздкости или по иным причинам это не представляется возможным, они должны быть по возможности сфотографированы, опечатаны и храниться в том месте, которое определено органом расследования, прокурором или судом (ст. 84 УПК РСФСР).

Все это диктуется *незаменимостью* любого вещественного источника доказательств. Такой источник по своей природе материален, он содержит свойственную только ему информацию и ничем заменен быть не может. Можно создать копию этого источника или слепок сохранившегося на нем следа, но не его оригинал. Невозможен здесь и дубликат.

Сказанным отнюдь не умаляется роль оттисков, фотоснимков или других изображений вещественных источников доказательств, изготовленных при помощи различных следокопирующих средств. В советском

²¹⁰ Это обстоятельство неоднократно подчеркивалось Верховным Судом СССР («Бюллетень Верховного Суда СССР», 1959, № 5, стр. 14; «Сборник постановлений Пленума и определений коллегий Верховного Суда СССР по вопросам уголовного процесса». М., 1964, стр. 138 и др.).

уголовном процессе они допускаются законом (ст. 179 УПК РСФСР), по мере внедрения в следствие научно-технических средств используются все шире и не могут не иметь доказательственного значения, если получены с соблюдением существующих процессуальных и научно-тактических требований.

Однако это не вещественные источники доказательств. Такие снимки, оттиски, изображения являются органической частью той фактической информации, которая обнаруживается и фиксируется органами дознания, следствия и судом при производстве определенного следственного действия. Они становятся неотъемлемой частью составляемого при этом протокола, придавая ему наглядность и в какой-то мере дополняя изложенные в нем сведения о тех материальных объектах, копией (изображением) которых являются.

Что же касается материалов звукозаписи, то их процессуальная природа не всегда одинакова, она производна от определенных условий. Представляется неверным общее утверждение о том, будто в случаях, когда «зафиксированные на магнитной ленте следы звуковой информации и иные признаки, присущие исследуемому объекту, доступны непосредственному восприятию в результате прослушивания, а иногда и зрительного наблюдения следов подделки на магнитной ленте», фонограммы выступают в качестве вещественных источников доказательств²¹¹. Это — неоправданно широкая трактовка, способная привести к недопустимому смещению различных источников судебных доказательств.

В зависимости от того, кем, в каких целях и что зафиксировано на магнитной ленте, какие следы на ней сохранились и для установления каких именно фактов (обстоятельств) в уголовном процессе используется эта фонограмма, последняя должна быть признана или частью (приложением) чьих-либо показаний, или документальным источником, или вещественным источником доказательств.

Если звукозаписывающие устройства применяются органами предварительного расследования, прокуратуры

²¹¹ А. А. Лепи. Звукозапись в уголовном процессе, М., 1974, стр. 11.

и суда во время того или иного допроса или очной ставки, полученная магнитная лента становится частью (приложением) протокола данного следственного действия. Здесь источником доказательств служит показание допрошенного лица, доказательством — фактическая информация, которая содержится в полученном показании. При этом условия протокол следственного действия и дополняющая его фонограмма *одинаково* являются средством процессуального закрепления показания, хотя сама фиксация происходит разными способами — в необходимых, существенных пределах при помощи письменных знаков в протоколе, дословно в виде магнитных следов звуковой информации в фонограмме.

Когда в сферу процессуального доказывания вовлекаются фонограммы всевозможных совещаний, докладов, выступлений, историй болезни, переговоров, консультаций, разговоров и т. д., следует признать их документальными источниками доказательств, если они используются по делу для подтверждения тех же фактов и обстоятельств, для отражения которых эти фонограммы и велись. Соответственно органы предварительного расследования, прокуратуры и суда при получении и исследовании таких фонограмм должны руководствоваться правилами, которые закон устанавливает для приобщения к делу документальных источников доказательств (в частности, ст. ст. 70, 88, 176, 264, 292 УПК РСФСР).

Если же в ходе процессуального доказывания фонограммы используются не по своему прямому назначению, т. е. применяются для выяснения любых других фактов и обстоятельств (кроме тех, ради отражения которых они составлялись), им бывают присущи совершенно иные свойства, характерные для вещественных источников доказательств. Здесь было бы правильнее признать их вещественными источниками доказательств по делу. Такая картина наблюдается, например, при использовании фонограммы для подтверждения определенного совещания, беседы, консультации или встречи, участия в них того или иного лица, подложности имеющихся о таких мероприятиях письменных документов, принадлежности фонограммы подозреваемому, наличия в ней подчисток и т. д. В подобных

случаях в отношении фонограмм обязательно соблюдение всех правил, предусмотренных законодателем применительно к вещественным источникам доказательств (ст. ст. 84—86 УПК РСФСР).

Любые вещественные источники доказательств нередко подвергаются криминалистическим исследованиям, особенно в экспертных учреждениях. При этом должен проявляться максимум осторожности для сохранения тех индивидуальных свойств, которые им присущи.

Когда вещественный источник использован для дачи экспертного заключения, его самостоятельное доказательственное значение не теряется: этот источник может исследоваться как для проверки заключения эксперта, так и для выяснения других обстоятельств, имеющих значение по делу.

Советский уголовно-процессуальный закон предусматривает конкретные правила и сроки хранения вещественных источников судебных доказательств, а также те необходимые меры, которые принимаются при постановлении приговора или прекращении уголовного дела (ст. ст. 84—86 УПК РСФСР).

По своей природе вещественные источники доказательств не обладают каким-либо заранее заданным преимуществом перед остальными источниками доказательств. Их допустимость, доброкачественность, полнота, способность подтверждать искомые факты и остальные свойства, имеющие значение по делу, проверяются и оцениваются по общим правилам в совокупности с другими материалами, собранными по делу.

7. Советскому уголовному процессу известны еще два вида источников судебных доказательств — протокол следственных (судебных) действий и документов.

Под первым из этих источников подразумеваются *надлежащим образом оформленные письменные процессуальные акты и их приложения, которые содержат информацию об определенных следственных действиях и о фактах и обстоятельствах, чувственно воспринятых следователем, работником дознания или судьями при производстве этих действий.* Для данного источника специфично то, что, во-первых, в роли носителя информации по делу выступает процессуальный акт (протокол),

составленный в установленном порядке самими органами расследования или судом; во-вторых, эта информация состоит из конкретных сведений, зафиксированных с соблюдением необходимых процессуальных гарантий; в-третьих, по своему содержанию сведения эти отражают реальные факты и обстоятельства, которые наблюдались непосредственно и воспринимались чувственно участниками соответствующих следственных действий.

Учитывая отмеченные моменты, закон признает самостоятельным источником доказательств протоколы лишь тех следственных (судебных) действий, в ходе которых выявляются факты и обстоятельства, доступные наблюдению, чувственному восприятию участников этих действий. Сюда отнесены протоколы следственного осмотра, освидетельствования, выемки, обыска, задержания, предъявления для опознания и следственного эксперимента (ст. 87 УПК РСФСР). Именно в процессе этих следственных действий обнаруживаются положительные или негативные факты (обстоятельства), которые непосредственно наблюдаются участниками следственного действия и отражаются, а потом сохраняются только в протоколе.

При остальных следственных действиях (допросы, очные ставки, производство экспертизы) следователь, работник органа дознания или судьи непосредственно воспринимают только сведения о фактах и обстоятельствах, которые наблюдались другими лицами. Последние вовлекаются в сферу процессуального доказывания, продолжают оставаться носителями соответствующей фактической информации, относящейся к делу, и сообщают ее органам расследования и суда в своих показаниях (эксперт — в заключении), являющихся источником доказательств. Протоколы таких процессуальных действий являются лишь средством и формой фиксации полученных показаний.

Протоколы следственных действий, перечисленных в ст. 87 УПК, служат источником доказательств постольку, поскольку содержат конкретные сведения о фактах и обстоятельствах расследуемого дела. Если в них есть догадки, предположения или слухи, то они не могут считаться доказательством.

Указанные протоколы используются для установления тех фактов и обстоятельств, которые наблюдались следователем (работником органа дознания) или судьями при производстве процессуального действия. Содержащаяся в них фактическая информация служит обычным доказательством, никаких преимуществ перед другими фактическими данными по делу не имеет, проверяется и оценивается по внутреннему убеждению в совокупности со всеми остальными доказательствами и их источниками.

Под документами в уголовном процессе подразумеваются *любые письменные или оформленные иным способом акты, удостоверяющие или излагающие факты и обстоятельства, которые имеют значение по делу*. Эти акты могут быть служебного или частного характера, являться подлинником или копией, могут составляться вне и до возбуждения уголовного дела или в связи с ним, по инициативе органов следствия и суда или без таковой, одним лицом или несколькими лицами.

Для признания их *источником доказательств* важно, чтобы они исходили от определенных лиц и были по возможности подписаны ими, содержали конкретную информацию о фактах и обстоятельствах, относящихся к предмету доказывания, были получены или представлены в порядке, указанном в ст. ст. 70, 109, 223, 276, 292, 332 УПК РСФСР.

Наиболее часто встречающиеся в уголовном процессе документы — это объяснения, письменно изложенные подозреваемым или другими лицами, справки, акты ревизий, характеристики, письма, дневники, накладные и т. п.

Некоторые документы могут характеризоваться признаками, свойственными вещественным источникам доказательств. Закон особо подчеркивает, что тогда они должны считаться именно вещественным источником доказательств (ст. 88 УПК РСФСР).

Когда документ был объектом преступного посягательства или сохранил на себе материальные следы преступления, совершенно очевидно, что он должен служить вещественным источником доказательств. Но в остальных случаях, как правило, не бывает столь ясного признака, в зависимости от которого можно

было бы решить, к каким — документальным или вещественным источникам доказательств — надо отнести данный письменный акт.

При решении этого сложного вопроса, имеющего большое значение для правильного процессуального оформления средств доказывания, следует, на наш взгляд, руководствоваться следующим общим положением. Если документ используется в доказывании по своему прямому назначению, т. е. для установления тех фактов и обстоятельств, ради удостоверения или изложения которых он был составлен, мы имеем дело с документальным источником, предусмотренным ст. 88 УПК РСФСР.

Когда же документ фигурирует по делу для подтверждения наличия или отсутствия любого другого факта, обстоятельства (только не того, ради которого он был оформлен), правильнее отнести его к категории вещественных источников доказательств и приобщить к делу с соблюдением правил, предусмотренных ст. 84 УПК РСФСР.

Всякий документ проверяется и оценивается на общих основаниях в совокупности с остальными доказательствами и их источниками.

Фактические данные, признаваемые судебными доказательствами, могут извлекаться в принципе из любого из указанных в действующем законодательстве источников — из показаний свидетелей, заключений экспертов, документов, протоколов следственных действий и т. д. Равным образом, для установления любого искомого факта могут, по общему правилу, применяться доказательства, получаемые из любого источника. Поэтому в каждом отдельном случае решение вопроса о выборе допустимого источника доказательств является правом самого органа следствия и суда, зависит от конкретных условий и особенностей доказывания по делу.

Но законодатель может предусмотреть и определенные исключения из этого общего положения. Статья 79 УПК РСФСР, например, содержит специальное требование, чтобы для установления причин смерти, тяжести телесных повреждений, психической полноценности обвиняемого и некоторых других обстоятельств использовался только определенный источник доказательств,

а именно: заключение экспертов. Такие специфические обстоятельства должны выясняться при помощи именно того специального источника, который прямо указан в законе. Не использование органами следствия и суда такого источника, произвольная замена его другими источниками может отрицательно сказаться на интересах достижения объективной истины. Это, к тому же, было бы и неправомерно, поскольку пригодность остальных источников, фактических данных для установления подобных обстоятельств уголовного дела не признана законодателем.

§ 4. Способы получения и использования судебных доказательств

Для того, чтобы разнообразная фактическая информация, связанная с обстоятельствами конкретного дела, а равно ее носители вступили в сферу судопроизводства и фигурировали в качестве судебных доказательств и их источников, .. необходим еще один вид средств доказывания — нужны определенные способы их получения, проверки и использования. Поэтому представляется важным уяснение существа и роли этих способов, так как иначе трудно иметь должное представление о средствах процессуального доказывания в целом.

Под способами получения и использования судебных доказательств подразумеваются те предусмотренные законом действия, посредством которых органы следствия, прокуратуры и суда собирают, проверяют, и оценивают фактические данные и их источники, а , также обосновывают выводы по делу.

Эти способы нельзя смешивать с теми конкретными приемами выявления и изучения значимых по делу обстоятельств, которые применяются при производстве, процессуальных действий. В зависимости от своего характера и назначения такие приемы составляют либо, частные методы познания в доказывании, либо тактику и методику следствия. Самостоятельным видом средств доказывания в уголовном судопроизводстве они быть не могут.

Соотношение между только что названными категориями и не таково, чтобы можно было сравнивать

их с формой и содержанием. Надо признать несостоятельным встречающееся в нашей литературе утверждение о том, будто процессуальные действия по собиранию и исследованию доказательств являются формой применения частных методов познания в доказывании по уголовному делу²¹². Одни и те же конкретные приемы (скажем, наблюдение, сравнение и измерения) могут использоваться при производстве разных процессуальных действий (например, осмотра, следственного эксперимента). В одном и том же процессуальном действии возможно применение различных методов исследования. Частные методы познания, а равно тактические и методические приемы, относятся к соответствующим процессуальным действиям скорее как часть I к целому. Иначе говоря, они служат одним из элементов содержания тех или иных процессуальных действий, выступающих в роли способов получения и использования судебных доказательств.

Являются ли процессуальные действия единственными способами получения и использования доказательств и их источников в советском уголовном судопроизводстве? Вопрос этот принципиально важен, и возникает он главным образом в связи с тем, что закон на одного из субъектов доказывания — на органы дознания возлагает обязанность принятия не только процессуальных, но и «необходимых оперативно-розыскных мер... в целях обнаружения преступлений и лиц, их совершивших» (ст. 118 УПК РСФСР). Некоторые криминалисты исходят из того, что такие оперативно-розыскные действия служат «непроцессуальными» способами собирания и проверки судебных доказательств²¹³. Однако подобная предпосылка лишена достаточного основания.

Под оперативно-розыскными действиями, как известно, понимаются специальные мероприятия по наблюдению за определенными лицами и объектами, по

²¹² См. «Теория доказательств в советском уголовном процессе». Часть общая. М., 1966, стр. 176—177.

²¹³ См. Г. И. Качаров. Вопрос о доказательственном значении объектов, полученных непроцессуальным путем.— «Практика применения нового уголовно-процессуального законодательства». М., 1962, стр. 40—41; В. С. Морозов. Аннотация монографии по теории доказательств.— «Научная информация по вопросам борьбы с преступностью». М., 1968, № 16, стр. 44.

собирацию сведений из гласных и негласных источников, по организации поисков, засад и заграждений, по применению служебно-розыскных собак, по проверке документов и помещений, по выявлению очевидцев какого-либо события и т. д.²¹⁴ Все эти мероприятия, проводимые хотя и в рамках закона, но вне процессуального порядка, нередко играют решающую роль в раскрытии наиболее сложных и опасных преступлений. Отрывать их от процессуальных действий и противопоставлять им было бы совершенно неверно. Но тем не менее нельзя признать оперативно-розыскные мероприятия самостоятельными способами собирания и проверки доказательств, ставя их в один ряд с процессуальными действиями.

По уголовному делу оперативно-розыскные меры часто создают благоприятные условия для определения вида, подготовки и успешного осуществления многих процессуальных действий. Они позволяют получить ценный информационный материал, который помогает понять происхождение и смысл тех или иных явлений, наметить направление расследования и оптимальные следственные версии, выявить личность потерпевшего, установить причастных к расследуемому деянию или знающих о нем лиц, а равно решить, где, как и что искать. Однако любая информация, полученная посредством оперативно-розыскных мероприятий, может стать судебным доказательством только в том случае, если она «вошла» в уголовное судопроизводство процессуальным путем. Пока такой путь не использован, она остается вне процесса, имея сугубо ориентирующее значение. Это должно быть понятно, ибо не может быть «непроцессуального» пути в процесс.

В качестве способов «вхождения» в уголовный процесс информации, добытой в ходе оперативно-розыскной работы, могут служить: представление соответствующего материала следователю (прокурору, судьям) в порядке ст. 70 УПК РСФСР, составление официального протокола следственного осмотра, допрос в качестве свидетеля оперативного работника по обстоятельствам,

²¹⁴ См. А. Н. Васильев. Основы следственной тактики. Автореферат докторской диссертации. М., 1960, стр. 8; «Криминалистика». Под ред. Р. С. Белкина, Г. Г. Зуйкова. М., 1968, стр. 467—468 и др.

которые известны ему по службе; производство опознаний и т. д. Однако все это — сугубо процессуальные действия, и именно при помощи их лица, ведущие уголовное судопроизводство, получают, проверяют и используют указанные выше данные как судебные доказательства.

Признавая процессуальные действия *единственными* способами получения и использования доказательств в советском уголовном процессе, хотелось бы высказаться и против другой крайности — против сведения их только к следственным действиям. Такая тенденция порою встречается²¹⁵, затрудняя правильное решение ряда важных вопросов.

Следственными считаются те процессуальные действия, основное назначение которых состоит в активном выявлении, закреплении и проверке доказательств и их источников самими органами суда и предварительного расследования. К их числу относятся все допросы, очные ставки, осмотры, освидетельствования, обыски, выемки, предъявления для опознания, следственные эксперименты и судебные экспертизы. Эти действия являются основными способами получения и исследования доказательств и их источников в стадиях предварительного расследования и судебного разбирательства. Причем указание ст. 301 УПК РСФСР: «Суд основывает приговор лишь на тех доказательствах, которые были рассмотрены в судебном заседании» — процессуальная теория и практика трактуют в том смысле, что эти фактические данные и их источники должны быть исследованы обязательно в период *активных следственных действий*, до окончания судебного *следствия*²¹⁶. Отсюда, однако, не вытекает вывод, будто в советском уголовном процессе законом не допускаются некоторые другие способы получения и использования доказательств. Ст. 70 УПК РСФСР в качестве таких способов называет:

²¹⁵ См., например, П. К. Пошюнас. Документальная ревизия и ее значение в советском уголовном процессе.— «Сборник научных работ НИИСЭ Юридической Комиссии при Совете Министров Лит. ССР», вып. III, Вильнюс, 1968, стр. 95.

²¹⁶ См. «Сборник действующих постановлений Пленума Верховного Суда СССР за 1924—1957 гг.». М., 1958, стр. 93—94; «Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР за 1924—1970 гг.» М., 1970, стр. 517—527 и др.

истребование органами предварительного расследования, прокуратуры и суда значимых по делу *предметов и документов* от физических и юридических лиц, в распоряжении которых они находятся; *поручение* тех же органов *о производстве ревизий*; *представление доказательств* участниками судопроизводства; *представление материалов* любыми гражданами, учреждениями, предприятиями и организациями. Ст. ст. 109, 223 УПК РСФСР указывают на такой способ получения доказательства, как *истребование объяснений* от определенных лиц. В ст. ст. 46, 52, 280, 338 УПК РСФСР говорится *о даче устных объяснений подозреваемым или обвиняемым* (подсудимым, осужденным). Ст. ст. 240, 281, 286, 292, 338 УПК РСФСР предусматривается такой способ исследования доказательств и их источников, как *оглашение их в суде*. Все эти способы получения и использования доказательств являются процессуальными, так как они предусмотрены процессуальным законодательством и выражаются в виде процессуальных действий. Некоторые авторы берут под сомнение процессуальный характер поручений следователя (органа дознания, прокурора) о производстве ревизии, мотивируя это тем, что процессуальным законодательством не регламентировано положение ревизоров и не отнесены к числу источников доказательств их акты²¹⁷. Между тем для подобного опасения вряд ли есть серьезный повод. Материалы ревизии всегда представляют собой разновидность документов, которые законодателем признаны отдельным *в*идом источников доказательств* (ст. 69 УПК РСФСР). Юридическая же природа самих поручений органов предварительного расследования и прокуратуры о производстве ревизии вовсе не зависит от того, какими нормативными актами регулируются права и обязанности ревизоров. Эти поручения предусмотрены процессуальным законом, облакаются в процессуальную форму (письменное предложение или постановление) и обязательны для тех лиц, к которым они адресованы.

²¹⁷ См. П. К. Пошюнас. Документальная ревизия и ее значение в советском уголовном процессе.— «Сборник научных работ НИИСЭ Юридической Комиссии при Совете Министров Лит. ССР», Ш. Вильнюс, 1968, стр. 95—97.

Поэтому они не могут не считаться процессуальными действиями²¹⁸.

Таким образом, в роли способов получения и использования доказательств в советском уголовном судопроизводстве выступает довольно широкий круг разнообразных следственных и иных процессуальных действий, которые в своей совокупности достаточны для достижения цели процессуального доказывания.

Решение вопроса, какие из этих действий и в какой последовательности производить по каждому конкретному делу, предоставляется на усмотрение органов предварительного расследования, прокуратуры и суда, а это усмотрение, в свою очередь, обусловливается индивидуальными особенностями дела и интересами достижения по нему объективной истины.

§ 5. Классификация средств процессуального доказывания

В целях надлежащей систематизации средства процессуального доказывания могут классифицироваться по определенным, объективно им присущим признакам. Это предполагает деление их на отдельные группы, имеющие относительную самостоятельность.

До конца пятидесятых годов в науке советского уголовного судопроизводства классификации подвергались только сами доказательства, и почти общепринятым являлось деление их на прямые и косвенные, на обвинительные и оправдательные, на первоначальные и производные²¹⁹.

В связи с принятием ныне действующих Основ уголовного судопроизводства С. А. Голунским было высказано мнение о необходимости пересмотра этой традиционной

²¹⁸ Аналогичная точка зрения обосновывается в работах: А. В. Дулов. Вопросы теории судебной экспертизы. Минск, 1959, стр. 102—105; Д. В. Смирнов, В. Г. Танасевич. Основы бухгалтерского учета и судебно-бухгалтерской экспертизы. Л., 1964, стр. 90 и др.

²¹⁹ См. М. Л. Ш и ф м а н. Основные вопросы теории советского доказательственного права. М., 1956, стр. 31—39; «Советский уголовный процесс». Под ред. Д. С. Карева. М., 1956, стр. 83—87; М. С. Строго в и ч. Курс советского уголовного процесса. М., 1958, стр. 202—209 и др.

классификации, принимая, очевидно, во внимание то, что Основы пошли по пути разграничения доказательств и их источников²²⁰. В позднейшей литературе, однако, сохранилась прежняя классификация, хотя отдельные авторы дополнили ее делением доказательств на личные и вещественные²²¹.

Думается, что необходимо классифицировать *все* виды средств процессуального доказывания, причем по нескольким признакам, характеризующим в одних случаях одновременно и доказательства и их источники, в других — только доказательства, в третьих — лишь способы их получения и использования. В таком плане наиболее значимым представляется деление:

— доказательств и их источников: а) на личные и предметные; б) на первоначальные и производные; в) на доброкачественные и недоброкачественные;

— самих доказательств: а) на обвинительные и оправдательные; б) на прямые и косвенные;

— способов получения и использования доказательств: на следственные и иные процессуальные.

Рассмотрим каждое из этих делений в отдельности.

Классификация доказательств и их источников на личные и предметные может производиться по такому признаку, как различие их субстрата и механизма формирования. Личными являются доказательства и источники, при которых носителем соответствующей фактической информации выступают те или иные лица, а сама эта информация передается непременно в языковой форме — через устную или письменную речь. Сюда относятся все сообщения о фактах, исходящие от людей: показания, документы, заключения экспертов и протоколы следственных действий. Общим, объединяющим для них служит то, что все эти источники содержат сведения о тех явлениях реального мира, которые идеально отражены в сознании человека. Предметными могут называться доказательства и источники, при

²²⁰ См. С. А. Голушкин. Новые Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик.— «Советское государство и право», 1959, № 2, стр. 55.

²²¹ См. В. А. Алексеев, В. Божьев. Обсуждение спорных вопросов теории доказательств в уголовном процессе.— «Социалистическая законность», 1965, № 5, стр. 86; «Уголовный процесс». Под ред. М. А. Чельцова. М., 1969, стр. 110—119 и др.

которых носителем фактической информации являются материальные объекты, а сама эта информация передается вне языковой формы. Таковы орудия и продукты преступной деятельности, вещи со следами общественно опасного деяния, нажитые преступным путем ценности и т. д. Здесь соответствующая информация об обстоятельствах, имеющих значение по делу, сохраняется и передается в виде материальных следов» и реальных фактов, доступных непосредственному чувственному восприятию при расследовании и судебном рассмотрении уголовного дела.

Как видим, при классификации по данному признаку все доказательства и источники, исходящие от физических лиц и связанные с их сознанием, объединяются в одну общую группу, остальные — в другую. Это делается не для какого-либо противопоставления личных, доказательств и источников предметным и не для выявления какого-либо преимущества одних фактических данных перед другими. Недопустимость таких попыток уже неоднократно подчеркивалась в работах ряда советских юристов²²². Научный и практический смысл указанной классификации заключается в том, чтобы при систематизации доказательств и их источников, оттенить различие их субстрата и механизма формирования и, сгруппировав их на этой основе, облегчить разработку тактики и методики собирания, проверки и оценки соответствующих средств процессуального доказывания.

Классификация доказательств и их источников на 'первоначальные и производные' основывается на таком, признаке, как степень опосредствования между подлежащим установлению по делу фактом (обстоятельством) и той информацией, которая является его отражением. П е р в о н а ч а л ь н ы м и следует признать доказательства и источники, при которых исследуемый, факт либо непосредственно воспринимается в виде следа содеянного или иного явления реального мира, либо подтверждается (отрицается), информацией, являющейся

²²² См. М. М. В ы д р я. Вещественные доказательства в советском уголовном процессе. М., 1955, стр. 19—32; М. С. С т р о г о в и ч. Материальная истина и судебные доказательства в советском уголовном процессе.. М., 1955, стр. 31Г и др.

его непосредственным отражением без каких-либо промежуточных передаточных звеньев. Сюда относятся:

— показания и объяснения тех или иных лиц о своих действиях или бездействии, а равно об обстоятельствах, участниками или свидетелями которых они были;

— заключения экспертов, где содержатся выводы, основанные на исследованных лично этими специалистами объективных данных, либо изложены выявленные непосредственно ими обстоятельства;

— подлинные документы, в которых содержатся сведения о конкретных фактах или обстоятельствах, непосредственно воспринятых составителями документа, или на их основе делаются выводы о новых фактах (например, в акте ревизии вывод об общей сумме недостачи, в характеристике — о моральном разложении лица);

— материальные «следы» содеянного, приобщенные к делу как вещественные источники доказательств;

— протоколы упомянутых в ст. 87 УПК РСФСР следственных действий, удостоверяющие обстоятельства, которые непосредственно воспринимались чувственно подписавшими их лицами.

Общее для всех таких доказательств и источников состоит в том, что между ними и фактами, которые ими отражаются, нет ни одного промежуточного, опосредствующего звена. Здесь и сама фактическая информация и ее источник первоначальны, они непосредственно связаны с устанавливаемыми при помощи их обстоятельствами дела, а носитель этой информации воспринял ее непосредственно от объективной действительности.

В отличие от этого производными следует считать доказательства и источники, при которых носитель фактической информации непосредственно не воспринимал соответствующих обстоятельств реального мира, а воспроизводит только то, что воспринято им от другого источника. Такой характер носят: показания и объяснения, в которых приводятся сведения, полученные от других лиц или из какого-либо материала (скажем, из справки, акта); документы, которые являются копией подлинника или содержат лишь сведения, известные их составителям от других лиц; слепки и другие отображения материальных «следов» содеянного, изготовленные

при следственных осмотрах²²³; заключения экспертов, в основу которых положены специальные исследования, произведенные при производстве предыдущих экспертиз и т. п. Во всех подобных случаях между источниками доказательств и устанавливаемыми при помощи их фактами внешнего мира лежат промежуточные звенья, получаемые из таких источников сведения отражают эти факты не непосредственно, а через другие, промежуточные средства сохранения и передачи информации. Поэтому здесь производны и доказательства и их источники.

Степень производности доказательства и источника может быть различной. Когда свидетель рассказывает об обстоятельствах дела со слов очевидца, логично говорить о второй степени опосредствования. Если он дает, показание со слов человека, который узнал об этих обстоятельствах от потерпевшего, возможна третья степень и т. д. Но производность не может продолжаться бесконечно. При всех условиях требуется, чтобы был точно известен первоисточник. Не являются доказательством сведения, сообщаемые в показаниях или в документах, если соответствующие лица не в состоянии указать источник своей осведомленности.

Деление доказательств и их источников на первоначальные и производные имеет важное значение. Органы следствия и суда должны стремиться найти первоначальные доказательства и источники, имея в виду, что каждая очередная степень производности может быть связана с искажением или частичной утратой информации. Но это не означает, что производные доказательства и источники нужны лишь для отыскания первоисточников. Они нередко помогают проверять подлинные свойства первоначальных сведений и источников, а порою неизбежно заменяют их, если первоисточник к моменту расследования и судебного рассмотрения дела уже не существует (допустим, потерпевший умер, подлинник документа уничтожен). Только разумное сочетание первоначальных доказательств и источников

²²³ См. А. И. Винберг. Производные вещественные доказательства и образцы для сравнительного исследования в советском уголовном процессе.— «Социалистическая законность», 1966 № 3 стр. 20—23.

с производными, основанное на полном учете конкретных особенностей каждой из этих групп, может обеспечить успешное осуществление доказывания по уголовному делу.

Классификация доказательств и их источников на доброкачественные и недоброкачественные должна производиться по признакам, содержащим их качественные характеристики. Наиболее типичными из таких признаков являются: способность носителя фактической информации правильно ее воспринять, сохранить и воспроизвести, неискаженность сообщаемой информации в силу каких-либо других причин, ее конкретность, непротиворечивость и надлежащая процессуальная оформленность. При наличии этих признаков доказательства и их источники в принципе доброкачественны. Иначе говоря, по общему правилу доброкачественными являются доказательства и их источники, в которых фактическая информация, сообщаемая органам предварительного расследования, прокуратуры и суда, конкретна, точно отражает соответствующие обстоятельства дела и пригодна для определенного вывода. И, напротив, недоброкачественными признаются доказательства и источники, искажающие реальную действительность, соответствующим образом процессуально не оформленные и непригодные для достоверных выводов по делу.

Доброкачественность или недоброкачественность любого доказательства и источника определяется органами предварительного расследования, прокуратуры и суда после тщательного их исследования и оценки в соответствии с требованиями, предусмотренными процессуальным законом. Никакие априорные решения в этом отношении неприемлемы. Но тем не менее рассматриваемая классификация имеет важное значение. Оттеняя возможные различия в качественной характеристике средств доказывания, она нацеливает на всестороннее выяснение качественных признаков каждого отдельного доказательства и источника с тем, чтобы четко отличать доброкачественное от недоброкачественного. Без такого деления по существу нельзя достичь цели доказывания, поскольку достоверные выводы по делу могут основываться только на доброкачественных доказательствах и источниках.

Классификация доказательств на обвинительные и оправдательные базируется на таком их признаке, как отношение к обвинению по делу. **Обвинительным** и считаются фактические данные, при помощи которых устанавливаются обстоятельства (факты), входящие в структуру обвинения, а равно отягчающие ответственность обвиняемого. Сюда относятся доказательства, подтверждающие преступное деяние, вину его совершителя, вредные последствия содеянного и т. д. **Оправдательными** называются доказательства, которые полностью или частично опровергают обвинение, ставят его под сомнение, а также указывают на обстоятельства, смягчающие степень вины и ответственности обвиняемого. Таковы фактические данные, свидетельствующие об отсутствии общественно опасного деяния, о непричастности к нему обвиняемого, о его невинности, о менее значительных последствиях содеянного и т. п. Разновидностью оправдательных доказательств служит алиби, т. е. нахождение обвиняемого в каком-либо другом месте как раз в то время, когда совершено данное деяние. Достоверный факт *алиби* исключает обвинение лица как исполнителя преступления.

Определение обвинительного или, наоборот, оправдательного характера некоторых доказательств представляет, особенно на ранних этапах движения дела, значительную трудность, ибо порою их объективные свойства становятся однозначными лишь при оценке всех обстоятельств дела в совокупности. Но все же данная классификация нужна. Закон требует выявить по каждому делу доказательства «как уличающие, так и оправдывающие обвиняемого», а равно подробно изложить их в соответствующих процессуальных актах (например, ст. ст. 20, 205, 314 УПК РСФСР). О необходимости четкого отграничения обвинительных фактических данных от оправдательных говорится также в ряде постановлений Пленума Верховного Суда СССР, в том числе в его руководящих разъяснениях о судебном приговоре²²⁴. Это вполне правильно, так как подобный анализ доказательств является одним из необходимых

²²⁴ См. «Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР». М., 1964, стр. 336; «Бюллетень Верховного Суда СССР», 1969, № 4, стр. 9 и др.

условий всесторонности, полноты и объективности расследования и судебного рассмотрения дела, принятия по нему законного, обоснованного и мотивированного решения.

Классификация доказательств на прямые и косвенные основывается на таком объективном признаке, как их отношение к устанавливаемым по делу фактам. Но вопрос: «к каким именно фактам?» — в процессуальной литературе продолжает оставаться спорным. Одни авторы для этой классификации берут отношение доказательств к любому обстоятельству предмета доказывания²²⁵, другие — их отношение только к юридически значимым обстоятельствам дела²²⁶, третьи — отношение лишь к фактам в рамках конструктивных признаков состава преступления²²⁷, четвертые — отношение исключительно к факту виновности или невиновности лица в совершении преступления²²⁸. Причем эти точки зрения расцениваются нередко как взаимоисключающие, и соответственно разными криминалистами даются различные трактовки понятия прямых и косвенных доказательств.

Представляется, что в принципе всякое имеющее значение по делу обстоятельство, в том числе доказательственный факт, может устанавливаться и прямым и косвенным путем. Скажем, факт пребывания лица в том помещении, откуда совершена кража, может подтверждаться либо прямо его собственным признанием, либо косвенно — обнаружением около этого строения следов ног данного человека, а внутри здания — его пальцевых отпечатков на нескольких предметах. Вывод о нанесении обвиняемым ножевого ранения потерпевшему в одних случаях вытекает прямо из показаний очевидцев,

²²⁵ См. «Советский уголовный процесс». М., 1968, стр. 126.

²²⁶ См. «Уголовный процесс». М., 1969, стр. 114.

²²⁷ См. «Уголовный процесс РСФСР». Воронеж, 1968, стр. 118—120; А. И. Трусов. Основы теории судебных доказательств. М., 1960, стр. 58—60; Ц. М. Каз. Доказательства в советском уголовном процессе. Саратов, 1960, стр. 32.

²²⁸ См. М. С. Строгович. Курс советского уголовного процесса, т. 1. М., 1968, стр. 376—377; И. М. Гуткин, Ю. Н. Бело-зеров, Л. А. Мариупольский. Советский уголовный процесс. М., 1962, стр. 79—80; А. И. Винберг, Г. М. Минькооскии, Р. Д. Рахунов. Косвенные доказательства в советском уголовном процессе. М., 1956, стр. 7—9 и др.

в других — косвенно из ряда побочных фактов (обнаружение ножа, наличие на нем крови, принадлежность ножа только обвиняемому и т. д.). В этом плане логично считать, что конкретные сведения о том или ином факте, имеющем значение по делу, всегда играют роль прямых доказательств того же факта, а установленные на основе их доказательственные факты вместе с материальными «следами» содеянного — роль косвенных доказательств по делу. Здесь деление доказательств на прямые и косвенные покоится на их отношении к любому обстоятельству предмета доказывания, в том числе к доказательственным фактам.

Такой подход к вопросу имеет, кроме логичности, то преимущество, что позволяет распространить правила пользования косвенными доказательствами, выработанные наукой и практикой, на установление побочных, доказательственных фактов. Однако он страдает и серьезными недостатками, поскольку ведет к весьма широкому определению прямых доказательств и к признанию, что подчас ими устанавливаются факты, которые, в свою очередь, выступают в качестве косвенных доказательств по отношению к другим обстоятельствам дела. Поэтому есть смысл преднамеренно СУЗИТЬ основу деления доказательств на прямые и косвенные.

Условно' за такую основу можно взять либо все юридически значимые обстоятельства дела, либо все факты в рамках конструктивных признаков состава преступления, либо лишь какую-то часть этих фактов. Соответственно изменяется, разумеется, и трактовка прямых доказательств, причем в сторону все большего и большего сужения. На наш взгляд, наиболее целесообразно положить в основу классификации доказательств на прямые и косвенные их отношения только к *факту совершения деяния определенным лицом*, именуя его сокращенно *главным фактом* по делу. При этом условии п р я м ы м и доказательствами служат фактические данные, которые непосредственно и однозначно указывают на конкретное лицо как на совершителя или несовершителя известного по делу деяния. Таким признаком обладают: опознание потерпевшим подозреваемого, признание обвиняемым совершения инкриминируемого ему деяния, сообщение очевидцами сведений о совершении деяния именно этим лицом, вывод эксперта

об учинении подлога таким-то человеком, алиби обвиняемого и т. п. К о с в е н н ы м и доказательствами надо, признать конкретные фактические данные, которые прямо не указывают на совершителя расследуемого деяния, способствуют раскрытию преступления и установлению виновного только в совокупности с остальными обстоятельствами дела. Это — обнаружение на шоссе трупа, наличие на нем следов наезда машины, установление на конкретной машине признаков наезда на человека, факт следования машины по этому шоссе примерно в то время, когда совершен наезд и т. д. Все подобные факты и сведения о них лишь косвенно приводят к выводу о совершении или несвершении известного по делу деяния определенным лицом.

Такое деление придает прямым доказательствам более строгое очертание и значение. Под это понятие подпадают только те данные, которые действительно указывают на главный факт — факт совершения или несвершения деяния определенным лицом. При прямом доказательстве могут быть пока неясными мотив и цель содеянного, психическое отношение лица к своим поступкам, его возраст и некоторые иные обстоятельства, но непременно должен быть ответ на вопрос: «что и кем совершено». В этом — смысл указанного выше сужения основания рассматриваемой классификации, выделения из общей массы конкретных сведений, способных прямо подтверждать различные обстоятельства предмета доказывания, более узкой группы фактических данных и именованная только их прямыми доказательствами.

В советском уголовном процессе прямые доказательства по своей силе не имеют превосходства перед косвенными. Значение данной классификации заключается лишь в том, чтобы, во-первых, оттенить различие в круге и характере фактов, непосредственно устанавливаемых прямыми или косвенными доказательствами, и, во-вторых, учесть специфику в методах и приемах пользования этими доказательствами. Прямые доказательства образуются из сведений о конкретных действиях или бездействии вполне определенного лица и позволяют выдвинуть в этом отношении одну единственную версию. При наличии по делу прямого доказательства прежде всего необходимо определить его доброкачественность, ибо от этого зависит доказанность совершения

(несовершения) лицом соответствующего деяния и правильность данной версии. Если прямое доказательство признано доброкачественным, в ходе дальнейшего доказывания уточняются признаки главного факта и выявляются остальные обстоятельства дела. Косвенные же доказательства складываются из отрывочных фактических данных, позволяющих многозначно объяснять исследуемые факты и строить разные версии. Органам следствия и суда надо определять и доброкачественность косвенных доказательств, и их относимость к делу, и их взаимосвязь, и вытекающие из них выводы. Поэтому необходимо, чтобы при пользовании такими данными: а) являлись достоверными сами доказательственные факты; б) была налицо вся совокупность доступных следствию косвенных доказательств; в) все эти фактические данные относились к делу; г) все они внутренне согласовывались между собой, подтверждали и дополняли друг друга; д) из них образовалась единая цепь доказательств; е) эта цепь привела к единственному выводу о виновности (невиновности) лица в совершении преступления, исключая всякое другое суждение²²⁹. Только все эти условия вместе способствуют истинности фактов, устанавливаемых косвенным путем.

Говоря о косвенных доказательствах, нельзя не рассмотреть их соотношение с доказательственными фактами. Это — не тождественные явления, хотя в юридической литературе между ними нередко ставится знак равенства. На наш взгляд, «косвенные доказательства» — понятие более широкое, нежели «доказательственные факты». Любой доказательственный факт является косвенным доказательством, однако не всегда бывает наоборот. Косвенными доказательствами, помимо доказательственных фактов, могут служить: а) конкретные сведения о самих доказательственных фактах, на основе которых эти факты признаются установленными - или неустановленными; б) зафиксированные в протоколах соответствующих следственных действий сведения о материальных следах содеянного или об иных реальных явлениях внешнего мира, имеющих

²²⁹ См. М. П. Шалямова. Теория улик. М., 1960, стр. 42—115; М. С. Сторогович. Курс советского уголовного процесса, т. 1. М., 1968, стр. 384—388 и др.

доказательственное значение по делу; в) конкретные сведения об отдельных обстоятельствах фактического состава содеянного, если они прямо не указывают на его совершителя; г) конкретные сведения об иных юридически значимых обстоятельствах, входящих в предмет доказывания по делу.

Названные выше виды классификации доказательств и их источников действуют одновременно. Любой источник доказательств может быть личным или предметным, первоначальным или производным, доброкачественным или недоброкачественным. Всякое доказательство может являться личным или предметным, первоначальным или производным, обвинительным или оправдательным, прямым или косвенным, доброкачественным или недоброкачественным.

Классификация способов получения и использования доказательств на следственные и иные процессуальные производится в зависимости от характера образующих их действий. Следственными способами служат активные следственные действия, предпринимаемые во время предварительного расследования и судебного следствия. Остальные способы (представление доказательств, истребование документов, получение объяснений, назначение ревизии и др.) относятся к числу и н ы х п р о ц е с с у а л ь н ы х . Если каждый следственный способ является одновременно процессуальным, то не всегда бывает наоборот, т. е. не всякий процессуальный способ получения и использования доказательств может рассматриваться как следственный.

Данное деление совершенно необходимо для правильного понимания особенностей доказывания на различных этапах уголовного судопроизводства. Когда, например, мы говорим о невозможности следственных действий при возбуждении дела, при предании суду и в некоторых других стадиях процесса, вовсе не имеем в виду, что на этих этапах движения уголовного дела не осуществляется доказывание. Этим подчеркивается другое — а именно: то, что доказывание производится здесь посредством не следственных, а иных процессуальных способов собирания и использования доказательств. Даже в пределах одной и той же стадии процесса не на любой ее ступени возможны следственные меры. На предварительном расследовании они допускаются

лишь до ознакомления обвиняемого и некоторых других участников судопроизводства с материалами дела, в судебном заседании—до окончания судебного следствия, хотя доказывание в этих стадиях еще не завершается. Поэтому нельзя не видеть разницы между этими двумя группами способов получения и использования доказательств в советском уголовном судопроизводстве.

Глава четвертая

ОЦЕНКА СРЕДСТВ ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ДОКАЗЫВАНИЯ

Одной из наиболее важных и сложных проблем теории и практики процессуального доказывания является оценка тех средств, при помощи которых оно осуществляется. Эта проблема постоянно привлекает к себе внимание советских юристов, однако все же многие ее стороны изучены пока недостаточно глубоко. Такое утверждение, на наш взгляд, справедливо в отношении как общих положений, так и конкретных форм и методов оценки отдельных видов средств доказывания на предварительном следствии и в суде.

В подавляющем большинстве специальных работ, где данная проблема так или иначе затрагивается, речь идет об оценке только самих доказательств, а вопрос об оценке их источников и способов получения (использования) даже не ставится²³⁰. Такой подход объясняется, по-видимому, тем, что в нашей процессуальной теории длительное время господствовала (а порою встречается и в настоящее время) концепция, сторонники которой из-за неправильного понимания существа судебных доказательств видят в них единственное средство доказывания по делу.

Многие из процессуалистов, различающих доказательства и их источники, тоже ограничиваются

²³⁰ См. А. Я. Вышинский. Теория судебных доказательств в советском праве. М., 1950, стр. 165—250; М. С. Строгович. Материальная истина и судебные доказательства в советском уголовном процессе. М., 1955, стр. 109—127; В. Д. Арсеньев. Вопросы общей теории судебных доказательств. М., 1964, стр. 130—137; И. И. Мухин. Объективная истина и некоторые вопросы оценки судебных доказательств при осуществлении правосудия. Л., 1971, стр. 135—183 и др.

рассмотрением оценки самих фактических данных, оставляя без внимания остальные средства доказывания по делу²³¹. Только в отдельных работах предпринимается попытка исследовать оценку и доказательств и их источников²³².

Действующее советское уголовно-процессуальное законодательство хотя и отличает фактические данные от их источников, но тем не менее регламентирует лишь оценку доказательств (ст. ст. 69, 71 УПК РСФСР). Об оценке источников фактических данных и способов их получения (использования) в законе прямые указания отсутствуют.

В следственной и судебной практике по существу производится совокупная оценка всех средств процессуального доказывания, т. е. и непосредственно самих доказательств, и их источников, и способов получения (использования). Об этом отчетливо говорят случаи, когда те или иные фактические данные отвергаются судьями ввиду недоброкачества их источника или грубых процессуальных нарушений при производстве того следственного действия, посредством которого эти данные и их источник были получены.

Такой подход представляется единственно правильным. Не оценивая носителя и процессуальной формы получения фактической информации, нельзя правильно оценить самую эту информацию, ибо всегда «сущность сформирована», а «форма существенна»²³³. В свою очередь, для достоверных выводов по фактическим данным и их источникам, собранным по делу, необходимо тщательно оценить также способы их получения и использования. «Не только результат исследования,— подчеркивал К. Маркс,— но и ведущий к нему путь должен быть истинным. Исследование истины само должно быть истинно, истинное исследование — это развернутая истина, разъединенные звенья которой

²³¹ См. М. Л. Якуб. Показания свидетелей и потерпевших. М., 1968, стр. 10—18; «Советский уголовный процесс». Под ред. Д. С. Карева. М., 1968, стр. 115—118; «Уголовный процесс». Под ред. Н. С. Алексеева, В. З. Лукашевича и П. С. Элькинд. Л., 1972, стр. 161—163 и др.

²³² См. Г. С. Мосеян. Оценка доказательств в советском уголовном процессе. Автореферат кандидатской диссертации. Харьков, 1965, стр. 5-6.

²³³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, стр. 129.

соединяются в конечном итоге»²³⁴. Как раз таким конечным итогом, где выявляется достижение цели доказывания — объективной истины по делу, служит совокупная оценка расчлененных на разные виды средств доказывания, т. е. доказательств, их источников и способов получения (использования),

§ 1. Сущность и основные принципы оценки средств процессуального доказывания

Для правильного решения многих конкретных вопросов, связанных с оценкой тех или иных средств процессуального доказывания, необходимо уяснить предварительно сущность и основные принципы такой оценки. Надо по крайней мере решить, что собой эта оценка представляет, каково ее содержание и на каких принципиальных основах она осуществляется в различных стадиях судопроизводства.

В юридической литературе суть оценки средств доказывания определяется через разные категории. Одни авторы расценивают ее как определенное суждение²³⁵, другие — как сугубо мыслительную деятельность²³⁶, третьи — как правовую, регламентированную законом деятельность²³⁷. Порою даже в трудах одного и того же автора оценка средств доказывания истолковывается по разному. Достаточно сказать, что М. С. Строгович трактует ее то «как умственный процесс, ... акт мысли, а не что-либо иное», то как итог проверки доказательств, как вытекающий отсюда вывод²³⁸, хотя эти постулаты далеко не идентичные.

Встречаются также работы, в которых данное понятие наделяется одновременно несколькими смысловыми

²³⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, изд. 2-е, стр. 7—8.

²³⁵ См. «Гражданский процесс». Под ред. Н. А. Чечинной и Д. М. Чечота. М., 1968, стр. 184.

²³⁶ См. «Теория доказательств в советском уголовном процессе». Часть общая. М., 1966, стр. 337; «Уголовный процесс». Под ред. М. А. Чельцова. М., 1969, стр. 123 и др.

²³⁷ См. Г. С. Мосеев. Оценка доказательств в советском уголовном процессе. Автореферат кандидатской диссертации. Харьков 1965, стр. 5.

²³⁸ М. С. Строгович. Курс советского уголовного процесса. М., 1958, стр. 165; он же. Курс советского уголовного процесса. т. 1, М., 1968, стр. 303—304.

значениями. В частности, в учебнике по уголовному процессу, изданном под редакцией Д. С. Карева, под оценкой средств доказывания понимается и «итоговый решающий вывод» и «процесс формирования этих выводов»²³⁹. И. М. Резниченко идет еще дальше, рассматривая эту оценку и как деятельность по судебному рассмотрению дела, и как результат такой деятельности, и как судебный акт — документ²⁴⁰.

Даже в работе, посвященной специально анализу сущности оценки доказательств, эта оценка трактуется как «сложная мыслительная деятельность», как «установление юридической значимости доказательств, их ценности для достижения истины», как «средство доказывания»²⁴¹, хотя ни один из этих постулатов **не** может считаться оправданным.

Не следует, конечно, упрощать всей сложности вопроса. Но тем не менее такой разноречивой в освещении его обусловлен не только этой сложностью. Он скорее объясняется односторонним подходом к уяснению сущности оценки средств доказывания или смешением ее с другими, смежными процессуальными категориями.

На наш взгляд, односторонность здесь заключается в чрезмерном выпячивании и абсолютизации мыслительной (логической) стороны оценки средств доказывания в ущерб правовой. Если эта оценка действительно сводилась бы к актам мысли, к сугубо умственным операциям, то она не выходила бы за пределы сознания соответствующего субъекта доказывания, была бы никому, кроме этого лица, неизвестна и лишалась бы всякого юридического значения. О каком-либо правовом регулировании такой оценки не могло бы быть и речи, поскольку акты мысли, не нашедшие внешнего проявления, не подвластны законодателю. Но в том-то и дело, что акты мысли составляют лишь одну, идеальную сторону оценки средств доказывания в уголовном или гражданском судопроизводстве. Другую же ее сторону, приобретающую реальные очертания,

²³⁹ См. «Советский уголовный процесс». М., 1968, стр. 116.

²⁴⁰ См. И. М. Резниченко. Некоторые вопросы оценки доказательств.— «Материалы XIV научной конференции профессорско-преподавательского состава ДВГУ». Владивосток, 1969, стр. 75—78.

²⁴¹ См. И. М. Лузги и. Сущность и методы оценки доказательств.— «Советское государство и право», 1971, № 9, стр. 98—99.

создают те конкретные процессуальные действия, через которые акты мысли выражаются во вне. Возбуждение уголовного дела, привлечение к ответственности в качестве обвиняемого, изменение первоначального обвинения, составление обвинительного заключения, утверждение его прокурором, возвращение дела на дополнительное расследование, предание обвиняемого суду, поддержание по делу обвинения, осуществление защиты, постановление судебного приговора и т. д.— " вот те действия, благодаря которым оценка средств доказывания следователем, прокурором, защитником и судьями объективируется, становится достоянием других участников процесса и приобретает определенное значение по делу. Хотя содержание ни одного из таких процессуальных действий не исчерпывается оценкой средств доказывания, однако последняя является их неотъемлемой частью. И как раз это дает возможность регламентировать оценку средств доказывания в законодательном порядке и рассматривать ее как *элемент* правовой деятельности.

В данном отношении был совершенно прав С. А. Голунский, когда подчеркивал недопустимость сведения оценки средств доказывания к мыслительной деятельности²⁴². Критические замечания некоторых авторов по поводу этого тезиса²⁴³ не только лишены серьезного основания, но и ведут к ошибочному выводу, будто оценка средств доказывания находится за рамками закона и процессуальной деятельности.

Представляется безуспешным и стремление объяснять суть оценки средств доказывания как «итог проверки доказательств», «итоговый решающий вывод», «процесс формирования вывода», «судебный акт-документ» и т. д. Это — тесно связанные между собой, а все же не взаимозаменяемые понятия. Оценка средств доказывания частично переплетается с проверкой доказательств и их источников, содействует формированию

²⁴² См. С. А. Г о л у н с к и и. Об оценке доказательств в советском уголовном процессе.— «Советское государство и право», 1955, № 7, стр. 70—72.

²⁴³ См. М. С. С т р о г о в и ч. Курс советского уголовного процесса. М., 1958, стр. 165; И. И. М у х и н. Объективная истина и некоторые вопросы оценки судебных доказательств при осуществлении правосудия. М., 1971, стр. 100 и др.

правильных выводов по искомым фактам, подводит к итоговому решению по делу и отражается в соответствующем процессуальном документе, но никогда полностью не сливается с этими категориями и не растворяется в них. Она всегда остается *самостоятельным элементом* процессуального доказывания, заключающимся в определении свойств и значения тех отдельных средств, при помощи которых осуществляется это доказывание и достигается его цель по делу.

Определение каких же конкретно ценностных свойств средств доказывания входит в содержание их оценки? На сей счет в юридической литературе встречаются самые разные суждения. Одни авторы в качестве таких свойств указывают на наличие связей между исследуемыми обстоятельствами²⁴⁴, другие — на достоверность доказательственных фактов²⁴⁵, третьи — на силу и значение доказательств²⁴⁶, четвертые — на их силу и достоверность²⁴⁷, пятые — на относимость и достоверность средств доказывания²⁴⁸, шестые — на их относимость, достоверность и достаточность²⁴⁹, седьмые — на относимость, допустимость и достоверность²⁵⁰, восьмые — на относимость, допустимость, достоверность и доказательственную силу²⁵¹. Известны и работы, в которых содержание оценки средств доказывания трактуется

²⁴⁴ См. В. А. Пошкявичюс. Применение математики в криминалистических целях.— «Сборник научных работ НИИСЭ Юридической Комиссии при Совете Министров Лит. ССР», вып. III, Вильнюс, 1968, стр. 31.

²⁴⁵ См. Ц. М. К а з. Доказательства в советском уголовном процессе. Саратов, 1960, стр. 47.

²⁴⁶ См. В. Д. Арс е н ь в. Вопросы общей теории судебных доказательств. М., 1964, стр. 130.

²⁴⁷ См. «Советский гражданский процесс». Под ред. М. А. Гурвича. М., 1967, стр. 173.

²⁴⁸ См. «Советский уголовный процесс». Под ред. Д. С. Карева, М., 1956, стр. 78.

²⁴⁹ См. А. Т. Т р у с о в. Основы теории судебных доказательств. М., 1960, стр. 86—90.

²⁵⁰ См. «Уголовный процесс». Под ред. М. А. Чельцова. М., 1969, стр. 123.

²⁵¹ См. «Уголовный процесс». Под ред. Н. С. Алексеева, В. З. Лукашевича и П. С. Элькинд. М., 1972, стр. 161,

просто как определение их качеств и значения, не детализируя характера этих качеств²⁵².

Думается, что в содержание оценки средств доказывания входит определение *всех* их ценностных свойств, влияющих на достижение объективной истины по делу. Оценка, ограниченная только какой-либо частью этих свойств, была бы неполной.

Содержанием оценки самих доказательств (фактических данных) охватывается определение по крайней мере таких их свойств, как:

— конкретность, внутренняя согласованность и доброкачественность сведений, содержащихся в процессуальных источниках;

— способность и достаточность этой информации подтверждать отдельные факты и обстоятельства;

— доброкачественность материальных следов содеянного, имеющих на приобщенных к делу вещественных объектах;

— относимость к делу этих материальных следов и доказательственных фактов, а равно их взаимосвязи и отношения;

— достоверность доказательственных фактов и материальных следов, их способность устанавливать юридически значимые обстоятельства дела;

— достаточность всей совокупности собранных доказательств (сведений о фактах, доказательственных фактов и материальных следов) для достоверного вывода об обстоятельствах всего предмета доказывания и полного уяснения тех их свойств, которые имеют значение по делу.

Оценка источников доказательств складывается, в основном, из определения таких их свойств, как» допустимость каждого отдельного источника, его доброкачественность, полнота собранных по делу источников фактической информации и их достаточность для обеспечения требуемых пределов процессуального доказывания²⁵³. В содержание же оценки с п о с о б о в получения

²⁵² См. М. Л. Я к у б. Показания свидетелей и потерпевших. М., 1968, стр. 10; «Советский уголовный процесс». Под ред. Д. С. Карева. М., 1968, стр. 115.

²⁵³ Существует мнение, что определение допустимости и относимости средств доказывания не входит в содержание их оценки, являясь не более чем условием этой оценки. (См. И. М. Р е з н и ч е н к о. Оценка доказательств в советском гражданском процессе. Автореферат кандидатской диссертации. М., 1968, стр. 5). Однако с этим согласиться нельзя, поскольку относимость и допустимость представляют собой качественную характеристику соответствующих средств доказывания и оцениваются наряду с остальными их свойствами, имеющими значение по делу.

и использования доказательств входит определение того, предусмотрены ли все действия, предпринятые по делу субъектами доказывания, процессуальным законодательством, совершены ли они доброкачественно и соблюдался ли при этом точно установленный законом процессуальный порядок.

Названные выше свойства средств доказывания являются наиболее типическими и ценными, определение их характера и значения обязательно по любому делу, ибо это служит одной из гарантий истинности и самого пути и результата следственно-судебного познания.

Как видим, *под оценкой средств доказывания подразумевается такой элемент процессуальной деятельности, который выражается в определении характера и значения всех ценностных свойств доказательств, их источников и способов получения (использования) этих материалов в целях достижения объективной истины по делу.* В законе при перечислении органов, оценивающих средства доказывания, прямо указаны «суд, прокурор, следователь и лицо, производящее дознание» (ст. 71 УПК РСФСР). Этим подчеркнута принципиальная важности положение, что средства доказывания на одинаковых началах оцениваются *всеми* государственными органами, ведущими уголовное судопроизводство, и во *всех* его стадиях. В прошлом спорный вопрос, вправе ли оценивать средства доказывания работник дознания, следователь, прокурор и суд кассационной или надзорной инстанции, теперь разрешен положительно и перестал быть дискуссионным. Если в отношении субъектов оценки средств доказывания и осталась некоторая неясность, то она касается других лиц — обвиняемого, его защитника, потерпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика, их представителей, общественного обвинителя и общественного защитника. Эти участники процесса законодателем не упомянуты непосредственно в числе лиц, оценивающих доказательства, их источники и способы получения (использования). Однако было

бы ошибкой делать отсюда вывод, будто они не могут входить в такую оценку. Закон специально выделяет лишь тех должностных лиц, которые не только вправе, но и *обязаны* оценивать все без исключения средства доказывания, имеющиеся по делу. На остальных субъектах подобная обязанность не лежит, оценка средств доказывания — их право. Пользуясь этим правом, они могут официально высказать свое суждение по поводу характера и значения любого свойства того или иного средства доказывания, и такое суждение не должно оставаться по делу без внимания.

Как и процессуальное доказывание в целом, оценка доказательств, их источников и способов получения (использования) основывается на тех же подлинно демократических началах, на которых построен весь советский уголовный процесс. Этим, однако, не исключается возможность конструирования специфической совокупности принципов, наиболее характерных для деятельности по оценке средств доказывания по уголовному делу.

В нашей юридической литературе общепринято считать, что эти принципы указаны в ст. 17 Основ уголовного судопроизводства и ст. 71 УПК РСФСР. Но их система и содержание все же трактуются по-разному. П. А. Лупинская, например, говорит только об одном принципе — об оценке доказательств по внутреннему убеждению²⁵⁴. По мнению И. И. Мухина, «основными принципами оценки доказательства являются: свободная, объективная, всесторонняя и полная оценка доказательств по их совокупности»²⁵⁵. И. Л. Петрухин выделяет три принципа, а именно оценку доказательств: а) свободно; б) объективно, всесторонне и полно; в) по их совокупности²⁵⁶. Между тем законодатель формулирует принципы оценки средств доказывания несколько иначе.

Закон предусматривает, что «суд, прокурор, следователь и лицо, производящее дознание, оценивают

²⁵⁴ См. «Уголовный процесс». Под ред. М. А. Чельцова. М., 1969, стр. 124, 126.

²⁵⁵ См. И. И. М у х и н. Объективная истина и вопросы оценки судебных доказательств при осуществлении правосудия. Л., 1971, стр. 135.

²⁵⁶ См. «Теория доказательств в советском уголовном процессе». Часть общая. М., 1966, стр. 340—342.

доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на всестороннем, полном и объективном рассмотрении всех обстоятельств дела в их совокупности, руководствуясь законом и социалистическим правосознанием» (ст. 17 Основ уголовного судопроизводства, ст. 71 УПК РСФСР). В этой норме четко выражены четыре взаимосвязанных требования, которые могут рассматриваться в качестве правовых принципов оценки средств процессуального доказывания.

Прежде всего, *все имеющиеся по делу средства дозвания оцениваются соответствующими лицами по их внутреннему убеждению*. Никакие доказательства и источники не имеют заранее установленной силы, при оценке их никто не связан формальными правилами, ограничивающими свободу суждения. Сила и весомость каждого доказательства и источника определяются не по каким-то внешним факторам, а по существу. Давая оценку фактическим данным и их источникам, каждый субъект доказывания действует самостоятельно, не связан мнением других участников процесса и не подчиняется постороннему влиянию. Единственной объективной основой вывода о доказанности или недоказанности искомого факта могут служить исследуемые по делу фактические данные и их источники, полученные и использованные по делу указанными в законе способами. В этом — неразрывная связь между субъективным фактором в оценке, каковым является внутреннее убеждение, и его объективной основой — фактическими данными и их источниками.

Это внутреннее убеждение не может противопоставляться тем объективным свойствам средств доказывания, методом оценки которых оно выступает. Был совершенно неправ А. Я. Вышинский, утверждая, что якобы «единственным мерилom доказательств новейшая теория справедливо признает не свойства этих доказательств, а единственно степень судейского убеждения»²⁵⁷. Такая «новейшая теория» лишена всякой научной основы. Роль любого средства доказывания по делу зависит именно от тех свойств, которыми оно обладает. Внутреннее же убеждение субъекта доказывания

²⁵⁷ См. А. Я. Вышинский. Курс уголовного процесса. М., 1927, стр. 103; «Революционная законность и задачи советской защиты». М., 1934, стр. 13.

служит методом оценки доказательств, их источников и способов получения (использования) как раз по реально присущим им свойствам, методом подхода к определению их характера и значения по делу. Противопоставление внутреннего убеждения реальным свойствам средств доказывания неизбежно ведет к отрыву его от объективного основания.

Представляется неоправданным и смешение оценки средств доказывания по внутреннему убеждению с принципом так называемой «свободной оценки доказательств»²⁵⁸. Этот принцип, получивший распространение в буржуазном уголовном процессе, по существу узаконяет безотчетность суда присяжных в выводах о доказанности или недоказанности фактов, освобождая его от обязанности привести какие-либо доводы и мотивы в подтверждение этих выводов. «Свобода оценки» здесь состоит в независимости от конкретных фактических данных и их объективных свойств, в возможности иррационального «убеждения по впечатлениям», окутанного неким мистическим туманом. Это признают сами буржуазные юристы, когда подчеркивают, что в буржуазном суде часто «оценка доказательств основывается... не на разборе их внутренней силы, а на непосредственном впечатлении присяжных, произведенном на них тем или другим показанием или личностью говорившего перед ними»²⁵⁹, что приговоры такого суда «строятся на показаниях, которые не связаны с существом дела, на данных из прошлого подсудимого и его репутации, на наружности подсудимого и его близких, на внешнем виде»²⁶⁰, что судьями «при решении вопроса о виновности применяются шаблоны» и «если трудное дело и плохое впечатление совмещаются, то это может быть пагубным для невиновного»²⁶¹.

²⁵⁸ Такое смешение встречается в работах: И. И. Мухомин. Объективная истина и некоторые вопросы оценки судебных доказательств при осуществлении правосудия. Л., 1971, стр. 135—136; «Теория доказательств в советском уголовном процессе». Часть общая. М., 1966, стр. 340 и др.

²⁵⁹ См. А. Ф. Кони. Избранные произведения, т. 2. М., 1959, стр. 491.

²⁶⁰ См.: Hentig H. von Probleme des Freispruchs beim Morde. Tubingen, 1957, S. 17, 18, 24.

²⁶¹ См.: Fitzgerald P. J. Criminal law and Punishment. Oxford, 1961, p. 161.

Ясно, что подобная «свобода оценки» не имеет ничего общего с нашим уголовным процессом. Предусматривая оценку средств доказывания по внутреннему убеждению, советский законодатель вводит совершенно другой правовой принцип, в котором субъективное органически сочетается с объективным.

Этот принцип дополняется требованием закона о том, чтобы при оценке средства доказывания были

взяты в их совокупности, все обстоятельства дела рассматривались всесторонне, полно и объективно. Не должно остаться без надлежащей оценки или оцениваться изолированно от других ни одно из средств доказывания, имеющихся по делу. Тщательной оценке одинаково подлежат *все* ценностные свойства и самих фактических данных, и их источников, и способов получения и использования. С учетом внутреннего содержания и характера этих свойств однозначно определяются объективные достоинства и значение по делу как каждого конкретного средства доказывания в отдельности, так и всех таких средств в совокупности. При этом не могут допускаться какие бы то ни было проявления односторонности, предвзятости и тенденциозности.

Данному принципу оценки средств доказывания Верховный Суд СССР придает исключительно важное значение. Он постоянно подчеркивает, что каждому делу надлежит обеспечить полноту, всесторонность и объективность в исследовании доказательств, оценивать все без исключения материалы и определять доброкачественность любого доказательства и источника с учетом всей совокупности конкретных обстоятельств²⁶². В тех случаях, когда по тому или иному делу органами следствия и суда какие-то данные оставлены без внимания или оценены односторонне, Верховный Суд СССР неуклонно отменяет или изменяет приговоры, указывая на недопустимость нарушения требований ст. 17 Основ уголовного судопроизводства²⁶³.

²⁶² См. «Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР. 1924—1963 гг.» М., 1964, стр. 150, 172; «Бюллетень Верховного Суда СССР», 1968, № 2, стр. 15, 29; 1969, № 6, стр. 14; 1970, № 5, стр. 36 и др.

²⁶³ См. «Бюллетень Верховного Суда СССР», 1964, № 5, стр. 39—41; 1966, № 5, стр. 26—27; 1972, № 2, стр. 19—21 и др.

Такой подход вполне понятен, ибо марксистская диалектика «запрещает именно изолированное, то есть одностороннее и уродливо искаженное, рассмотрение предмета»²⁶⁴. Только оценка различных средств доказывания в совокупности, производимая с полным, всесторонним и объективным учетом всех обстоятельств конкретного дела, способна привести к достоверным выводам, правильно отражающим реальную действительность.

Роль правового принципа играет и требование, чтобы *органы предварительного расследования, прокурор, суд и другие участники процесса при оценке средств доказывания неуклонно руководствовались законом*. Этот принцип по существу означает, что все указанные органы и лица при определении характера и значения любых ценностных свойств доказательств, их источников и способов получения (использования) должны исходить строго из правомерных предпосылок, положить в основу своих выводов и решений только фактические данные, которые обнаружены, зафиксированы, проверены и оценены в предусмотренном законом порядке, и использовать их для подтверждения тех фактов и обстоятельств, которые очерчены в законе. Действующее советское уголовно-процессуальное законодательство подробно регламентирует все существенные моменты доказывания по делу, направляя эту деятельность на достижение объективной истины. Неуклонное соблюдение каждого предписания законодателя является важнейшим условием правильной оценки средства доказывания, достоверного познания всех обстоятельств того или иного дела.

Наконец, в основе оценки средств процессуального доказывания лежит и *правовое требование, чтобы соответствующие органы и лица руководствовались при этом также социалистическим правосознанием*, т. е. совокупностью укоренившихся в советском обществе правовых взглядов, идей, представлений относительно основных начал, целей, существа и назначения права, его отдельных институтов, законности и правопорядка. В оценке средств доказывания велика роль и общественного

²⁶⁴ В. И. Ленин. Поли. собр. соч., т. 26, стр. 241.

и индивидуального правосознания²⁶⁵. Они не только создают ту духовно-правовую атмосферу, в которой осуществляется доказывание в целом, но и выступают как активный регулятор поведения его субъектов, оказывая на них определенное идеологическое и психологическое воздействие. Социалистическое правосознание помогает проникнуть в суть закона и регулируемых им общественных отношений, найти наиболее оптимальный подход к установлению тех или иных фактов и обстоятельств, понять их существо и дать им единственно правильную оценку. Оно, по образному выражению Н. Н. Полянского, требует оценивать доказательства, не глядя на лица, быть верным «...принципу равенства всех граждан перед судом независимо от социальной, имущественного и служебного положения, национальной и расовой принадлежности», «требует верить таким доказательствам, которые объективно наиболее убедительны»²⁶⁶.

При оценке средств доказывания недопустимо какое-либо противопоставление правосознания закону, поскольку правосознание должно опираться на закон, на действующее советское право.

Отмеченные выше правовые требования, предъявляемые законодателем к оценке средств доказывания, тесно переплетаются между собой и органически дополняют друг друга. Тем не менее каждое из них имеет специфический смысл и назначение, придающее ему относительную самостоятельность. Поэтому они и должны рассматриваться как четыре взаимосвязанных *принципа* оценки средств процессуального доказывания.

Эти принципы, на наш взгляд, должны применяться на всех этапах судопроизводства и всеми лицами, выступающими в роли субъекта доказывания. Нельзя признать успешной попытку ограничить их действие, распространяя отдельные принципы оценки средств доказывания только на государственные органы, ведущие процессуальную деятельность, или лишь на завершающую

²⁶⁵ о содержании и соотношении общественного и индивидуального правосознания подробнее см.: И. Ф. Покровский. Формирование правосознания личности. Автореферат докторской диссертации. Л., 1971, стр. 7—12.

²⁶⁶ Н. Н. Полянский. Вопросы теории советского уголовного процесса. М., 1956, стр. 170, 172.

степень судебного разбирательства дела. Такое стремление мотивируется тем, что якобы остальные участники процесса не обязаны при оценке средств доказывания быть объективными, руководствоваться законом и прислушиваться к голосу социалистического правосознания²⁶⁷, что об оценке этих средств в совокупности целесообразно говорить только применительно к совещательной комнате при постановлении приговора²⁶⁸. Эти доводы, однако, недостаточно убедительны.

В ходе оценки средств доказывания ни одно лицо не вправе игнорировать конкретные обстоятельства дела, закон и социалистическое правосознание. Если обвиняемый, защитник, потерпевший или другой участник судопроизводства под видом оценки средств доказывания занимается преднамеренным извращением их объективных свойств, закона и социалистического правосознания, то речь должна идти о неправомерных действиях, а отнюдь не об исключениях из принципов правовой деятельности. Указанные лица могут ограничиться оценкой лишь некоторых доказательств и источников, подойти к определению их свойств с точки зрения своих процессуальных интересов и дать им даже неверное истолкование, однако они не вправе рассчитывать на официальное закрепление за ними коренных изъятий из общих принципов оценки средств доказывания, установленных законодателем. Иное решение вопроса противоречило бы важнейшей директивной установке, что «уважение к праву, к закону должно стать личным убеждением каждого человека»²⁶⁹.

Кроме того, оценка средств доказывания осуществляется непрерывно на всех этапах движения дела, и на любом из этих этапов определяются ценностные свойства как каждого отдельного доказательства и источника, так и всей совокупности имеющихся к данному моменту средств доказывания. Хотя окончательная оценка всех этих средств судом в совещательной комнате не растворяется

²⁶⁷ «Теория доказательств в советском уголовном процессе». Часть общая. М., 1966, стр. 346.

²⁶⁸ См. Л. Т. Ульянова. Оценка доказательств судом первой инстанции. М., 1959, стр. 82—83.

²⁶⁹ См. Отчетный доклад Центрального Комитета КПСС XXIV съезду Коммунистической партии Советского Союза.— «Материалы XXIV съезда КПСС». М., 1971, стр. 81.

в этом непрерывном процессе, она и не заменяет его.

Это не означает, что в различных стадиях судопроизводства и для отдельных субъектов доказывания не существует никаких особенностей оценки доказательств, их источников и способов получения (использования). Такие особенности неизбежны, что справедливо отмечается в работах ряда советских юристов²⁷⁰. Но они связаны не с общими принципами оценки средств доказывания, а с другими факторами — с непосредственными задачами отдельных стадий процесса, с той ролью, какую в этой оценке выполняют те или иные субъекты доказывания, с характером выводов, которые ими могут быть сделаны по делу, и с вытекающими отсюда юридическими последствиями.

§ 2. Особенности оценки отдельных видов средств процессуального доказывания

Как уже указывалось, по каждому конкретному делу оценке подлежат все виды средств процессуального доказывания, т. е. и сами доказательства, и их источники, и способы получения и использования доказательств.

Оценить доказательства — значит определить конкретность, внутреннюю согласованность и доброкачественность имеющихся сведений о фактах, их способность подтверждать эти факты, достоверность доказательственных фактов и приобщенных к делу материальных следов содеянного, их относимость к делу и достаточность всей совокупности проверенных фактических данных (сведений о фактах, доказательственных фактов и материальных следов) для достижения объективной истины. При этом четко решается, насколько достоверны представленные (собранные) в качестве доказательств фактические данные, в какой мере они связаны между собой и с расследуемым по делу деянием и какие

²⁷⁰ См. П. А. Л у п и н с к а я. Доказывание в советском уголовном процессе. М., 1966, стр. 48—82; Ц. М. К а з. Субъекты доказывания в советском уголовном процессе. Саратов, 1968, стр. 35—67; В. Д. Арсеньев. Доказывание фактических обстоятельств дела в отдельных стадиях советского уголовного процесса.— «Вопросы борьбы с преступностью по советскому законодательству». Иркутск, 1969, стр. 7—151 и т. д.

конкретные выводы могут быть сделаны из этих доказательств — из каждого в отдельности и из всей совокупности. На этой основе точно определяется значение имеющихся доказательств для признания наличия или отсутствия обстоятельств, подлежащих доказыванию, и для раскрытия их существа.

Приступая к оценке доказательств по делу, следует прежде всего иметь в виду, что наличие в деле тех или иных процессуальных источников само по себе еще не говорит о наличии доказательств. Судебными доказательствами являются не показания допрошенных людей сами по себе, не документы или заключения как таковые, а те конкретные фактические данные, которые в них содержатся. Соответственно этому необходимо каждый источник детально анализировать с целью выяснения, какие конкретные сведения в нем содержатся и какой именно факт может ими подтверждаться. Если в источнике нет таких сведений, отсутствует и доказательство. Например, обвиняемый Тужинов, привлеченный к уголовной ответственности за совершение злостного хулиганства на железнодорожной станции, на допросе показывал: «Вину свою признаю. В тот день провожал друзей в армию. Вместе с ними много выпил. Пошел провожать их на вокзал, но сильно опьянел, потерял сознание. Больше ничего не помню. Совершал ли хулиганские действия, сказать ничего не могу». В этом показании содержатся сведения только о факте выпивки и появлении в нетрезвом виде на станции, никаких других конкретных данных, которые могли бы рассматриваться в качестве доказательства хулиганских действий, нет.

При оценке доказательств очень важно отличать и общее мнение от конкретного сведения о факте, рассуждения от доказательств. Когда свидетель утверждает, что «заведующий магазином гулял и выпивал, жил на широкую ногу и поэтому допустил большую недостачу», и при этом ссылается на два случая выпивки, лишь сведения об этих конкретных фактах служат доказательством. Если допрашиваемый заявляет, что «обвиняемый настоящий хулиган, об этом знают все, но сам ничего определенного не видел», то в этом показании доказательства отсутствуют вообще. Не отличать такие общие рассуждения и «личные мнения» от конкретных сведений о

фактах — значит допустить серьезную ошибку в доказывании.

Сведения о фактах нельзя также смешивать с предположениями и догадками, которые могут встречаться в некоторых источниках доказательств. Так, по делу Айдуллина, преданного суду за хищение колхозного сена и насилие над охранником, потерпевший Х. говорил: «На меня напали неожиданно, точно не знаю, кто это сделал. Кажется Айдуллин, но почти не узнал его», а свидетель Б. показывал: «На другой день после хищения охранник сказал мне, что человек, напавший на него, был похож на Айдуллина». По делу Мусина, привлеченного к ответственности по ч. 2 ст. 211 УК РСФСР за грубое нарушение правил безопасности движения, эксперт дал заключение, что «выезд автомобиля обвиняемого Мусина на проезжую часть встречного направления мог, возможно, произойти: либо в результате нарушения координации движения, либо вследствие неверной оценки кривизны дороги, либо по другим причинам. Предполагаю, что нельзя признать выезд на левую сторону лишь результатом потери ориентации после ослепления». В подобных источниках есть предположения, догадки, но нет конкретных фактических данных, нет судебных доказательств. На это неоднократно обращал внимание Верховный Суд СССР²⁷¹.

При оценке доказательств нельзя также отождествлять сведения о фактах, содержащиеся в том или ином процессуальном источнике, с самими реальными фактами. Органы следствия и суда порою располагают определенными сведениями об искомом факте, однако в ходе проверки и оценки эти сведения оказываются недостоверными, а сам искомый факт — не существующим в объективной действительности. Если, к примеру, потерпевший утверждает, что в момент нападения на него обвиняемый держал в руке финский нож, то это еще не означает, что факт наличия такого ножа у виновного уже установлен, поскольку сообщаемые допрошенным лицом сведения могут быть неточными, ошибочными или ложными. В судебной практике не так уж редки случаи, когда

²⁷¹ См. «Бюллетень Верховного Суда СССР», 1960, № 5, стр. 17; 1966, № 5, стр. 29—32; 1967, № 4, стр. 15—16; 1972, № 2, стр. 34—36; 1975, № 2, стр. 39—40 и др.

оказываются неверными даже сведения, содержащиеся в показаниях обвиняемого по поводу якобы совершенного им тяжкого преступления. В одном из районов Татарской АССР, например, был привлечен к уголовной ответственности некий Антошин, который признал себя виновным в умышленном убийстве своего зятя Г. и подробно излагал в своих показаниях, как, где, когда и при каких обстоятельствах совершалось им данное деяние. Однако в судебном заседании выяснилось, что сообщаемые подсудимым сведения не соответствуют действительности, убийство совершено другим лицом — сыном Антошина, вину которого подсудимый стремился взять на себя. Одной из основных причин ошибки органов предварительного расследования по этому делу являлось как раз смешение сведений о фактах с самими реальными фактами, недостаточное внимание к оценке доброкачественности этих сведений. При оценке доказательств необходимо всегда исходить из того, что любые фактические данные, почерпнутые из любого процессуального источника, нуждаются в тщательной проверке и объективной оценке прежде всего с точки зрения их доброкачественности.

Известны различные формы определения доброкачественности судебных доказательств. Это, в первую очередь, детальный анализ их внутреннего содержания, систематизация составляющих то или иное доказательство фактических данных, сопоставление их друг с другом, выяснение их логичности и согласованности. Это, далее, сравнение каждого отдельного доказательства с другими фактическими данными, содержащимися в остальных процессуальных источниках, а равно со всеми установленными по делу объективными обстоятельствами. Это, наконец, отыскание новых материалов, позволяющих судить о доброкачественности или недоброкачественности оцениваемого доказательства. Все эти формы и методы применяются параллельно, с учетом специфики доказательства и стадии судопроизводства.

Так, по делу, возбужденному по факту избиения престарелой Григорьевой, которая на другой день после этого скончалась, эксперт дал заключение «Причиненные Григорьевой телесные повреждения относятся к категории менее тяжких. Они состоят в причинной связи со смертью потерпевшей. Смерть насильственная».

Эти выводы внутренне противоречивы, поскольку телесные повреждения, находящиеся в причинной связи со смертью потерпевшего, не могут считаться менее тяжкими. Они, кроме того, не соответствовали исходным данным эксперта, который в описательной части своего заключения констатировал, что у потерпевшей «сломаны пальцы и кисти обеих рук, серьезно повреждены 15 ребер, на теле имеются многочисленные ссадины и следы булавочных уколов». Сама обвиняемая Прыжкова тоже подтверждала, что она «была в нетрезвом состоянии, разлилась на Григорьеву из-за водки, ударом свалила ее, скрутила руки, перевернула лицом вверх, пнула ботинками по туловищу и переносице носа, топтала грудь, колола булавкой шею до тех пор, пока эта старушка не потеряла сознание». Все эти данные тоже не согласовывались с выводами эксперта и говорили об их недоброкачественности.

Если фактические данные, содержащиеся в том или ином процессуальном источнике, внутренне противоречивы, не согласуются с остальными доказательствами и объективными обстоятельствами дела, они не могут быть признаны доброкачественными, пока существенные противоречия не устранены. Верховный Суд СССР неизменно стоит на той точке зрения, что обвинение «не может считаться доказанным, если оно основано на неконкретных, противоречивых показаниях», «противоречивые данные, собранные по делу, не могут быть признаны доказательством виновности», является недостоверным вывод, основанный «на противоречивых показаниях свидетелей», нельзя признать правильным вывод о виновности, построенный «на противоречивых показаниях потерпевшей, не подтвержденных другими материалами дела»²⁷² и т. д.

В то же время следует учесть, что не всякие противоречия в тех или иных фактических данных свидетельствуют об их недоброкачественности. В некоторых доказательствах могут быть неверны детали или, как говорил А. Ф. Кони, «архитектурные украшения», их можно отбросить, но тем не менее остается «тот камень, фундамент».

²⁷² См. «Бюллетень Верховного Суда СССР», 1968, № 1, стр. 22; 1970, № 1, стр. 31; 1970, № 4, стр. 21; 1972, № 2, стр. 28—29 и др.

который пригоден для достоверного вывода²⁷³. Верховный Суд СССР всегда требует тщательно анализировать характер возможных в доказательстве противоречий, подчеркивая, что не каждое противоречие связано с недоброкачеством доказательства в целом. По делу Гуппоева, например, Пленум Верховного Суда СССР отметил, что «противоречия в показаниях несовершеннолетней потерпевшей, касающиеся второстепенных и несущественных деталей происшествия, не могут иметь решающего значения при оценке главного факта— было ли совершено над ней насилие, если этот факт подтверждается совокупностью других доказательств по делу»²⁷⁴. Это вполне правильно, ибо противоречия в некоторых частностях, объяснимые специфическими условиями восприятия и возрастными особенностями носителя информации или другими объективными обстоятельствами, недостаточны для вывода о недоброкачестве доказательства в целом. Следует строго различать, какие из фактических данных, содержащихся в том или ином источнике доказательств, противоречивы, а какие внутренне взаимосвязаны, логичны и согласуются с другими обстоятельствами дела. Когда есть противоречия в какой-то части фактических данных, необходимо выяснить, чем они вызваны и насколько существенны. Только при этом условии возможно правильное определение доброкачества доказательства по делу.

Признание доказательства доброкачественным еще не означает завершения его оценки. Не менее важно определить относимость доказательства, его конкретное значение по делу и достаточность для того или другого вывода. Это не представляет значительной трудности при оценке прямого доказательства, поскольку им подтверждается непосредственно главный факт. Вопрос решается сложнее, когда доказательство используется для установления остальных обстоятельств дела, особенно побочных фактов. Последние, как известно, образуют лишь промежуточное звено в доказывании, их относимость и точная роль по делу, а равно их достаточность для

²⁷³ См. А. Ф. К о н и . Избранные произведения, т. 1. М., 1959, стр.

216.²⁷⁴ См. «Бюллетень Верховного Суда СССР», 1968, № 2, стр. 17—19.

однозначного вывода не сразу ясны. Они сами нуждаются в дальнейшей оценке в плане выявления форм их связей с главным фактом и уточнения конкретной роли по делу. Для этого надлежит тщательно анализировать свойства побочных фактов, сопоставляя их между собой, с прямыми доказательствами и с другими обстоятельствами дела.

Так, 8 октября 1971 года в одном из районов Татарской АССР произошло столкновение рейсового автобуса ПАЗ-652 с грузовиком ЗИЛ-164 с прицепом; вследствие того, что автобус оказался на 34 сантиметра левее оси дороги, он ударился об угол железного борта кузова прицепа и одна его сторона была снесена вместе с несколькими пассажирами. Объясняя причину происшествия, шофер автобуса Енушин утверждал, что когда оставалось около двух метров до встречного грузовика автобус произвольно взял резко влево, повернуть его рулем вправо не представлялось возможным, так как неожиданно поломались левые передние рессоры машины. По этому делу для правильного решения вопроса о виновности и степени ответственности Енушина было очень важно определить, действительно ли имел место факт поломки рессор, имеет ли он прямое отношение к происшествию и, если да, какова конкретная его роль в случившемся. Другими словами, следовало оценить доброкачественность и относимость к делу определенного доказательственного факта, а равно его достаточность для вывода о причине происшествия. Для этого он сопоставлялся с остальными данными и обстоятельствами дела. Эксперты, в частности, указывали, что если бы произошло именно то, о чем утверждает Енушин, автобус должен был произвести лобовой удар в корпус грузовика, а не касательный удар по боку машины, как это случилось в действительности. Автodorожная экспертиза дала заключение, что «при отмеченной поломке автобус оставался управляемым, так как подкоренной лист рессоры был цел и автобус не просел». Из протокола технического осмотра автобуса явствовало, что нет никаких следов прикосновения левого колеса об крыло автобуса, хотя такое касание было совершенно неизбежно, если бы вследствие поломки рессоры левое крыло машины село на колесо. Все эти объективные данные не оставляли сомнения в том, что сообщаемое обвиняемым

Енушиным обстоятельство является недостоверным, прямого отношения к содеянному оно не имеет, на действительную причину происшествия не указывает.

Оценка с точки зрения доброкачественности, относимости к делу и достаточности для определенного вывода должна производиться и в части материальных следов, имеющихся на приобщенных к делу вещественных источников. Эти следы тоже могут быть доброкачественными или недоброкачественными, достоверными или ложными, относящимися к делу или не относящимися, достаточными для подтверждения конкретного обстоятельства или недостаточными. Для определения таких свойств материальных следов содеянного применяются те же приемы, при помощи которых оцениваются другие доказательства.

Оценка доказательств по конкретному делу завершается определением достаточности всей совокупности собранных и исследованных фактических данных (сведений о фактах, доказательственных фактов и материальных следов) для достоверного вывода о каждом обстоятельстве предмета доказывания и полного уяснения тех его свойств, установление которых требуется для выполнения задач судопроизводства. На этом этапе происходит преимущественно логическая обработка фактической информации в соответствии с законами мышления. Особое значение при этом имеет диалектический метод, требующий применения логических правил на базе конкретного анализа исследуемых явлений, изучения этих явлений не в отрыве друг от друга, не изолированно от других сторон внешнего мира, а с учетом всей сложности реальной действительности, в связи с остальными обстоятельствами и имея в виду возможные их изменения. Лишь такая совокупная оценка всех доказательственных данных с учетом различных их сторон, особенностей, «переходов» и противоречий может обеспечить установление объективной истины.

Оценка источников судебных доказательств тоже многогранна. Она выражается в определении их допустимости, доброкачественности, полноты и достаточности для достижения требуемых пределов доказывания по делу.

В советском уголовном процессе допустимы только источники фактических данных, указанные в законе (ст. 69 УПК, РСФСР). Другие средства осведомления (слухи,

анонимные письма, телефонные звонки и др.) источником доказательств не признаются. Поступившие таким путем сведения могут служить ориентирующим материалом, но не судебным доказательством.

Оперативно-розыскные средства, которые могут быть в распоряжении органов дознания, сами по себе тоже не допустимы в качестве судебных доказательств. Нельзя согласиться с мнением, что «фактические данные оперативного порядка, которые стали известны из не процессуальных источников, не могут априорно не считаться доказательствами». В обоснование такого взгляда приводится тот аргумент, что «никакие доказательства не имеют в процессе доказывания заранее установленной силы» и «если эти данные объективно существовали», то «не перестанут быть фактами оттого, что источник их происхождения непроцессуальный»²⁷⁵. Между тем этот довод, сам по себе правильный, не говорит в пользу допущения в уголовном судопроизводстве источников доказательств, не предусмотренных в законе. Верно то, что никакие доказательства не имеют заранее установленной силы и подлежат в одинаковой степени проверке и оценке. Однако же любые фактические данные признаются доказательствами только в случае, если они взяты из указанных в законе источников. Пока нет такого источника, нет и судебного доказательства, и потому нельзя говорить о доказательственной силе сведений, взятых из непроцессуальных источников. Иначе мы перевернули бы вопрос вверх ногами: решали бы допустимость того или иного источника в зависимости не от того, предусмотрен он в процессуальном законодательстве или нет, а от того, может ли данный материал иметь какое-либо значение по делу. Это привело бы к смешению судебных доказательств с любым информационным материалом, к подмене доказательств всевозможными сведениями, если даже они почерпнуты из источников, которые по закону в качестве источника судебного доказательства фигурировать не могут.

Сказанное выше не означает, что фактические данные, связанные с оперативно-розыскной работой, ни при

²⁷⁵ Г. И. К о ч а р о в. Вопрос о доказательственном значении объектов, полученных непроцессуальным путем.— «Практика применения нового уголовно-процессуального законодательства». М, 1962, стр. 41.

каких условиях не могут стать доказательствами по делу. Когда они доступны для надлежащего процессуального оформления, положение меняется. Например, по делу Колотковой, которая летом 1970 года занималась незаконной продажей за наличный расчет бензина с Казанской перевалочной нефтебазы и присвоением вырученных денег, в качестве источников доказательств фигурировали показания трех оперативных работников милиции, зафиксировавших более 90 случаев такой продажи, официальное представление ими записи номеров машин покупателей бензина и киноплёнки, отражающие многочисленные факты купли-продажи бензина. Но здесь речь идет уже о процессуальных источниках — о показаниях надлежащим образом допрошенных по делу свидетелей, о приобщенных к делу официальных документов. т. д. Смешивать их с сугубо оперативными или иными не процессуальными средствами было бы неверно. Не допускается в качестве источника судебного доказательства и непосредственное наблюдение за поведением допрашиваемого лица, позволяющее следователю (судьям) заметить некоторые данные психологического порядка. Эти данные процессуально нигде не фиксируются, проверять и оценивать их подлинный смысл не представляется возможным. По справедливому замечанию А. Ф. Кони, «если мы будем определять достоверность показания тем, как человек говорит, как он держит себя на суде, то очень часто примем показания вполне достоверные за ложные и, наоборот, примем оболочку показания за его сущность»²⁷⁶.

При оценке доброкачественности источника доказательств учитываются оба его компонента — и процессуальная форма получения (использования) и носитель фактической информации. Недоброкачественен источник, который хотя в принципе и предусмотрен в законе, однако по данному делу надлежащим образом процессуально не оформлен. Если, скажем, в деле есть предметы со следами содеянного, приобщенные без осмотра, подробного описания в протоколе и соответствующего постановления (ст. 84 УПК РСФСР), они не могут считаться доброкачественным источником доказательств. Показание подсудимого, которое не зафиксировано в протоколе

²⁷⁶ А. Ф. Кони, Избранные произведения, т. 1. М., 1959, стр. 216.

судебного заседания, теряет значение источника доказательства и т. д. Это вполне понятно, ибо установленная законом процессуальная форма — неотъемлемый атрибут всякого источника судебных доказательств, служащий важной гарантией их достоверности.

Доброкачественность источника доказательства зависит также от способности носителя фактической информации правильно воспринять, сохранить и воспроизвести соответствующие фактические данные. Свойство предмета терять или искажать оставшиеся на нем материальные следы, слишком малолетний возраст свидетеля, умственная отсталость потерпевшего и другие изъяны носителя информации нередко влияют на качество источника доказательства. По делу Ганина, например, в основу обвинения в изнасиловании были положены главным образом показания потерпевшей Хукбулиной и ее сестры К., которая знала об обстоятельствах дела только со слов потерпевшей. Последняя страдала психическим недугом и была умственно отсталой. Эксперты дали заключение, что «потерпевшая Хукбулина является дебилом, способна правильно воспринимать и воспроизвести простые случаи, но не может сознать характер и последствия известных фактов». Это по существу означало, что показания потерпевшей, а равно данные с ее слов показания свидетеля К., пригодны только для подтверждения самого факта полового сношения, а не для опровержения утверждения обвиняемого Ганина о добровольном характере такого акта.

Характеристика личных источников доказательств связана и с такими факторами, как отношение носителя информации к делу, черты его психики и моральный облик, психологическое состояние в момент происшествия, условия и длительность наблюдения, давность события, его особенности и др.

Показания свидетелей, потерпевших, подозреваемых и обвиняемых всегда являются результатом сложного психологического процесса восприятия, запоминания и воспроизведения фактов или сведений о них, происходящих под воздействием множества различных факторов. Точность и полнота восприятия, например, зависят от места, времени, обстановки и характера происшествия, от условий и продолжительности наблюдения, от состояния здоровья, в частности, состояния психики и органов

чувств данного лица; от его возраста, жизненного опыта, профессии, индивидуальных интересов, наблюдательности и т. д.

На запоминание воспринятой информации влияют уровень общего развития и состояние памяти, природа информации, наличие (отсутствие) к ней интереса, частота мысленного возвращения и ряд других обстоятельств.

Конкретность и подробность воспроизведения фактической информации, сохранившейся в памяти, находятся в зависимости от понимания лицом важности своих показаний, от его отношения к делу и заинтересованности в нем, от умения выражать мысли, степени развития речи, от обстановки и тактики допроса или очной ставки.

Без всестороннего учета всех подобных факторов, способных положительно либо отрицательно сказаться на качестве показаний допрошенного лица, нельзя правильно оценить личные источники доказательств.

Неконкретность, неполнота и некоторая противоречивость сведений, сообщаемых на допросе или на очной ставке, могут быть обусловлены различными причинами. Нередко они устраняются путем повторного допроса, когда лицо вспоминает забытую информацию, обнаруживает ранее невыявленные «сбережения» памяти и более точно восстанавливает известные ему обстоятельства дела.

В случае изменения лицом своих показаний следует выяснить причины, обращая особое внимание на возможность давления на него со стороны обвиняемого, его близких или других лиц. Установление этих причин помогает решить, какие из показаний доброкачественны.

Если в показаниях содержится недостоверная информация, важно определить, результатом чего — ошибки или намеренного искажения истины — это является. Добросовестное заблуждение может быть вызвано неблагоприятными условиями восприятия фактов, односторонним отношением к ним, склонностью к фантазированию, физическими или психическими недостатками лица, внушением и т. п.

Заведомо ложные показания также всегда обусловлены конкретными мотивами, такими, как стремление

выгородить виновного, месть, страх, круговая порука, личная заинтересованность, корысть, стыд и др. Выявление этих мотивов необходимо как для получения от свидетеля правдивого покаяния, так и для решения вопроса об ответственности за дачу заведомо ложных показаний.

Некоторые особенности имеет *оценка показаний малолетних*. Уровень общего развития подростка, склонность детей к домыслам, их чрезмерная внушаемость и неумение излагать свои мысли в определенной логической последовательности могут неблагоприятно влиять на их показания. Но в то же время особая наблюдательность детей, их непосредственность подчас способствуют получению от них особо важных сведений по делу. Учет этих сильных и слабых сторон показаний малолетних — залог их правильной оценки.

Применительно к таким источникам доказательств, как заключение эксперта, акты медицинского освидетельствования, материалы ревизии и т. д., важное значение имеют степень квалификации и компетентность соответствующего лица, обоснованность примененного им метода исследования, достоверность его исходных положений и др.

Соответственно этому при оценке заключения эксперта, например, необходимо определить, соблюдены ли требуемые условия производства экспертизы и насколько апробированы те научные и иные отправные положения, которыми эксперт руководствовался. Затем тщательно уясняются ход и последовательность проведенного экспертом исследования, выявленные им фактические данные и их существенные свойства (признаки, связи), а равно их конкретное значение для установления наличия или отсутствия искомых фактов. Эти данные, по возможности, сравниваются с реальными объектами экспертного исследования (документы, образцы, вещи и т. п.) и определяется их доброкачественность. Оценивается достаточность экспертных данных, не вызывающих сомнения, для тех выводов, которые им сделаны в заключении. Эти выводы сопоставляются с другими доказательствами и их источниками, собранными по делу. Выясняется полнота экспертных выводов и их отношение к тем или иным обстоятельствам

предмета доказывания. Только тогда возможна правильная оценка всего заключения в целом.

В случае недостаточной ясности или неполноты заключения может быть назначена дополнительная экспертиза, поручаемая тому же или другому специалисту. Когда же заключение признается недоброкачественным ввиду недостаточной компетентности эксперта, необоснованности его выводов или других зависящих от него причин, должна назначаться *повторная* экспертиза, которая поручается обязательно другим специалистам (ст. 81 УПК РСФСР).

Заключения лиц, проводивших дополнительную или повторную экспертизу, должны удовлетворять тем же требованиям, которые предъявляются ко всем таким источникам доказательств. Без тщательного учета отмеченных выше свойств этих источников доказательств невозможно оценить их доброкачественность.

Оценка полноты источников фактических данных выражается в определении того, исследованы ли по делу все требуемые и доступные процессуальные источники и содержатся ли в каждом из них все возможные сведения об искомых фактах. Так, отсутствие в деле обнаруженных на месте происшествия объектов со следами содеянного, протокола технического осмотра автомашины, акта вскрытия трупа и личных документов потерпевшего говорит о неполноте собранных источников доказательств по делу, возбужденному по ч. 2 ст. 211 У К РСФСР. Отсутствие в заключении эксперта выводов по ряду поставленных перед ним вопросов свидетельствует о неполноте данного источника доказательств. Отсутствие в характеристике личности обвиняемого конкретных данных о его достоинствах и недостатках позволяет судить о неполноте этого документа. Отсутствие в протоколе осмотра оружия таких сведений, как вид оружия, его система (модель) и калибр, количество и направление нарезов в канале ствола, наличие на поверхности оружия каких-либо следов, повреждений или признаков ремонта, положение курка, количество патронов в магазине, состояние канала ствола, наличие запаха сгоревшего пороха и т. д., говорит о неполноте этого источника доказательств.

Оценка источников любых судебных доказательств будет неполной и неполноценной, если не обращать

внимания на все их подобные свойства. Этот момент подчеркивается и Верховным Судом СССР. По делу Быстрова, в частности, Пленум Верховного Суда СССР специально отметил, что «рассмотрение дела об убийстве без судебно-медицинского исследования трупа допустимо лишь в исключительных случаях, когда невозможно обнаружить труп»²⁷⁷.

Наконец, оценка достаточности источников доказательств заключается в решении, обеспечивают ли все имеющиеся по делу процессуальные источники фактических данных в совокупности и каждый из них в отдельности достоверность познания обстоятельств дела, истинность выводов. При этом следует учесть, что в советском уголовном процессе для подтверждения некоторых фактов нужны определенные источники доказательств. Ст. 79 УПК РСФСР перечисляет обстоятельства, для выяснения которых обязательно заключение экспертов. Кроме того, судебная практика придерживается требования, чтобы прежняя судимость лица, фактический срок отбытой части наказания, основание освобождения от наказания и досрочное снятие судимости подтверждались приобщенными к делу копиями соответствующих судебных приговоров, определений или постановлений²⁷⁸. В подобных случаях оценка достаточности имеющихся в деле источников доказательств производится с учетом наличия таких, специально оговоренных процессуальных источников, ибо этим создаются дополнительные гарантии достоверности познания в уголовном судопроизводстве.

Оценка способов получения и использования доказательств выражается в определении того, J предусмотрены ли все действия, предпринятые по делу субъектами доказывания, процессуальным законодательством, совершены ли они доброкачественно и соблюдался ли при этом установленный законом процессуальный порядок.

Советский законодатель предусматривает достаточно разнообразные и эффективные способы получения и использования судебных доказательств. Они прямо указаны в ряде норм закона, прежде всего в ст. ст. 46, 52, 70,

²⁷⁷ «Бюллетень Верховного Суда СССР», 1971, № 5, стр. 18.

²⁷⁸ См. «Бюллетень Верховного Суда СССР», 1963, № 4, стр. 18; 1970, № 3, стр. 15—18.

109, 223, 280, 281, 286, 292, 338, 414—415 УПК РСФСР. Никакие другие, кроме названных в законе, способы оперирования доказательствами не могут выступать в качестве правомерных действий, посредством которых осуществляется процессуальное доказывание. Поэтому при оценке любого способа получения и использования доказательств надо в первую очередь выяснить, предусмотрен ли он в законе. Если окажется, что по делу каким-то образом использован способ, не предусмотренный в законе, то материалы, полученные при помощи такого действия, теряют доказательственное значение.

Важное значение имеет и определение того, насколько качественно совершено то процессуальное действие, которое применено для получения и исследования доказательств, а равно для обоснования выводов по делу. Юридической наукой и практикой выработаны многочисленные рекомендации, соблюдение которых способствует качественному выполнению следственных и иных процессуальных действий в ходе доказывания по делу. Хотя не всякое несоблюдение таких организационных, тактических и методических рекомендаций может расцениваться как процессуальное нарушение, тем не менее оно отрицательно скажется на качестве доказывания. По делу, допустим, произведен осмотр места происшествия, однако сделано это недостаточно квалифицированно. Предметы, сохранившие материальные следы содеянного, обнаружены и в установленном законом порядке приобщены к делу, но плохо упакованы и из-за этого потеряли некоторые свои свойства и т. д. Без оценки этой стороны способов получения и использования фактических данных в ряде случаев нельзя иметь полное представление о качестве самих судебных доказательств и их источников.

При оценке этих способов надлежит также определить, соблюдался ли точно указанный в законе процессуальный порядок производства соответствующего процессуального действия. В практике встречаются случаи, когда допускаются существенные нарушения этого порядка. По делу Леготина, например, Пленум Верховного Суда СССР отметил, что «с нарушением закона было произведено опознание... еще до официального предъявления Леготина для опознания следователь привел его в числе трех мужчин в больницу под окно палаты, в

которой находилась потерпевшая. Последняя, посмотрев этих лиц через окно и указав на Леготина, сказала, что он немножко похож на того «дядю», который сделал ей больно, но оговорилась, что «у «дяди» ...были большие волосы». По делу Рубинова Судебная коллегия Верховного Суда СССР подчеркнула, что «выводы комплексной экспертизы и данные следственного эксперимента нельзя признать обоснованными прежде всего потому, что при их проведении были допущены существенные нарушения уголовно-процессуального закона». По делу Данилова Верховный Суд РСФСР обнаружил, что опознание произведено с грубым нарушением закона, «до опознания обвиняемого Данилова потерпевшей Л. в органах следствия он был ей показан работниками больницы. Причем мысль о внешнем сходстве Данилова с насильником впервые была высказана работниками больницы». По делу Сивирского Пленум Верховного Суда СССР отметил, что показания обвиняемого были «добыты в результате применения неправильных методов следствия»²⁷⁹. Известны факты, когда опознание личности производится в ходе допроса свидетеля или потерпевшего, не приобщаются к делу или неправильно оформляются обнаруженные при следственном осмотре предметы со следами содеянного, в качестве эксперта назначается специалист, принимавший участие в следственных действиях²⁸⁰ и т. д. При оценке способов получения и использования доказательств такие нарушения должны быть выявлены, поскольку они влекут за собой потерю доказательственной силы соответствующих материалов.

На эти аспекты оценки средств доказывания порою обращается мало внимания. Между тем отмеченные выше нарушения носят довольно распространенный характер. В книге «Каждое убийство может и должно быть раскрыто» (М., 1965, стр. 14—19) справедливо указывалось, что даже по делам об убийствах в 2,5% случаев вообще не проводились осмотры места происшествия, в 77% случаев они производились несвоевременно,

²⁷⁹ См. «Бюллетень Верховного Суда СССР», 1965, № 3, стр. 27—29; 1966, № 5, стр. 26—29; 1972, № 1, стр. 29.

²⁸⁰ См. «Бюллетень Верховного Суда СССР», 1972, № 1, стр. 28—30.

в 27% случаев оставалась без внимания территория, окружающая место происшествия, в 17% случаев на месте не осуществлялся наружный осмотр трупа, в 65% случаев в протоколах не обозначались обнаруженные вещественные источники доказательств, в 45% случаев объекты предъявлялись для опознания не среди других сходных предметов, в 27% случаев эти опознания проводились без предварительного допроса, в 18% случаев в протоколах этих следственных действий не было сведений о признаках, по которым производилось опознание и т. п. Такое положение не может считаться нормальным.

Совокупная оценка всех средств процессуального доказывания должна привести следователя, прокурора, судей и других участников судопроизводства к определенному убеждению. Это то же *внутреннее убеждение*, но *выступающее уже как результат* тщательной проверки и оценки всех имеющихся по делу фактических данных, их источников и способов получения (использования). По существу таким убеждением выражается психическое отношение субъектов доказывания к достоверности (недостоверности) исследуемых обстоятельств и фактов, к их конкретным свойствам и значению по делу.

Как результат познавательной деятельности в уголовном процессе, внутреннее убеждение представляет собой такое состояние сознания человека, которое означает его непоколебимую уверенность в доказанности или недоказанности искомых фактов и обстоятельств, в наличии или отсутствии в них определенных признаков (свойств, связей), в правильности или ошибочности делаемых из них выводов. Как правильно подчеркивает Ю. М. Грошевой, в таком убеждении концентрируются направленность личности судьи, его профессиональное правосознание, полученные в ходе рассмотрения дела знания о фактах и их свойствах, волевая решимость действовать в соответствии с такими знаниями и с законом (см. «Теоретические проблемы формирования убеждения судьи в советском уголовном судопроизводстве». Автореферат диссертации. Харьков, 1975, стр. 5).

Внутреннее убеждение принципиально отличается от интуиции, догадки, чутья и иных безотчетных чувств, поскольку достигается в ходе объективного познания

реальной действительности, основывается на всесторонне исследованных и оцененных доказательствах и источниках. Решить по внутреннему убеждению — значит *осознать* единственную правильность утверждаемого или отрицаемого, иметь строго обоснованную уверенность в истинности своих суждений и располагать необходимым для этого объективным материалом. Будучи субъективным по субстрату, это убеждение должно быть вполне объективным по своему содержанию²⁸¹.

Именно из такого понимания существа внутреннего убеждения как результата оценки средств доказывания исходит советская процессуальная наука²⁸². Отсюда же вытекает требование, обращенное к органам предварительного расследования, прокуратуры и суда, о четкой *мотивировке* принимаемых по убеждению решений. Применительно к наиболее важным процессуальным актам это требование выражено непосредственно в самом законе (например, ст. ст. 143, 205, 209, 301, 314 УПК РСФСР). Помимо того, Верховный Суд СССР как в своих руководящих разъяснениях, так и в постановлениях и определениях по конкретным делам неизменно требует указания в судебных приговорах доказательств, доводов и мотивов, которые лежат в основе тех или иных судебных выводов²⁸³.

Следователь, судьи и прокурор должны иметь внутреннее убеждение в доказанности или недоказанности каждого факта и обстоятельства, входящего в предмет и пределы доказывания по делу. Если в материалах дела речь идет о множестве преступных действий (бездействий)

²⁸¹ В. И. Ленин подчеркивал, что «различие, субъективного от объективного есть, **НО И ОНО ИМЕЕТ СВОИ ГРАНИЦЫ**» (В. И. Ленин. Поли. собр. соч., т. 29, стр. 90).

²⁸² О внутреннем убеждении и критериях его проверки более подробно см.: П. Ф. Пашкевич. Объективен истина в уголовном судопроизводстве. М., 1961, стр. 57—67; И. М. Резниченко. Новый этап в развитии учения о внутреннем судебском убеждении.—«Ученые записки Дальневосточного университета», серия юридических наук, вып. 19. Владивосток, 1967, стр. 71—80; Ю. М. Грошевои. Некоторые вопросы формирования внутреннего судебного убеждения в уголовном судопроизводстве.— «Вопросы государства и права». М., 1970, стр. 286—295 и др.

²⁸³ См. «Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР». М., 1964, стр. 335—338; «Бюллетень Верховного Суда СССР», 1964, № 6, стр. 21—24, 1968, № 5, стр. 17; 1968, № 1, стр. 30; -1969, № 4, стр. 9; -1970, № 2, стр. 35 и др.

или о совершении деяния несколькими лицами, все выводы в отношении каждого из них должны быть одинаково достоверными. Верховный Суд СССР справедливо подчеркивает, что «доказанность участия в отдельных эпизодах преступной деятельности не дает оснований распространять этот вывод на другие эпизоды преступления, участие в которых не подкреплено убедительными доказательствами»²⁸⁴. Иной подход к вопросу может нанести вред интересам достижения объективной истины по делу.

Путь к объективной истине в судопроизводстве — это активный и целеустремленный поиск, осуществляемый с соблюдением всех установленных законом процессуальных гарантий. Вооруженные марксистско-ленинской методологией, знанием закона и научных основ процессуального доказывания и богатым жизненным опытом, советские следователи, прокуроры и судьи имеют все необходимое для того, чтобы такой поиск в каждом отдельном случае увенчался полным успехом.

²⁸⁴ См. «Бюллетень Верховного Суда СССР», 1970, № 2, стр. 28—31.